

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

САТАРОВА Элиана Арстанбековна

**КИРГИЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН**

Специальность 5.5.4 Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической теории
Дипломатической академии МИД России
Жильцов Сергей Сергеевич

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I	18
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	18
1.1. Основы внешней политики ИРИ на современном этапе.....	18
1.2. Роль Центральноазиатского региона для Ирана	37
ГЛАВА II.....	57
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРИ В ОТНОШЕНИИ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	57
2.1. Сотрудничество ИРИ и КР в политико-экономической сфере	57
2.2. Роль культурно-гуманитарного фактора в политике ИРИ	80
ГЛАВА III	98
ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ИРИ В ОТНОШЕНИИ КР	98
3.1. Роль религиозного фактора в определении политики ИРИ	98
в отношении КР	98
3.2. Влияние внерегиональных факторов на политику ИРИ в отношении КР	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	135
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	140

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется устойчиво поступательным повышением для Ирана роли Центральноазиатского региона, куда входит и Киргизская Республика. Располагая значительными запасами природных ресурсов и занимая ключевое географическое положение, характеризующееся протяженностью общих границ с Афганистаном, КНР, РФ и Ираном, Киргизия – один из ключевых акторов политического, экономического, социально-культурного взаимодействия между указанными странами.

Политика Ирана в отношении Киргизии исходит из того, что данное государство является ключевым внешнеполитическим партнером в Центральной Азии. Через Киргизию Иран рассчитывает укрепить свои политические интересы в регионе, создав устойчивые политические, экономические и религиозные связи, направленные на расширение двусторонних отношений. Этому способствуют исторически сложившиеся связи между странами.

Укрепляя позиции в Киргизии, Иран рассчитывает уравновесить геополитические амбиции Китая и Запада, которые продвигают в регионе свои экономические и политические интересы. Исходя из этого, в последнее время иранская сторона активизировала двусторонние контакты с Киргизией, прежде всего, на политическом уровне.

В последнее десятилетие происходят изменения в развитии культурно-гуманитарных и религиозных связей Ирана с Киргизией. Исходя из устойчивых связей в этих сферах, Иран рассчитывает использовать Киргизию для отстаивания своих интересов в Центральной Азии. Особенно на фоне усилившихся попыток Турции и Китая продвигать в регионе туркоцентричную и китаеццентричную модель международных отношений.

Отношения с Киргизией создают благоприятные политические, экономические условия для снижения последствий западных санкций,

реализуемых в отношении Ирана. Бишкек рассматривается иранской стороной в качестве дополнительной возможности преодоления изоляции на международной арене.

Через укрепление отношений с Киргизией, Иран намерен усилить свое участие в новой системе региональной безопасности. На фоне кардинальных изменений во внутренней и внешней политике Афганистана, ирано-киргизские отношения рассматриваются официальным Тегераном в качестве дополнительного механизма в рамках ШОС.

Основными источниками исследования являются официальные документы. Официальная позиция Исламской Республики Иран отражена в: Конституции Исламской Республики Иран¹, Перспективный план развития (2003 г.)², Концепция исламско-иранской модели прогресса³.

В двусторонних документах: Меморандум межпарламентской связи между Республикой Кыргызстан и Исламской Республикой Иран от 18 декабря 1992 года⁴; 20. Программа долгосрочного сотрудничества между КР и ИРИ на 2016-2026 годы⁵,

Завершает базу источников блок международных документов: Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны от 25 декабря 2023 года (английский язык, оригинал)⁶, Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве

¹ Конституция Исламской Республики Иран <http://www.iranonline.com/iran/iran-info/Government/constitution>.
فانون اساسی جمهوری اسلامی ایران از بازرگان تا روحانی، قاسمی ف.، رزاقی پور س. لندن: H & S Media, 2016. C.623

Парвиз Зулъ-Айн. Дипломатическое право, Тегеран 2001. стр - 107
پرویز ذوالعین. حقوق دیپلماتیک. تهران، 2001. ص. 107

² 20 Year National Vision. Iran data Portal. Available at: <https://irandataportal.syr.edu/20-year-national-vision> (accessed 21.05.2025).

³ ۱۳۹۷ رهم ISNA. ۲۲. نتم لماک یوگلا هیآپ یملاسا یناریا تفرشیپ.

The full text of the Islamic Iranian model of progress. ISNA, 22.10.2017. (In Pers.) Available at: <https://www.isna.ir/news/97072212330/نتم-لماک-یوگلا-هیآپ-یملاسا-یناریا-تفرشیپ> (accessed 12.08.2025).

⁴ http://continent-online.com/Document/?doc_id=30221216 (дата обращения: 23.06.2025)

⁵ Программа долгосрочного сотрудничества между КР и ИРИ на 2016-2026 годы. <https://cbd.minjust.gov.kg/57-15483/edition/768701/ru?ysclid=mxh9igdjsy72943425> (дата обращения: 23.08.2025)

⁶ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны от 25 декабря 2023 года. https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/77b/FTA-EAEU_Iran.pdf (дата обращения: 12.08.2025)

между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран⁷, аналитические доклады⁸, выступления глав ИРИ и КР, в которых представлены приоритетные направления и перспективы изменения внешней политики ИРИ по отношению к центральноазиатским странам⁹ и др.

Объектом исследования является внешняя политика ИРИ в отношении Киргизской Республики.

Предметом исследования является выявление механизмов реализации политики Киргизии в отношении Киргизской Республики.

Степень научной разработанности проблемы

Литературу, которая использовалась при написании диссертации, можно классифицировать следующим образом.

К первой группе относятся исследования, выполненные учеными Дипломатической академии МИД РФ. В работах анализируются различные

⁷ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. 17.01.2025
https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62722/ (дата обращения: 14.06.2025)

⁸ Внешняя политика нового правительства Ирана. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/vneshnyaya-politika-novogo-pravitelstva-irana/?ysclid=mhx9w3nt1t258159126> (дата обращения: 25.06.2025); Десять лет отношениям Ирана и Кыргызской Республики, Бишкек, 2002. С. 41. ده سال روابط بين ايران و جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002. ص. 41. Первый шаг торгового сотрудничества Ирана и Кыргызстана
گام اول توسعه همکاری تجاری ایران و قرقیزستان
<https://sndu.ac.ir/fa/news/2439>
<http://ensani.ir/file/download/article/20161213114240-10070-45.pdf> (дата обращения: 24.05.2025)

⁹ Журнал Института стратегических исследований. Исследование текстов внешней политики Исламской Республики Иран. Тегеран, 11-год, № 40, лето 2009. С. 323
مجله مؤسسه مطالعات استراتژیک: مطالعات متون سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران – تهران، سال 11، شماره 40، سال 1388، ص 323.
Дехгани-Фурузабади Д.С. Сийасате хареджийе джомхурийе эсламийе Иран-Техран, сазманоне моталее ва тадвине кетабе алуме энсанйие данэшгахха (самт) 1388 С. 142, Moulana Kh., Mohammadi M. 1387/ Сийасате хареджийе джомхурийе эсламийе Иран дар доулате ахмадинежад. Техран. Нашре додгостар . 250 С. 116.
مولانا حجت‌الله محمدی م. 1387/ سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران در دولت احمدی‌نژاد. تهران، نشر دادگستر، 250، ص 116.
دهقانای فیروزآبادی د.س. سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران – تهران، سازمانان مطالعه و تدوین کتاب علوم انسانی دانشگاهها (سمت)، 1388، ص 142.
Экспорт революции с точки зрения имама Хомейни (содуре энкелаб аз дидгах-е эмама Хомейни), Тегеран: Аппарат заместительства по исследованиям Организации подготовки и публикации работ имама Хомейни (моавенате пажухеши-йе моассесейе танзимо нашре ансаре эмаме хомейни), 1995 (1374). С.26;
Почему взаимодействие со странами Центральной Азии не является приоритетом внешней политики Ирана? چرا تعامل با کشور های آسیای مرکزی در اولویت سیاست خارجی ایران قرار ندارد؟ <https://www.isna.ir/news/1400011707497/> (дата обращения: 12.08.2025);

Руководство по торговле в Киргизской Республике. Тегеран. 2008 г. С 92.

Первый шаг торгового сотрудничества Ирана и Кыргызстана راهنمای تجارت کشور قرقیزستان. تهران، 2008. ص ۹۲
گام اول توسعه همکاری تجاری ایران و قرقیزستان <https://ecoiran.com/> (дата обращения 10.03.25); Организация по развитию экспорта Ирана)

سازمان توسعه صادرات ایران

<https://tpo.ir/countries/%D9%82%D8%B1%D9%82%DB%8C%D8%B2%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86> (дата обращения: 23.07.2025); Хабар-о-назар. Тегеран, 1980. № 118, 128.
<http://ensani.ir/file/download/article/20161213114240-10070-45.pdf> (дата обращения: 28.06.2025).

аспекты мировой политики и международных отношений. К ним относятся следующие ученые: Е.П. Бажанов, В.И. Винокуров, А.Г. Володин, С.В. Воробьев, А.А. Громыко, С.С. Жильцов, А.Г. Задохин, Т.А. Закаурцева, О.П. Иванов, О.Г. Карпович, А.П. Любимов, М.А. Неймарк, В.К. Белозёров, А.Ш. Ногмова, Т.В. Зверева, М.Ю. Мартынова, М.М. Мчедлова, А.Т. Мозлосев, Г.М. Сидорова, Р.Н. Шангараев, В.В. Штоль и др.¹⁰.

¹⁰ Бажанов, Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. М.: Восток – Запад, 2011. 166 с.; Бажанов, Е.П., Бажанова, Н.Е. Многополюсный мир. М.: Восток – Запад, 2010. 464 с.; Бажанов, Е.П., Бажанова, Н.Е. Диалог и столкновение цивилизаций. М.: Издательство «Весь Мир», 2013. 272 с.; Винокуров, В.И. Ялта 2.0: горизонты новой международной конференции, возможные сценарии и вероятность их реализации // Дипломатическая служба. 2025. Т. 21. № 2 (119). С. 194-202.; Винокуров, В. И. От однополярного к многополярному миру: теоретическое обоснование неизбежности трансформации мирового порядка / В. И. Винокуров // Дипломатическая служба. – 2023. – № 1. – С. 43-52. – DOI 10.33920/vne-01-2301-04; Володин, А. Г. Отношения «гигантов»: Индия и Китай в современном мире / А. Г. Володин // Вестник ученых-международников. – 2023. – № 4(26). – С. 209-218; Володин, А.Г. Современная мировая система: перегруппировка сил // Общественные науки и современность. 2024. № 5. С. 7-21.; Воробьев, С. В. Международное взаимодействие приграничных субъектов России. Деятельность в условиях санкционного давления Запад / С. В. Воробьев, А. Ш. Ногмова // Обозреватель. – 2025. – № 1(408). – С. 86-96. – DOI 10.48137/2074-2975_2025_1_86; Ворожеина, Я.А., Клемешев, А.П., Комлева, Н.А., Дружинин А.Г., Белозеров В.К., Федоров Г.М., Волощенко К.Ю. Геополитическая безопасность России: к постановке проблемы // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 1. С. 153-169.; Громыко, А.А. Мир полицентризма: роль ценностей в конкуренции ведущих держав // Полис. Политические исследования. 2024. № 6. С. 7-21.; Жильцов, С.С. Влияние Запада на интеграционные процессы на постсоветском пространстве // Опыт и перспективы белорусско-российских интеграционных проектов: сб. науч. ст. РИСИ. М., 2018. С. 169-204; Закаурцева, Т.А. (гл. ред.) Вопросы теории и истории международных отношений. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2010. 300 с.; Зверева, Т.В. Международные отношения в европейском регионе. Политические проблемы современных международных отношений: учебное пособие / отв. ред. Т. В. Каширина, К. А. Феофанов. – Москва: Проспект, 2019. – 272 с. С.70-99. ISBN 978-5-392-30571-1; Иванов, О. П. Американская официальная концепция расширения НАТО на восток: к истокам вопроса / О. П. Иванов // Современная Европа. – 2017. – № 6(78). – С. 34-46; Карпович, О.Г. Тенденции развития современного мира // Союз криминалистов и кримиологов. 2024. № 1. С. 9-12.; Мозлосев, А.Т. К вопросу российско-турецких отношений: на пути к стабильному взаимопониманию // Восточный альманах. Сборник научных статей. 2018. С. 54-60; Стратегические ядерные вооружения в истории международных отношений XX-XXI веков. Воробьев С.В., Каширина Т.В., Матвеев О.В., Епифанова Т.В., Закаурцева Т.А., Зверева Т.В., Карпович О.Г., Миргородский Д.С., Неймарк М.А., Пашенцев Е.Н., Рудницкий А.Ю., Феофанов К.А., Штоль В.В. (7-е издание) Москва; 2025.; Мчедлова, М.М. Российская цивилизационная идентичность как основа ценностной целостности и государственной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 768-785; Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим. Авакова Э.Б., Авксентьев В.А., Аксумов Б.В., Андреев М.В., Арсениевич О., Ахметова Л.В., Балтезаревич Б., Березовская И.П., Брюханцева Н.В., Бугайчук Т.В., Буркова Е.И., Гончаренко Л.Н., Иванкина Л.И., Каленова Т.С., Кириллова Н.Б., Коряковцева О.А., Лойко О.Т., Мартынова М.Ю., Миятович М., Перич Н. и др. Симферополь, 2022.; Нарышкин, А.А., Воробьев, С.В. Экономическая дипломатия. Методология исследования в условиях глобального кризиса международных отношений // Обозреватель. 2022. № 9-10 (392–393). С. 40-53; Международные организации и их роль в урегулировании конфликтов. Аватков, В.А., Винокуров, В.И., Воробьев, С.В., Задохин, А.Г., Закаурцева, Т.А., Каширина, Т.В., Литвинова, Ю.Г., Феофанов, К.А., Школярская, Т.И., Штоль, В.В. (6-е издание) Москва, 2022.; Меняющийся ландшафт международной безопасности: конфликты и сотрудничество. Басов А.А., Борисов А.В., Высочанская С.О., Данельян А.А., Егоров В.Н., Жернов Ю.В., Иванов О.П., Карпович О.Г., Коньшев В.Н., Малов А.Ю., Неймарк М.А., Пашенцев Е.Н., Сергунин А.А., Сидорова Л.Н., Сурма И.В., Тимакова О.А., Шамаров П.В., Шляхтунов А.Г., Штоль В.В. монография / Москва, 2025.; Сидорова, Г. М. Африка: вторая независимость или провальные попытки запада реставрировать колониализм (на примере бывших колониальных владений Франции) / Г. М. Сидорова // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2024. – Т. 15, № 10(144). – DOI 10.18254/S207987840032608-7; Шангараев, Р. Н. Когнитивное превосходство в контексте современных угроз / Р. Н. Шангараев // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 84-88. – DOI 10.33693/2223-0092-2025-15-2-84-88; Штоль, В. В. Проблемы лидерства в системе многополярности / В. В. Штоль //

Вторую группу составляют научные труды российских специалистов по различным аспектам внутренней и внешней политики Ирана, осуществляемой им после Исламской революции 1979 г. Среди работ российских ученых-иранистов, занимавшихся этими проблемами, нужно отметить исследования В. Наумкина, А. Ежовой, Л.М. Кулагиной, С.Б. Дружиловского, Н. Федорова, Н.М. Мамедовой, В.И. Сажина, В.И. Белова (Юртаева), А.М. Вартанян, С.Л. Агаева, К. Хандогина¹¹.

Третья группа включает в себя публикации российских авторов, посвященные исследованию деятельности в Центральной Азии внерегиональных акторов, таких как США, РФ, Турция, Королевства Саудовской Аравии и т.д. Это работы В.А. Аваткова, С. С. Казема, С.С. Жильцова, Оливера Роу, В.В. Хуторской, В. И. Месамеда, А. Князева, С. Каменевой и т.д.¹².

Трансформация международной безопасности в XXI веке: Россия, Запад и Глобальный Юг : Сборник материалов международной научно-практической онлайн-конференции, Москва, 01 декабря 2023 года. – Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2024. – С. 31-42.

¹¹ Агаев, С.Л. Иранская революция, США и международная безопасность. 44 дня в заложниках. Москва, 1984. 276 с.; Агаев, С.Л. Иран: рождение республики. Москва, 1984. 336 с.; Агаев С.Л. Иран между прошлым и будущим. События. Люди. Идеи. Москва, 1987. 319 с.; Агаев, С.Л. Иран в прошлом и настоящем. Пути и формы революционного процесса. Москва, 1981, 271 с.; Белов, В.И., Пичугин, С.В., Ранджбар, Д.М. Энергетическая дипломатия и формирование «экономики сопротивления» в Иране // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. №3. С. 522-537; Большая стратегия Ирана. Политическая история /Вали реза Наср; перевод с английского Ксении Орловской. Ереван. Fortis Press. 2025. – 428 с.; Вартанян, А.М. Новые аспекты региональной стратегии Тегерана в регионах Центральной Азии и Закавказья. Институт Ближнего Востока. http://www/iimes.ru/rus/frame_stat.html) (дата обращения: 03.03.2025); Дружиловский, С.Б. Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке: мифы и реальность // Иран во втором десятилетии XXI века / Под редакцией Н.М. Мамедовой. М. ИВ РАН, 2016. С.165; Ежова, А. Доктрина Али Шариати и кризис концепции «веляйте-факих» в современном Иране // <http://www.islamcom.ru/material/php?332>; Кулагина, Л.М. Внешняя политика ИРИ // Иранская революция 1978-1979: причины и уроки. М.: 1989. С.384-385; Кулагина, Л.М., Ахмедов, В.М. Иран выходит из изоляции // Иран: ислам и власть. Российская Академия Наук. Институт востоковедения. Культурное представительство при посольстве Исламской республики Иран в Москве. М., 2002. С.161; Краснов, К.Г., Юртаев, В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия системного сдерживания. РУДН. Москва, 2016. С. 623; Мамедова, Н.М. Внешнеэкономические связи Ирана // Внешнеэкономические связи азиатских государств (на примере Индии, Ирана и Турции)/ Под ред. Торкунова А.В. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 141.; Наумкин, В. Модели и варианты: встраивание исламских политических организаций в современное государство. Алматы. 2008. С.47.; Федорова, Е. И. Ирано-американские отношения после принятия Совместного всеобъемлющего плана действий по решению иранской ядерной проблемы. М., 2004, С.141; Мамедова, Н. М., Каменева, М.С., Федорова, Е. И. Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. Москва: ИВ РАН. С. 254-264; Юртаев, В.И. Особенности современной внешней политики Ирана // Вестник РУДН, серия Международные Отношения. 2012. №2. С. 16.; Юртаев, В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана / В. И. Юртаев. Москва: Аспект Пресс, 2018, С.48; Юртаев, В.И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. №2. С. 66-80; Хандогин, К. Идеология хомейнизма и ее влияние на формирование концептуальных основ внешней политики Ирана. Власть. М. 2011. С. 112; 1-144.¹

¹² Тахмасб. Иран, Россия и южные республики бывшего Советского Союза // Гуфтугу. 1372/1993. № 73-74. С.6

В четвертую группу входят работы, посвященные анализу специфики роли ислама в политических процессах в Иране. Среди авторов: А. Малащенко, Е.И. Федорова, Арне Зайферт, К. Маликов, А. Салиев, В. Ушаков, Н.М. Мамедова Н. М., С.Т. Каменева, Gheissari A., Perletta G., Rad A., Tajbakhsh K. и т.д.¹³.

В пятую группу входят исследования иранских авторов, которые исследуют концептуальные основы исламского правления, заложенных имамом Хомейни, а также в целом политику Ирана. Среди них следует выделить таких иранских ученых, как Белов В.И., Гадер Насри Мешкини, Касеми Хамед, Мухаммад Рахим Ивади, Мохаммади М., Али-Реза Бикдели, Аббас Манучехри, А. Садеги Нешат, И Зоуки, Amir Н.М., Eshraghi A.R.¹⁴.

تهماسب. ایران، روسیه و جمهوری‌های جنوب اتحاد شوروی سابق // گفتگو. 1993/1372، شماره‌های 73 و 74، ص 6.
Саджадпур Сайед Мохаммад Казем, Политическое отношение США к отношениям Ирана с прикаспийскими странами // Ежеквартальный журнал исследований Центральной Азии и Кавказа. № 21. С. 6;
سجادپور سید محمد کاظم، رفتار سیاسی آمریکا نسبت به روابط ایران با کشورهای حوزه خزر، فصلنامه مطالعات آسیای مرکزی و قفقاز، شماره 21، 79
Жильцов С. Китай на пути к лидерству: роль инициативы «Один пояс - один путь» // Вестник дипломатической академии МИД РФ. 4(30). М., 2021. С. 208; Oliver Roy. Iran's foreign policy towards Central Asia/ New York, 1999. P.16; Хуторская, В.В. Взаимоотношения ИРИ и стран Центральной Азии // Иран: ислам и власть. Российская Академия Наук. Институт Востоковедения. Культурное представительство при посольстве Исламской республики Иран в Москве. М., 2002. С. 234; Князев, А. региональная стратегия Ирана в центральной Азии: эволюция и приоритеты <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/a-knyazev-regionalnaya-strategiya-irana-v-tsentralnoy-azii-evolyutsiya-i-prioritety/> (дата обращения: 01.03.25); Каменева, М.С. Персидский язык как фактор культурной интеграции // Иран: ислам и власть. Российская Академия Наук. Институт востоковедения. Культурное представительство при посольстве Исламской республики Иран в Москве. М., 2002. С. 138.; Месамед, В.И. Иран – Кыргызстан: как развивается диалог [URL:http://www.iimes.ru/?p=41366](http://www.iimes.ru/?p=41366) (дата обращения: 02.02.2025); Салехи, Н. Геополитические взаимодействия Ирана с ЦА и их влияние на национальную безопасность Ирана // Военная наука и техника». Тегеран, 2006. С. 55; Аватков, В.А. Внешнеполитическая идеология Турции в период правления партии справедливости и развития. МГИМО (МИД РФ). //Зарубежное регионоведение. ННГУ им Лобачевского, 2014. С. 163.

¹³ Малащенко, А. Исламская альтернатива и исламистский проект. Москва. 2006. С.126; Зайферт, А. Политический Ислам в ЦА. Берлин. 2019. С 12; Ушаков, В.Н. Политический Ислам в Центральной Азии. Бишкек, 2005. С.34; Ушаков, В.А. Иранская внешняя политика накануне XXI-го века //Ближний Восток и Современность. Сборник статей. Выпуск шестой. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 1999. С.231; Салиев, А.Л. Восточный вектор внешней политики Кыргызстана: Азиатско–Тихоокеанский регион и Ближний Восток, 2011; Маликов, С.К. Влияние джихадистских тафхиритских идеологий ИГИЛ, Аль – Каиды на трансформацию радикальных течений в Казахстане и Кыргызстане. Бишкек. 2020. С.34; Маликов, К. Дилемма обеспечения безопасности: какие еще страны ЦА может ждать нестабильность в ближайшее время? [URL: http://mnienie.akipress.org/unews/un_post:23843/?from=mnienie&place=authors](http://mnienie.akipress.org/unews/un_post:23843/?from=mnienie&place=authors); Федорова, Е. И. Ирано-американские отношения после принятия Совместного всеобъемлющего плана действий по решению иранской ядерной проблемы // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. Москва: ИВ РАН. С. 254-264; Gheissari, A. Unequal Treaties and the Question of Sovereignty in Qajar and Early Pahlavi Iran. Ann Lambton Memorial Lecture, Durham Middle East Papers 106, Institute for Middle Eastern and Islamic Studies, Durham University. 2023. P. 8-41.; Perletta, G. Political Radicalism and Ahmadinejad's Presidencies. New York: Palgrave Macmillan. 2022.; Rad, A. The State of Resistance: Politics, Culture and Identity in Modern Iran. New York: Cambridge University Press. 2022.; Tajbakhsh, K. Creating Local Democracy in Iran: State Building and the Politics of Decentralization. New York: Cambridge University Press. 2022.

¹⁴ Белов, В.И. Цивилизационные основания государства в Иране // Контурь глобальных трансформация: политика, экономика, право. 2024. Т.17. №4. С. 6-19.; Касеми, Хамед. Правовые основы внешней политики и

Особо следует отметить работы известного иранского дипломата Мехди Санай, рассматривающего в своих трудах, в частности в работах «Позиция Ирана в Центральной Азии», «Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ», некоторые аспекты взаимоотношений ИРИ с центральноазиатскими странами, которые были использованы в данной работе¹⁵.

В шестую группу входят работы, в которых раскрываются концептуальные положения политики Ирана после 1979 года. Это труды верховного лидера Исламской Республики Иран Аятоллы имама Хомейни. Также были привлечены в качестве фактического материала представляющие важность для исследования изречения нынешнего лидера ИРИ Аятоллы имама Хаменеи, идеи которого, сформулированные на различных площадках, были взяты за основу при определении ключевых векторов проведения внешней политики ИРИ после Исламской революции 1979 года¹⁶.

защиты национальных интересов современного Ирана. // Молодой ученый. Сер. Политология. №3 (50) март, 2013. С. 392; Muhammad, Rahim Iwadi/ Desion-making proses in Imam Khomeini 's Perspective with Emphasis on International System/ Desion-making proses in Imam Khomeini 's Perspective with Emphasis on International System/ Imam Khomeini and the Islamic Revolution. A collection of Articles. 2008. The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department / P.39; Манучехри, А. Политическая система Ирана. Санкт-Петербург, 2007. С.186; Садеги, Нешат А. Конституционный строй Исламской Республики Иран. М., 2019; Revolutionary Iran's 1979 Endeavor in Lebanon. Middle East Police 20. 2023. №2 (June). P. 137-152.; Eshraghi, A.R., Amir, H.M. The Evolution of the Revolutionary Guards. In the Sacred Republic: Power and Institutions in Iran, edited be Mehran Kamrava. New York: Oxford University Press. 2023. P. 187-220.

¹⁵ Санай, М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. СПб, 2017. С.3; Санай М. Иран и иранцы. Алматы, 1998. С.37; Зоуки И. Авамэле моасэр бар сийасате хараджийе Иран // Тарихе равабэте хареджи. Фаслнамэ. Сале аввал. -1378, зэмэстан.-№1; Зоуки, И. Факторы, воздействующие на внешнюю политику Ирана // История внешней политики. Ежеквартальный журнал. Тегеран: Центр документации и истории дипломатии МИД ИРИ, 2000. №1. С. 100-108;

زوکی ا. عوامل مؤثر بر سیاست خارجی ایران// تاریخ روابط خارجی. فصلنامه، سال اول، 1378 – زمستان، شماره اول، تهران، مرکز اسناد و تاریخ دیپلوماسی وزارت امور خارجه جمهوری اسلامی ایران.

¹⁶ Хомейни Р. Хокумате Джомхурийе эслами.Б.м., Б.г. С.3 (правительство исламской республики)

3. «Ислам и революция»; Хомейни Р. Велаятуль факих» («правление исламских правоведов»), «Ислам и революция»; Хомейни Р. Путь к свободе: Речи и завещание. М., 1999. С. 346; Хомейни Р. Речь, обращенная группе пакистанских и индийских мусульман, проживающих в Иране «Мир принадлежит обездоленным» // Сахифе-е эмам, Т.7. С. 292; Экспорт революции с точки зрения имама Хомейни (*содуре энкелаб аз дидгах-е эмама Хомейни*), Тегеран: Аппарат заместительства по исследованиям Организации подготовки и публикации работ имама Хомейни (*моавенате пажухеши-йе моассессейе танзимо нашре ансаре эмаме хомейни*), 1995 (1374). С.26, Imam Khomeini and the Islamic Revolution. A collection of Articles.2008 p. 1 The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department); Хомейни Р. Послание имама Хомейни М.С. Горбачеву// Ансари Х. Имам Хомейни: Политическая борьба от рождения до кончины. М.: Палей, 1999. С. 325-326; Доктрина Исламской революции: Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М., 2009. С.140, Хомейни Р.М. Религиозное и политическое завещание. М.,1999. С. 83; Имам Хомейни. Книга Света. Тегеран: Сазмане мадарики фархангийе инкилабе ислами. Т.12. С.19; Экспорт революции с точки зрения имама Хомейни (*содуре энкелаб аз дидгах-е эмама Хомейни*), Тегеран: Аппарат заместительства по исследованиям Организации подготовки и публикации работ имама Хомейни (*моавенате пажухеши-йе моассессейе танзимо нашре ансаре эмаме хомейни*), 1995 (1374). С.26; Хомейни Р. Послание имама Хомейни

В седьмую группу входят исследования иранских авторов, которые анализируют особенности внутренней и внешней политики ИРИ после Исламской революции 1979 г., а также ее взаимоотношения с центральноазиатскими странами. К ним относятся Ахмади Амир, Хезрик, Азганди Алиреза, Вали реза Наср, Парахмади Хосейн, Хафез Ния, Akbarzadex Sh., Ali V., Alemzadeh M., Anoushiravan E., Bajoghli N., Djavad S.-I., Mohammadi M., Moulana Kh., Rasmus E., Sune H., William G., Vali N.¹⁷.

Восьмую группу составляют исследования, опубликованные киргизскими учеными. В них рассматриваются отдельные аспекты иранской политики в отношении Киргизии. В число этих авторов входят Т.Т. Машрапов, М. Н. Суюмбаев, А.С. Ормушев, А.К. Салиев¹⁸.

М.С. Горбачеву// Ансари Х. Имам Хомейни: Политическая борьба от рождения до кончины. М.: Палея, 1999 С. 325-326, Доктрина Исламской Революции: Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. -М.,2009, с.140., Хомейни Р.М. Религиозное и политическое завещание. -М.,1999, с.83

¹⁷ Ахмади, А. Внешняя региональная политика Ирана. Ч.2.// *Иттилаати сийасийе-иктисади*. 1372/1993. №73-74. С.7; Хезрик. Иран и южный регион бывшего Советского Союза / пер. Камиллия Икhtiшамли Акбари. Тегеран: Дафтари мутуалати сийаси ва байн алмилали, 1996. С. 13-14; Азганди Алиреза. Сийасате хариджие Джомхурие Исламие Иран (внешняя политика Исламской Республики Иран).Тегеран: «Кумс», 1381. С.18; Authoritarian Alliance: The Systemic Factors That Bring Russia and Iran Together. In *Struggle for Alliance: Russia and Iran in the Era of the War in Ukraine*, edited by Abdolrasool Divsallar. New York: I.B. Tauris. 2024. P. 175-202.; Akbarzadex, Sh. William, G., Anoushiravan, E. Iranian Proxies in the Syrian Conflict: Tehran's "Forward Defense" in Action // *Journal of Strategic Studies*. 2022. P. 1-24.; Alemzadeh, M. The Attraction of Direct Action: The Making of the Islamic Revolutionary Guards Corps in the Iranian Kurdish Conflict. // *British Journal of Middle East Studies*. 2021. P.1-20.; Brothers, Comrades and the Quest for the Islamist International: The First Generation of Liberation Movements in Revolutionary Iran. In *The Fate of Third Worldism in the Middle East*, edited by Rasmus Elling and Sune Haugbrolle. London. Oneworld. 2024. P. 121-144.

احمدی امیر، سیاست خارجی منطقه‌ای ایران، بخش 2// اطلاعات سیاسی-اقتصادی، 1372/1993، شماره‌های 73 و 74، ص 7. ازگندی علی‌رضا، Парахмади Хосейн. *Эктесаде сийасийе ва таамоле доулат ва незаме джахани: зарурате пажухешхае навин дар тадвине сийасате хариджи* (Политическая экономия и взаимоотношения государств и мировой системы: необходимость новых исследований при разработке внешней политики)// *Сийасате хариджи*.1381. №4. За Хафез; Ния, М., Доулатаби, М.Ш., Афшорди, М.Х. Геополитические интересы Ирана в Центральной Азии и будущие возможности // *Ежеквартальный геополитический журнал*. №3. 2007. С. 78-119; Bajoghli, N., Vali, N., Djavad, S.-I., Ali, V. How Sanctions Work: Iran and the Impact of Economic Warfare. Stanford, CA: Stanford University Press. 2024.; Iran at War: Interactions with the Modern World and the Struggle with Imperial Russia. London: I.B. Tauris. 2023.; Iran and Russia in Syria: A Changing Alliance amid the War in Ukraine. In *Struggle for Alliance: Russia and Iran in the Era of the War in Ukraine*, edited by Abdolrasool Divsallar. 2024. New York: I.B. Tauris. P. 313-342.;

محمدرضا حافظ نیا، محمود شمس دولت‌آبادی، محمد حسین افشردی - علائق ژئوپلیتیکی ایران در آسیای مرکزی و فرصتهای پیش رو - فصلنامه مoulana Kh., Mohammadi M. 1387/ *Сийасате хареджийе джомхурийе эсламийе Иран дар доулате ахмадинежад*. Техран. Нашре додгостар. 250 С. 116.

مولانا حجت‌الله محمدی م. 1387/ *سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران در دولت احمدی‌نژاد*. تهران، نشر دادگستر، 250، ص 116. Парахмади Хосейн . *Эктесаде сийасийе ва таамоле доулат ва незаме джахани: зарурате пажухешхае навин дар тадвине сийасате хариджи* (политическая экономия и взаимоотношения государств и мировой системы: необходимость новых исследований при разработке внешней политики)// *Сийасате хариджи* .1381.№4. پراحمدی حسین. اقتصاد سیاسی و تعامل دولت و نظام جهانی: ضرورت پژوهش‌های نوین در تدوین سیاست خارجی، سیاست خارجی، سال 1381، شماره 4.

¹⁸ Ормушев, А. Кыргызстан-Иран мамилерине 20 жыл. Б., 2012. С. 68., Салиев, А.Л. Восточный вектор внешней политики Кыргызстана: Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток, 2011. Суюмбаев, М.Н.

Девятую группу составляют труды авторов, научные интересы которых связаны с изучением фактора влияния на политику культуры и религии. Это такие исследователи как Берт Г. Фрагнер, В.В. Бартольд, Д.С. Дехгани-Фурузабади, А. Даизадеджелодар, Хафез Ния М., Доулатабади М.Ш., Афшорди М. Х. и другие¹⁹.

Десятую группу составляет массив публикаций зарубежных авторов, чьи работы посвящены внутренней политике Ирана, ее государственному устройству, а также роли внерегиональных акторов – Турции, Королевству Саудовской Аравии и США. Среди них следует выделить таких авторов как , З. Бжезинского, Н. Салехи, Blattman Ch., Coll S., Firoozeh K.-S., Katouzian H., Malikov K., Maltzahn N., D. Painter, O.Roy, R. Savory, M. Tavakoli-Targhi, P.V. Shlykov²⁰.

В одиннадцатую группу входят труды исследователей из Ирана и арабских стран, опубликованные на арабском языке. Они посвящены анализу

Евразийские транспортные коридоры: проблемы и меридиальные вопросы. Афганистан и безопасность ЦА. Вып. 2. Фонд Ф. Эберта. Бишкек, 2005 С. 179.

¹⁹ Берт, Г. Фрагнер. «Персофония» региональность, идентичность языковые контакты в истории Азии. М., 2018. С. 87; Бартольд, В.В. Ислам. Сочинения в 9 томах. Том VI. М., 1966, С. 77., Дехгани-Фурузабади Д.С. Сийасате хареджийе джомхурийе эсламийе Иран-Техран, сазманоне моталее ва тадвине кетабе алуме энсанийе данэшгахха (самт) 1388 С. 142, А. Даизадеджелодар. Формирование иранской национальной идентичности. АН РТ. 2011. Душанбе. С.158. Дехгани-Фурузабади, Д.С. Сийасате хареджийе джомхурийе эсламийе Иран-Техран, сазманоне моталее ва тадвине кетабе алуме энсанийе данэшгахха (самт) 1388 С. 142, دهقانای فیروزآبادی د.س. سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران – تهران، سازمان مطالعه و تدوین کتاب علوم انسانی دانشگاهها (سمت)، 1388، ص 142. Хафез Ния М., Доулатабади М.Ш., Афшорди М., Х.. Геополитические интересы Ирана в Центральной Азии и будущие возможности //Ежеквартальный политический журнал-№3, осень 2007. С. 79. محمدرضا حافظ نیا، محمود شمس دولتآبادی، محمد حسین افشردی - علائق ژئوپلیتیکی ایران در آسیای مرکزی و فرصتهای پیش رو - فصلنامه ژئوپلیتیک - سال سوم، شماره سوم، پاییز ۱۳۸۶، ص 79

²⁰ З. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. М. 2018. С.63; Painter, D., Gregory Brew The Struggle for Iran: Oil, Autocracy and the Cold War, 1951-1954. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 2023. نظامعلی صالحی، آхмаدی حامید، تعاملات ژئوپلیتیکی ایران با آسیای مرکزی و تأثیر آن بر امنیت ملی ایران. فصلنامه «علوم و فنون نظامی»، زمستان 1385. Турция, пантюркизм и Центральная Азия // Исследования Центральной Евразии, Центр перспективных международных исследований/ Тегеран., 2009. № 5. С. 12. حمید احمدی، «ترکیه، پان ترکیسم و آسیای مرکزی»، مطالعات. Blattman Ch. Why We Fight: the Roots of War and the Paths to Peace. New York. Viking. 2022.; Coll, S. The Achilles trap: Saddam Hussein, the C.I.A., and the Origins of America's Invasion of Iraq. New York: Penguin Press. 2024; Firoozeh, Kashani-Sabet, Fragile Frontiers: the Diminishing Domains of Qajar Iran. Int'l. Journal of Middle Easter Studies, vol. 29, 1997. – P. 205–207.; Katouzian, Homa. State and Society in Iran: The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis, I.B. Taurus, 2000. – P. 77, 327–328.; Malikov, K. Muslim community in Kyrgyzstan: social and political activity at present time. Bishkek. 2021. Social research center at American University of Central Asia. P.22-23; Maltzahn, N. The Syria-Iran Axis: Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East. London, New York: I.B. Tauris, 2013; Mohamad, Tavakoli-Targhi. Refashioning Iran: Language and Culture During the Constitutional Revolution. – Iranian Studies, vol. 23, numbers 4, 1990. – P. 77 – 101.; Roy, O. The New Central Asia: The Creation of Nations. New York: New York University Press, 2009.; Savory, R. Iran under the Safavids. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – P. 132.; Shlykov, P.V. The “Turkish Model” in Historical Perspective, Global Affairs, Vol. 16, No. 2, April-June, 2018.

различных аспектов исламского правления, идеологии политического ислама. Следует выделить таких авторов как Абдуль Хамид Мутавали, Абдулла Ибрахим Зайдул Килани, имам Аль-Маварди, Ахмад Риза Мустафа, Мусса Мавсави, Субхи Ас-Салих, Яхья Жамал²¹.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении особенностей формирования и реализации внешней политики Исламской Республики Иран в отношении Киргизской Республики в условиях трансформации международных отношений в Центральной Азии.

Для достижения цели были сформулированы следующие задачи:

- систематизировать концептуальные основы внешней политики Исламской Республики Иран, выделив те положения, которые претерпели изменения;
- определить геополитическое значение стран Центральной Азии для Исламской Республики Иран в условиях новых тенденций в мировой политике;
- выявить особенности внешней политики Ирана в отношении Киргизской Республики;
- установить степень и характер влияния религиозного фактора в политике Ирана в отношении Киргизской Республики;
- выявить роль культурного фактора в политике Ирана в отношении Киргизии;
- выявить влияние внерегиональных акторов на реализацию Ираном политики в отношении Киргизии в условиях возросшей геополитической борьбы за Центральную Азию.

²¹ Мутавали Абдуль Хамид. Шариатуль исламия ка-масдар асас лиль канун филь дуваль хадиса (Исламский Шариат как основа для закона в современных странах). Амман, 1999; Абдулла Ибрахим Зайдул Килани. Усулул аьля султатуль дауля фил ислам (Основы государственной власти в Исламе). Амман, 1997; Аль-Маварди. Ал-ахкам ас-султанийя (Принципы управления). Дамаск, 1974; Ахмад Риза Мустафа. Тахкик фи далаилал-Имamat (Доказательство Имамата). Бейрут, 1975; Мусса Мавсави. Ас-сираъа байна Шиъа ва Ташъи (Борьба между шиитами и тех кто принял политические идеи раннего шиизма). Амман, 1987; Субхи, Ас-Салих. Нузум аль-исламия ва ихтилафу филь хилафа (Исламские системы и разногласия в выборе Халифы). Амман, 1985; Яхья Жамал. Анзима сиясия филь дувалу аль-муслима (Политические системы в мусульманских странах). – Амман, 1990.

Научная новизна заключается в следующем.

1. На основе иранских внешнеполитических документов автором выявлена эволюция концептуальных подходов иранской внешней политики. Установлено, что на смену принципам, которые были сформулированы в Иране в 1980-х годах «не Восток, не Запад, а ислам» в XXI веке иранские власти скорректировали теоретические положения, исходя из внешнеполитической конъюнктуры. Внешнеполитический курс Ирана развернулся в сторону стран Центральной Азии.

2. Автором выявлено, что политика Ирана в отношении Киргизии опирается на теоретические принципы, заложенные имамом Хомейни и исламскими мыслителями, жившими в XX веке. Исходя из этих принципов Иран обосновывает для Киргизии развитие по «третьему пути». В условиях обострения ситуации в мировой политике Тегеран предлагает киргизской стороне альтернативу капитализму.

3. Автор пришел к выводу, что политика Ирана в отношении Киргизии претерпела значительные изменения. На смену экспорту исламских ценностей, которые Иран предлагал киргизской стороне в конце XX века, пришла стратегия, которую отличает прагматичность. Она направлена на продвижение экономических интересов иранского государства. Иран делает упор на развитие торговли и реализацию инфраструктурных проектов – строительство дорог и транзитных узлов.

4. Автор выделил характерные особенности политики Ирана в отношении Киргизии. На смену развитию двусторонних отношений Ирана с киргизской стороной в рамках Организации экономического сотрудничества и Организации исламского сотрудничества пришло взаимодействие вне данных организаций.

5. Сделан вывод, что ключевыми факторами в продвижении интересов Ирана в Киргизии выступают персидский язык и культура. Иранская сторона рассматривает их в качестве одного из ключевых инструментов гуманитарного сотрудничества и продвижения своих

внешнеполитических интересов. В основном этот курс реализуется через культурные и образовательные программы, которые Иран реализует в Киргизии.

6. Сделан вывод, что ключевым конкурентом Ирана в Киргизии выступает Турция. Она претендует на роль «старшего тюркского брата», поскольку имеет с Киргизией лингвистические, культурные и исторические общности, исповедуя ту же ветвь ислама – суннитскую. Кроме того, страны объединяет схожая модель политического устройства – светская, демократическая, вестернизированная, хотя и с исламской спецификой. Установлено, что с учетом возросшего давления на Киргизию со стороны как Турции, так и Запада, Ирану выгоднее, чтобы Бишкек оставался в зоне геополитического влияния РФ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Идеи имама Хомейни, актуализируемые на современном этапе развития мироустройства, имеют особую значимость как для внутригосударственной политики Ирана, так и для осуществления внешней политики. Как отметил автор, ее концептуальная основа опирается на религиозный фактор, который по прежнему играет огромную роль при реализации внешнеполитического курса на современном этапе.

2. Анализ опыта решения внешних и внутренних проблем, а также специфики основных этапов развития Исламской Республики Иран показывает, что, находясь под санкциями США с 1979 г., ИРИ во внешней политике ведет курс на поддержку многополярного мира. Это выражается, в том числе, в отказе от жесткой риторики, характерной для периода, наступившего после Исламской революции 1979 г. Новая идеология, успехи, достигнутые за годы существования исламской модели развития Ирана, обеспечили экономическую самодостаточность Ирана и предопределили форму и содержание внешней политики страны в различных регионах. Одним из векторов внешней политики ИРИ выступают страны Центральной Азии,

взаимодействие с которыми позволяет смягчить негативные последствия от санкционного давления и найти оптимальные способы выхода из изоляции.

3. Значение Центральной Азии продолжает неуклонно расти. Новые реалии, в том числе и происходящие в Центральной Азии процессы в политической и экономической сферах, предопределили для Ирана настоятельную необходимость искать новые подходы к продвижению своих интересов в центральноазиатских государствах, в том числе, и в Киргизии. Иран нацелен на поддержание многоаспектного взаимодействия со странами Центральной Азии.

4. В новых геополитических условиях, характеризующих изменение конфигурации международных отношений, идея «экспорта исламской революции» потеряла свою актуальность. Внешнеполитические задачи Ирана подчинены установлению тесной экономической кооперации со странами Центральной Азии, в том числе с Киргизской Республикой.

5. Развитие отношений с Киргизией является одним из приоритетных направлений для Ирана. Высокий уровень политического взаимодействия опирается на общность позиций по вопросам мировой политики, что находит отражение во взаимной поддержке инициатив на региональном уровне. В отношениях Киргизии и Ирана отсутствуют противоречия, что создало основу для последующего развития отношений между странами.

6. В условиях глобальной трансформации мироустройства усилия, направленные на сохранение стабильности в Центральной Азии, – одно из стратегически важных направлений иранской политики. Конфликт на Украине, продолжающееся санкционное давление, нарастающая напряженность обстановки в мире в целом – всё это становится для Ирана поводом для пересмотра концептуальных основ своей внешней политики. При этом, специфика этих изменений зависит и от того, с какой именно страной ИРИ выстраивает отношения, и, в частности от того, насколько умело ей удастся в сложившихся обстоятельствах балансировать, сохраняя свой имидж

«образцового» субъекта внешней политики, основанный на невмешательстве во внутренние дела других стран. Забота о формировании новой политической конфигурации в Центральной Азии, противостояние гегемонии США, стремление обеспечить надежный и прочный мир активизируют Иран в стремлении к политическому, экономическому и культурному присутствию в Центральной Азии.

Методология исследования. В исследовании применялись различные научные методы, что позволило комплексно рассмотреть выбранную тему. Историко-политологический подход обеспечил анализ эволюции внешнеполитической стратегии Ирана в историческом и современном контексте. Использовались исторический и системный методы, что позволило полно учесть культурные и религиозные аспекты, влияющие на межгосударственные отношения Ирана и Киргизии. Также был использован метод анализа документов, что дало возможность сопоставить внешнеполитический курс Ирана на разных этапах развития государства, проанализировать официальные заявления и нормативно-правовые акты, лежащие в основе формирования внешней политики. Автор прибегал к общенаучным методам исследования, таким как анализ, синтез, сравнение, обобщение, аналогия и экстраполяция, что обеспечило всестороннее и глубокое изучение внешней политики Исламской Республики Иран в отношении Киргизии и позволило сделать значимые и обоснованные выводы.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что в нем выявлена и охарактеризована роль и значимость Киргизской Республики как объекта внешней политики Ирана, осуществляемой в условиях, сложившихся под влиянием внутрирегиональных и мировых вызовов.

Сделанные в диссертации выводы могут быть использованы в качестве аналитических материалов в профильных учреждениях Киргизии, а также в

других ведомствах, занимающимся вопросами межкультурных, экономических и политических отношений с Ираном.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке учебных дисциплин по направлению «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» в высших учебных Киргизии и России.

Апробация диссертационного исследования. Диссертационное исследование обсуждалось на заседании кафедры политической теории ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия МИД России». Основные положения и теоретические выводы диссертации отражены в ряде научных публикаций (5 статей общим объёмом – 4,38 п. л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации отвечает цели и задачам проводимого исследования и состоит из введения, трех глав, разделенных на 6 параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава I

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

1.1. Основы внешней политики ИРИ на современном этапе

Концептуальная основа внешней политики Ирана в значительной степени определяется религиозными догматами, которые определяют стратегию внешнеполитического курса. Иранский ученый М. Санаи отмечал: «Вторая половина XX – начало XXI в. стали эпохой резкого усиления влияния религии на мировую политику вследствие роста религиозного самосознания населения в различных регионах мира. На рубеже XIX – XX вв. в исламском мире появился ряд великих мыслителей-реформаторов, стремящихся достичь две важные цели: во-первых, вырвать из рук чужаков ресурсы и богатства мусульманских стран и в результате добиться политической и экономической независимости и, во-вторых, примирить ислам с модернизмом»²².

Большую роль в разработке теоретических основ развития иранского государства сыграли исламские мыслители XX в. Среди них стоит выделить Сайида Кутба, Маудуди и имам Хомейни. На основе основополагающих принципов ислама они разработали собственные теоретические концепции, которые должны были определить будущее развитие мусульманского мира. В представлении иранских мыслителей, страна должна была определить собственный путь развития. Только в этом случае Иран мог стать независимым актором международных отношений. В теоретических взглядах иранские мыслители отводили Ирану роль центра, который в будущем должен был доминировать в мировой политике.

Ключевую роль в разработке развития иранского государства сыграл имам Хомейни. Его взгляды на роль ислама в современном мире были реализованы в ходе Исламской революции в Иране. «Теологическая, панисламистская, космополитическая – все эти определения характеризуют

²² Санаи М. Внешняя политика Ирана: между историей и религией // Россия в глобальной политике. 2006. №1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnyaya-politica-irana-mezhdu-istoriej-i-religiej/> (дата обращения: 04.03.2025)

революцию, возглавленную имамом Хомейни и приведшую к трансформации международных отношений и перераспределению политических сил между мировыми правительствами»²³. Как считал иранский исследователь Сайид Садек Хакикат, «не что иное как религиозное лидерство имама Хомейни сыграло фундаментальную роль, благодаря которой были мобилизованы люди из разных слоев общества, чтобы, став единым государством, подтвердить свое присутствие на международной арене»²⁴. Его дополнял ученый Зибакалам, который подчеркивал, что «Для нерелигиозных политических сил имам Хомейни был националистическим и антиимпериалистическим лидером, для интеллигенции – антидиктатором и антитоталитарным лидером. Для миллионов простых иранских женщин и мужчин он был популярным и обожаемым лидером»²⁵.

Обобщающие выводы сделал Никки Кэдди, который дал оценку личности Хомейни. По мнению ученого, многие нерелигиозные люди по-своему воспринимали Хомейни, считая его «символом революции»²⁶. Соответственно доктрина исламского правления, разработанная имамом Хомейни, получила название революционного шиизма, а идеология - «хомейнизм».

Религиозно-политическая доктрина Хомейни, в которой сочетаются религиозные и политические составляющие, получила осмысление со стороны иранских ученых. По их мнению, в основе доктрины лежат следующие положения. Это: «1) сосредоточенность на имамате, 2) стремление к единству исламской общины, 3) распространение справедливости и две противоположности – 4) угнетатели и 5) угнетенные»²⁷. Таким образом, в основе идеологии лежит представление имама Хомейни об исламе как о всеобъемлющем «учении, которое охватывает все стороны бытия –

²³ Дехшири Мохаммад-Рида. Теория исламской революции с точки зрения имама Хомейни. Институт по составлению и публикации трудов Имама Хомейни (отдел международных отношений). С. 1.

²⁴ Sayyid Sadeq Haqiqat . Six theories of the Islamic Revolution of Iran. P.62. Imam Khomeini and the Islamic Revolution. A collection of Articles. 2008. The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department)

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Рамин М.А. Почему мы должны говорить имам Хаменеи? // Информационно-аналитический портал «Rasekhoon.net». URL: <http://rasekhoon.net/article/show/732851/> (дата обращения: 15.05.2025).

личностные и общественные, материальные и духовные, а также его культурные, политические, экономические и военные аспекты, не пренебрегая ничем... имеющим отношение к воспитанию человека и общества, материальному и духовному развитию»²⁸.

В своих работах Р. Хомейни подчеркивал, что «в Коране и Сунне содержатся абсолютно все законы и установления, соблюдение которых делает человека счастливым, его жизнь – благополучной, а государство – процветающим. Имам Хомейни всегда ссылаясь на тот факт, что, в отличие от других пророков, Мухаммад основал не просто общину, а целое государство, в котором действовали законы религии, а он, будучи их возвестившим, являлся верховным правителем. Таким образом, ислам изначально сочетал в себе как собственно религиозную, так и политическую составляющие»²⁹. Имам Хомейни придавал исламу статус особой системы. По его мнению «его религиозно-политическая природа позволит мусульманам, а затем и всему человечеству пойти по пути развития, не похожему ни на один на то время существующий, в частности, ни на капиталистическую, ни на коммунистическую модели общественного устройства»³⁰. Он «указывал на пробуждение от необразованности в качестве первого шага в облегчении положения угнетенных мусульман»³¹.

Согласно концепции Хомейни, «мир делится на «угнетенных и обездоленных» (мостадафин) и «угнетателей» (мостакбирин)»³². При этом угнетатели развиваются эксплуатации угнетенных и неравномерного распределения материальных благ. Термином «мостадафин» имам обозначал всех «обездоленных планеты», а не только мусульман. К «угнетателями»

²⁸ Доктрина Исламской революции: избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М., 2009. С.122.

²⁹ Lewis B. Faith and Power: Religion and Politics in the Middle East-N.Y.: Oxford University Press, 2010, p.13

³⁰ Ежова А. Доктрина Али Шариати и кризис концепции «велят-э факих» в современном Иране // <http://www.islamcom.ru/material/phd?id=332> (дата обращения: 27.09.2025).

³¹ Muhammad Rahim Iwadi/ Desion-making prosess in Imam Khomeini 's Perspective with Emphasis on International System/ Imam Khomeini and the Islamic Revolution. A collection of Articles. 2008. The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department / P. 35.

³² Brown C. Religion and State. The Muslim Approach to Politic- N.Y.: Columbia University Press, 2001, p. 170

относил государства, «необходимость борьбы с которыми назрела, ибо только в случае победы над ними, по его мнению, угнетенные будут защищены, а продвижению ислама не будет ничего препятствовать. В контексте данного убеждения не случаен вектор всей внешней политики Хомейни, который планировал превратить страну в идеологический форпост мусульманского мира. Так, Иран на международной арене получил статус единственного на то время полностью исламского государства. Результатом Исламской революции стало не только установление исламской республиканской системы под руководством имама Хомейни, но и последовавшие вслед за ней прорывы в самых разных областях – социальные, политические, культурные, а также рост экономики, достижения в военной отрасли, укрепление позиции на внешнем – региональном и общемировом – уровне. Исламская революция породила новые понятия, такие как «экспорт революции», «мир угнетенных и угнетателей», «чистый ислам Мухаммада» и др.»³³

Имам утверждал: «Окончательная победа будет достигнута, когда ислам во всех аспектах и со всеми его догматами будет установлен в Иране. А высшая победа – когда ислам станет управлять всем миром. Ислам – источник счастья для человечества»³⁴. Помимо этого, Хомейни подчеркивал: «Раньше мы являлись нацией, испытывающей давление сверхдержав, но теперь мы освободились от их контроля и устремляемся вперед, что выразилось в подъёме нации»³⁵. Исходя из этих взглядов, выкристаллизовывался призыв к единству всех мусульман и распространению революционного духа и идеалов, получившему обозначение «экспорт исламской революции», и, обращаясь к должностным лицам и требуя от них понимания ситуации, провозглашал Иран «отправной точкой великой революции во всем мире»³⁶. Для борьбы с

³³ Muhammad Rahim Iwadi/ Desion-making prosess in Imam Khomeini 's Perspective with Emphasis on International System/ Imam Khomeini and the Islamic Revolution. A collection of Articles. 2008. The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department/ P. 35.

³⁴ Хомейни Р. Речь к группе пакистанских и индийских мусульман, проживающих в Иране: мир принадлежит обездоленным// Сахифе-е эмам.... Т.7С.292

³⁵ Экспорт революции с точки зрения имама Хомейни (содуре энкелаб аз дидгах-е эмама Хомейни), Тегеран: Аппарат заместительства по исследованиям Организации подготовки и публикации работ имама Хомейни (моавенате пажухеши-йе моасссесейе танзимо нашре ансамре эмаме хомейни), 1995 (1374). С.26

³⁶ Там же, С. 46-47

гегемонией сверхдержав, которые располагались на Востоке и на Западе, необходимо было обратиться к исламским ценностям. При этом их «установление было невозможно без революции, благодаря которой будут созданы все условия для достижения главной цели – религиозного и идеологического обновления, и на этом пути он стремился всеми способами свою теорию воплотить в практику»³⁷.

Таким образом, взгляды Хомейни рассматривались в качестве теоретических основ будущего мирового порядка. Стоит отметить, что данные взгляды – создание равноправного и справедливого мирового порядка - были популярны в развивающихся странах в 1960-1970-х годах. Распад колониальной системы положил начало движению новых независимых государств, которые выступали за новый мировой порядок. Переход к справедливому мировому порядку и равноправию в мировой экономике Хомейни хотел воплотить через религиозные идеалы. При этом он не рассматривал коммунистическую идеологию в качестве «союзника», считая, что произойдет «неизбежное поражение коммунизма». Неслучайно, обращаясь к руководству Советского Союза Хомейни призывал «заменить коммунизм в СССР исламом»³⁸. Хомейни настаивал, что коммунизм и марксизм-ленинизм, которые выступали за «отмену частной собственности и религия»³⁹, «составляя в совокупности идеологическую основу для «деспотического» советского режима»⁴⁰, не совместимы с исламом.

Хомейни дал достаточно жесткие оценки существующему в СССР политическому режиму. По мнению имама, «советский народ страдает от коммунистической идеологии, поскольку у него нет прав и свобод, а испытываемое им притеснение гораздо более сильное, чем существующее при других современных диктаторских режимах»⁴¹. В связи с этим Хомейни

³⁷ Imam Khomeini and the Islamic Revolution. A collection of Articles. 2008 p. 1 The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department)

³⁸ Хомейни Р. Послание имама Хомейни М.С. Горбачеву// Ансари Х. Имам Хомейни: Политическая борьба от рождения до кончины. М.: Палей, 1999 С. 325-326

³⁹ Доктрина Исламской революции: Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М., 2009. С.140.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Хомейни Р.М. Религиозное и политическое завещание. –М.,1999, с.83.

предлагал «угнетенному народу Советского Союза»⁴², и притесняемым народам мира, «искать спасения в исламе»⁴³. Исходя из этого, Хомейни «отвергал любые союзы с левыми и марксистскими группами. Он подчеркивал невозможность вступать с ними в сотрудничество даже для свержения шаха»⁴⁴.

Особое понимание Хомейни специфики исламской власти в последующем нашло отражение Конституции Ирана. Прежде всего, следует отметить, что имам применял в отношении «угнетателей» извлеченное из Корана слово «тагут» (сатанинский). Он использовал это религиозное понятие «как термин, наделяя его социально-политическим смыслом»⁴⁵. Исход из этого Хомейни называл «тагутским» любое государство (политический режим), которое препятствовало установлению шариата. Барьеры могли носить «идеологический, политический, духовно-нравственный характер. Однако они всегда были нацелены на эксплуатацию, угнетение, лишение людей разумного и нравственного начал»⁴⁶.

Разработанные Хомейни идеи нашли свое отражение в Конституции, которая была принята в декабре 1979 г. В ней была прописана должность рахбара, обладающего значительными не только религиозными, но и политическими полномочиями. До 1989 года им был сам аятолла Р. Хомейни. В принятом документе подчеркивалось, что принцип, «согласно которому Бог передает власть пророкам и имамам (велейате амр), а также принцип непрерывности правления имамов (имамат) являются ключевыми, и в основном законе государства устанавливается, что достойный мусульманский правовед, отвечающий всем требованиям и признанный народом в качестве своего руководителя, может управлять государством. В свою очередь, он

⁴² Там же.

⁴³ Хандогин К. Идеология хомейнизма и ее влияние на формирование концептуальных основ внешней политики Ирана //Власть № 10, 2011. С.113.

⁴⁴ Imam Khomeini and the Islamic Revolution. A collection of Articles.2008 p. 1 The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department)

⁴⁵ Мухаметов А. Не ошибается только тот, кто ничего не делает... Современные версии политической доктрины //http://www.islam.ru/pressclub/analitica/neowdencic/ (дата обращения 14.10.2025).

⁴⁶ Ежова А. Доктрина Али Шариати и кризис концепции «велейате-факих» в современном Иране //http://www.islamcom.ru/ material/php?=-332 (дата обращения: 27.09.2025).

должен гарантировать неукоснительность выполнения различными организациями и институтами их подлинных исламских обязанностей. Кроме того, законом устанавливается, что к управлению государственными делами могут быть допущены только те знатоки исламского права, которые имеют глубокие религиозные познания, разбираются во всех божественных установлениях, в частности относительно того, что является разрешенным, а что – запретным»⁴⁷.

Особое устройство власти в Иране было зафиксировано в статье 57. В ней говорилось, что «в Исламской Республике Иран государственное управление реализуется через законодательную, исполнительную и судебную власти, находящиеся под контролем *велайате амр* (следовательно, рахбара) и правителя (имама) исламской общины»⁴⁸.

Безусловно, большую нагрузку во взглядах Хомейни несла идеологическая составляющая. Согласно его взглядам, невозможно никакое примирение мусульман с «тагутскими» режимами. Исходя из этих воззрений, Хомейни призвал всех правоверных к революционным действиям против них. «Мусульмане должны осуществить свержение «тагутских» режимов и установить исламское правление сначала во всех мусульманских государствах, а в дальнейшем – во всем мире. Главными «тагутскими» государствами Хомейни считал США, обозначая эту страну и ее режим термином «большой сатана», и СССР – «малый сатана». Имам Хомейни утверждал, что ислам не приемлет ни идеологии капитализма, ни коммунизма, он идет по совершенно иному пути. По мнению имама, если в основе этих двух систем только ценности и устремления, носящие материалистический характер, то ислам регулирует абсолютно все аспекты жизни общества и отдельного человека – как материальные, так и духовные»⁴⁹.

⁴⁷ Конституция Исламской Республики Иран (кануне асасийе джомхурийе эсламийе иран аз базарган та роухани) // Гасэми Ф., Раззагипур С. Исламская Республика от Базаргана до Роухани (джомхурийе эсламийе Иран аз базарган то роухани). Лондон: H & S Media, 2016. С.623.

⁴⁸ Там же

⁴⁹ Хандогин К. Идеология хомейнизма и ее влияние на формирование концептуальных основ внешней политики Ирана // Власть № 10, 2011. С.113.

Имам считал, что «свести с счёты» необходимо даже несмотря на то, что борьба это трудная, и она приносит немало проблем. Однако ничего не может препятствовать устремлению к победе и добиться того, чтобы ислам как идеологическая основа начал управлять миром. И потому никто не должен соглашаться оказаться под американским или советским господством»⁵⁰. Чтобы Иран не зависел «от США, СССР, Великобритании и каких бы то ни было иных «международных пожирателей», нужно добиться абсолютной политической, военной, культурной и экономической независимости, встать на «собственные ноги» и явить миру “свою благородную идентичность”»⁵¹.

Таким образом, можно отметить, что в Иране занимали жесткие позиции в отношении западных стран и СССР. Опираясь на собственное видение развитие мировой политики, и делая оценки ее перспектив, Иран проводил линию на борьбу с капиталистической и коммунистической моделями общественного развития. Хомейни придерживался взглядов, что исламская концепция мирового порядка должна быть взята за основу. В одном из лозунгов Исламской революции говорилось: «На шарги, на гарби – эслами!» (Не Восток, не Запад, а ислам!). В дальнейшем именно это изречение в условиях биполярной системы международных отношений стало концептуальным положением всей внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран»⁵².

После революции 1979 г. исламизация затронула все сферы жизни иранского общества, сказалась на подходах к проведению экономической политики, оказала огромное влияние на культуру и конечно, на жизни обычных граждан. Изменения коснулись и законодательной сферы, поскольку

⁵⁰ Касеми Хамед. Правовые основы внешней политики и защиты национальных интересов современного Ирана. «Молодой ученый» // Политология №3 (50) март, 2013. С.392.

⁵¹ Muhammad Rahim Iwadi/ Desion-making prosess in Imam Khomeini 's Perspective with Emphasis on International System/ Desion-making prosess in Imam Khomeini 's Perspective with Emphasis on International System/ Imam Khomeini and the Islamic Revolution. A collection of Articles. 2008. The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department / P. 45.

⁵² Вартанян А.М. Трансформация внешнеполитической доктрины ИРИ в 1979-2005 гг.// Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен/ отв. ред. М.Р. Арунова-М., ИВ РАН, 2006, с. 94

нормами шариата «стали определяться и конституционные положения, и принципы сложившейся формы правления»⁵³.

Исламские ценности стали определять принципы внешнюю политику Ирана, которая стала проводиться «в контексте приверженности и принципу независимости и отрицания власти других государств над своей страной. При этом Иран признал существующие международные организации и предпринял ряд довольно эффективных шагов, чтобы занять определенное место в архитектуре мироустройства в качестве субъекта международной жизни»⁵⁴.

Следует подчеркнуть, что к реализации политики, которая была направлена на противодействие «недружественным государствам» Иран подталкивала сложная геополитическая ситуация. Тем более что Иран стал играть важную роль «занимая важное военно-стратегическое положение, являясь одновременно и средневосточной, и кавказской, и центральноазиатской, и прикаспийской страной, омываемой водами Персидского и Оманского заливов Индийского океана»⁵⁵.

На политику Ирана оказывали не только религиозные воззрения. Иранское руководство было вынуждено считаться с географическим положением государства, его историческими и культурными особенностями. Огромную роль на политику Ирана оказывал нефтяной фактор, который имел решающее значение для экономики страны. В частности отмечалось, что «география Ирана стала рассматриваться как источник его стратегического преимущества в геополитическом контексте, во всяком случае к таковому было стремление. При этом культурно-социальное своеобразие Ирана, по мнению исследователей, определяется тем, что он не только территориально граничит с тремя географическими пространствами – азиатским, арабским и российским, но и в новейшее время находился между тремя империями –

⁵³ Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986. С. 102.

⁵⁴ Успехи Исламской Революции в Иране за 20 лет. Аналитический взгляд на достижения Исламской Республики Иран в политической, культурной и социально-экономической сферах. Пресс-отдел посольства ИРИ в РФ. М., 2000. С. 59

⁵⁵ В. Сажин. Региональная политика Ирана: «шиитские» рычаги для соседей // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1093845240> (дата обращения: 12.02.2025)

Российской (затем СССР), Британской и Османской (затем турецкой)»⁵⁶. В результате можно согласиться с тем, что «географическое расположение страны – между Ближним Востоком, азиатскими государствами, а также Индией – не могло не отразиться на внешней политике Ирана. Во внешнеполитическом имидже ИРИ сочетались такие характеристики, как стойкость, устойчивость и приверженность корням (*найедари*), с другой стороны – гибкость (*энээтафназири*), подвижность (*сайал*), принятие во внимание и учет актуальных общемировых тенденций (*хозур*)»⁵⁷. В этой связи необходимо отметить, что «одним из итогов победы Исламской революции были четко и ясно сформулированные принципы внешнеполитического курса Ирана: признание международных организаций, невмешательство во внутренние дела других стран, содействие устранению напряженности, осуждение вмешательства во внутренние дела других стран и попыток управлять ими извне с целью установления своей власти, признание необходимости находить решения конфликтов и устранения разногласий по политико-дипломатическим каналам, не прибегая к насилию и агрессии»⁵⁸.

В последнее десятилетие принципы внешней политики Ирана базируются на следующих постулатах: «подтверждение суверенности страны и ее неподвластности внешним факторам, прежде всего зависимости от мировых держав; защита прав всех мусульман и бескорыстная помощь всех угнетаемых в мире; распространение революционных идей, т.н. «экспорт революции»; оказание поддержки народу Палестины в его длительной борьбе за свою землю»⁵⁹. Подобные представления базируются на положениях Конституции страны. Например, статья 153 Конституции запрещает заключать договор или

⁵⁶ Зоуки И. Авамэле моасэр бар сийасате хараджие Иран // Тарихе равабэте хареджи. Фаслнамэ. Сале аввал. -1378, зэмэстан. №1 (Зоуки И. Факторы, воздействующие на внешнюю политику Ирана // История внешней политики. Ежеквартальный журнал. Тегеран: Центр документации и истории дипломатии МИД ИРИ, 2000. №1. С. 100-108

⁵⁷ Там же. С. 105

⁵⁸ Успехи Исламской Революции в Иране за 20 лет. Аналитический взгляд на достижения Исламской Республики Иран в политической, культурной и социально-экономической сферах. Пресс-отдел посольства ИРИ в РФ. М., 2000. С. 59.

⁵⁹ Манучехри А. Политическая система Ирана. Санкт-Петербург, 2007. С.186

совершать сделки, которые позволяют установить контроль зарубежных стран или компаний над природными ресурсами.

Во внешней политике Иран также придерживается особых взглядов. Например, в статье 154 Конституции говорится, что страна «воздерживаясь от вмешательства во внутренние дела других стран, тем не менее поддерживает справедливую борьбу, которую ведут или намерены вести угнетенные всего мира против угнетателей»⁶⁰. В этом контексте оправданным можно считать принцип религиозной составляющей в политической доктрине Ирана. Имам Хомейни отстаивал принцип «консолидации всех мусульман в едином религиозно-политическом пространстве. Согласно этим взглядам, задачи перед мировой уммой были общие, следовательно, их решать необходимо совместными усилиями»⁶¹. Подобные взгляды можно понимать как призыв к тому, чтобы забыть разногласия между представителями отдельных течений ислама. Хомейни придерживался взглядов, что «сунниты и шииты должны отбросить существующие между ними разногласия и сплотиться на основе общих исламских ценностей»⁶². Он «считал всех мусульман братьями, равными между собой. Ни один из них неотделим от другого, все они должны сплотиться под знаменем ислама»⁶³. Соответственно он «призывал глав мусульманских государств к объединению в борьбе против двух врагов – империализма и притеснителей ислама»⁶⁴. Имам считал, что «в условиях биполярного мира исламский мир может превратиться в единую и мощную «третью силу», опираясь на те природные и человеческие ресурсы, которыми владеют мусульманские государства»⁶⁵. Соответственно Концепция, получившая название «экспорт революции», «предопределяла и направления внешней политики ИРИ, поскольку была основана, по утверждению имама, на

⁶⁰ Конституция Исламской Республики Иран // <http://constitutions.ru/article/140> (дата обращения: 02.03.2025). С 110-111

⁶¹ Ежова А. Доктрина Али Шариати и кризис концепции «веляйте-факих» в современном Иране // <http://www.islamcom.ru/material/php?n=332> (дата обращения: 27.09.2025).

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Доктрина Исламской революции: Избранные мысли и взгляды имама Хомейни. М., 2009. С.52.

⁶⁵ Лукоянов А. К. Исламская революция. Иран: опыт первый. 1979-2009. М., 2010. С 198.

базовом положении о том, что революция в Иране даст начало великой исламской революции во всем мире»⁶⁶. Он призывал сторонников «приложить все усилия для распространения принципов исламской революции» в целях поддержки «всех угнетенных мира»⁶⁷.

Отдельно стоит остановиться на понимании понятия «экспорт». Оно не рассматривалось как «покорение». Иран исходил из того, что вмешательство во внутренние дела других государств не допустимо. «Экспорт» предполагал распространение «правды об исламе и его ценностях, чтобы довести до всех людей, населяющих мир, что именно эта религия – путь ко всеобщему благу и высшей справедливости»⁶⁸. Как подчеркивал российский исследователь В. Ушаков, «критикующие внешнеполитический курс ИРИ хотят представить его в упрощенном и даже искаженном виде, с очевидной настойчивостью фокусируясь лишь на одном из его методов – продвижении исламской революции, по их мнению, насильственным образом, в то время как в действительности концепция «экспорт революции» заключалась в том, чтобы прибегнуть не к принуждению и насаждению ценностей ислама, а выбрать иной путь – убеждать силой слова. Именно такому воздействию с середины 1990-х гг. отдается безусловное предпочтение»⁶⁹.

Курс Иран был направлен на поддержку участников различных освободительных движений. Иран участвовал в поддержке народа Палестины в его борьбе. Данный подход отражал новые повороты во внешнеполитическом курсе Ирана. «Сразу после победы революции, без всякого промедления, лидер Организации освобождения Палестины (ООП) в качестве первого высокопоставленного лица посетил новый Иран. Вскоре после этой встречи на месте бывшего представительства Израиля расположилось представительство ООП»⁷⁰.

⁶⁶ Сикоев Р.Р. Панисламизм. Истоки и современность. М., 2010. С. 154.

⁶⁷ Манучихри А. Политическая система Ирана. СПб., 2007. С. 187.

⁶⁸ Имам Хомейни. Книга Света. Тегеран: Сазмане мадарики фархангийе инкилабе ислами, б.г. Т.12.С.19.

⁶⁹ Ушаков В. Внешняя политика Исламской Республики Иран после революции 1978-1979 г. М. С.13-14.

⁷⁰ Манучихри А. Политическая система Ирана.-СПб.,2007, с. 187.

Еще одной отличительной чертой, характерной Ирана, является особая роль министерства иностранных дел страны, которому отводилась особая роль. Так, в соответствии с Конституцией, «Министерству иностранных дел отводилась менее значимая роль в принятии решений»⁷¹. В преамбуле отмечалось, что «мы отправили наших посланников с ясными знаменами и низвели вместе с ними Писание и Весы, чтобы люди пребывали в справедливости (Коран, сура «Железо», аят 25)»⁷².

Министерство иностранных дел Ирана не принимает важных решений. Это отражено и в основополагающих документах, где ничего не говорится о его полномочиях и обязанностях. «Основная роль Министерства иностранных дел заключается в надзоре за достижением внешнеполитических целей ИРИ, соответствующих принципам Основного Закона и утвержденных решениями Меджлиса (парламента), которые в свою очередь реализовываются различными организациями»⁷³.

Хомейни, определял Иран как «народное государство, в котором находящиеся у власти руководители призваны выражать волю народа, управлять страной на основе предписаний ислама и от имени Аллаха – единственного законного и абсолютного правителя человечества – принимать нацеленные на достижение государственного блага решения»⁷⁴.

Стоит остановиться на понимании роли лидера в политической системе Ирана. Этому вопросу посвящена статья 5 Конституции. На лидера была возложена ключевая задача – осуществлять руководство мусульманской общиной, где сочетались светская и духовная власть. В результате, на него были возложено управление всеми делами правоверных мусульман в исламской умме. Статус рахбара как ключевого элемента всего государственного механизма был закреплён в 57 статье. Согласно этой статье,

⁷¹ Мохаммади Манучехр. Внешняя политика Исламской Республики Иран: Принципы и проблемы. – Тегеран: Додгустар, -1 –ое изд., 1998. – С.91.

⁷² Там же. С. 393.

⁷³ Касеми Хамед. Правовые основы внешней политики и защиты национальных интересов современного Ирана. «Молодой ученый» // Политология №3 (50) март, 2013. С.396

⁷⁴ Хомейни Р. ХокуматеДжомхурийе эслами. Б.м. С.3

управление в Ирана осуществлялось через деятельность законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, которые, в свою очередь, находились под полным контролем лидера страны. Статья 110 Конституции определяет его обязанности: «определение общего курса политики страны и контроль за неукоснительностью следования ему; принятие решения о проведении плебисцита; командование Вооруженными силами; разрешение спорных ситуаций между тремя ветвями власти; назначение избранного народом лица Президентом, равно как и отстранение его от должности по решению Меджлиса или Верховного Суда; решение проблем государства, которые не могут быть решены обычным путем, в рамках созданного после революции специального совещательного органа – Ассамблеи по определению государственной целесообразности; назначение, отправление в отставку и принятие отставки следующих должностных лиц: а) факихов Совета по охране Конституции, б) главы судебной власти, в) председателя телерадиовещательной организации «Голос и образ Исламской Республики Иран», г) начальника Объединенного Штаба, д) главнокомандующего Корпусом стражей Исламской Революции, е) высшего командного состава Вооруженных сил и внутренних войск; помилование или смягчение меры наказания для осужденных, если это будет обосновано со стороны судебной власти и выйдет за рамки законов ислама»⁷⁵.

В задачи рахбара входило решение конфликтов между ветвями власти. Его авторитет был абсолютным, поскольку его личная точка зрения на события признавалась единственно верной. В случае глубоких противоречий он мог обратиться к Совету целесообразности. Впрочем, и в этом случае, речь могла идти лишь о консультациях, а последнее слово оставалось за лидером.

Президент Ирана является вторым «лицом» в государстве. Свои полномочия он осуществлял через «назначение министров, в том числе министра иностранных дел (статьи 124, 133); заключает соглашения и ведет

⁷⁵ Садеги А. Нешат. Конституционный строй Исламской Республики Иран. М., 2019. С. 37.

переговоры между Ираном и другими государствами, подписывает договоры, но после того, как они будут признаны Меджлисом или его законным представителем (статья 125); назначает послов ИРИ, наделения соответствующими предписаниями и доверительными грамотами послов других стран (статья 128)»⁷⁶.

Что касается правительства, то в Иране оно также играет особую роль, которая определяется религиозными взглядами. «В исламском государстве правительство и народ едины, прежде всего, перед Всевышним, и потому власть в лице ее представителей солидарна с народом, у них общие потребности, интересы, задачи, цели»⁷⁷.

Таким образом, Иране представляет собой страну, где «принципы ислама определяют деятельность всех политических структур. Более того, текст основного Закона – Конституции, основан именно на них»⁷⁸.

Конечно, было бы упрощением сводить внешнюю политику страны к набору религиозных догм. На внешнюю политику Ирана большое влияние оказывают геополитические разногласия с другими странами, история развития, экономический потенциал и другие факторы. И тем не менее, стоит признать, что религиозные взгляды оказывают ключевое влияние на выработку принципов, которым Иран следует во внешней политике. Так, «Первым шагом молодого государства на международной политической арене стал отказ от союза с США. За ним последовал и ряд не менее важных политических решений: разрыв военных соглашений и отзыв заказов на покупку вооружений, ликвидация военных баз США в Иране, выход из блока СЕНТО, вывод иранских войск из Омана, разрыв отношений с Израилем, Египтом, установление тесных связей с Организацией освобождения Палестины, провозглашение во внешней политике независимого курса и

⁷⁶ Журнал Института стратегических исследований. Исследование текстов внешней политики Исламской Республики Иран. - Тегеран, 11-год, № 40, лето 2009-С. 323

⁷⁷ Дехшири Мохаммад-Рида. Теория исламской революции с точки зрения имама Хомейни. Институт по составлению и публикации трудов Имама Хомейни (отдел международных отношений). С. 32.

⁷⁸ Там же.

вступление в Движение неприсоединения»⁷⁹. Затем были установлены связи с «Палестиной, Кубой, Зимбабве, Анголой. Эти страны вели активную борьбу за свою свободу и независимость»⁸⁰. Как отмечал К.В. Марков, «только исламский Иран – это единственный из новообразованных теократических режимов, который вплотную подошел к разрешению такой объективной задачи, как скорейшая интеграция в международное сообщество»⁸¹.

Основными направлениями внешней политики Ирана, по утверждению российского исследователя А.Л. Салиева, «на современном этапе можно назвать разноаспектные контакты с такими государствами и регионами, как: Россия; Кавказский регион и Центральная Азия; Китай; Афганистан; страны Персидского залива»⁸².

При этом внешняя политика исходит из национальных интересов, которые направлены на сохранение «существования страны». Само понятие «страна» исходит из «территориальной целостности; независимости; эффективности действий основных структур государственного управления; самообеспечения и самодостаточности; международной известности и доверия со стороны других стран; саморасширения (ходэттэсаи)»⁸³.

На рубеже XX-XXI веков одним из направлений внешней политики Ирана стала ядерная программа. «Акцент сделан на то, что если обеспечение реализации иных представляющих сущностную важность для государства интересов требует быстроты действий и ограниченности временных рамок, то динамика претворения жизнеобеспечивающих интересов зависит от сложившейся в международном пространстве конъюнктуры, обусловлена

⁷⁹ Богуславский А.Б. Внешняя политика Ирана на современном этапе // <http://www.iimes.ru/?p=383> (дата обращения 14.01.2025).

⁸⁰ Кулагина Л.М. Внешняя политика ИРИ // Иранская революция 1978-1979 гг.. Причины и уроки. М., 1989. С. 384-385.

⁸¹ Марков К.В. Сущность «Исламского Возрождения» в современном мире и процессы эволюции общественно-политической системы Исламской Республики Иран. // Иран: ислам и власть. Российская Академия Наук. Институт Востоковедения. Культурное представительство при посольстве ИРИ в Москве. М., 2002. С.121

⁸² Салиев А.Л. Восточный вектор внешней политики Кыргызстана: Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток, 2011. С. 57.

⁸³ Дехгани-Фурузабади Д.С. Сийасате хареджийе джомхурийе эсламийе Иран-Техран, сазманоне моталее ва тадвине кетабе алуме энсанийе данэшгахха (самт) 1388 С. 142.

необходимостью и готовностью к продолжительному, системному, хорошо и тщательно подготовленному диалогу»⁸⁴.

Выход на одно из первых мест во внешнеполитическом курсе «ядерной тематики» отражает качественные изменения в политике Ирана. Страна стала активным участником региональных и международных организаций. Два основных этапа ее становления выделял известный российский исследователь, специалист по Ирану В.И. Юртаев. «Рамки первого этапа – это апрель 1979 г. по июнь 1989 г., в течение которого можно выделить такие периоды, как переходный к «исламскому интернационализму» (с февраля 1980 г.) и время активной исламизации (с июня 1980 г.). Данный этап стартует с ключевого события – 1 апреля 1979 года Конституционную монархию сменила страна, провозглашенная как Исламская Республика Иран, в которой высшим руководителем – рахбаром – стал имам Р. Хомейни. С началом Ирано-иракской войны и до ее завершения (1980–1988 гг.) поведение Ирана на внешнеполитической арене характеризовалось отказом от изоляции, что сопровождалось, в частности, вводом войск в Афганистан (1979 г.). При этом свертывание отношений с Западом в связи со взятием штурмом 4 апреля 1979 г. посольства США в Тегеране и захватом заложников актуализировало внешнеполитический ориентир на «экспорт исламской революции», которому был придан силовой акцент»⁸⁵.

Второй этап начался 4 июня 1989 г. и продолжался до 2013 г. Так, «А. А. Хашеми Рафсанджани стремился направить вектор внешней политики на «компромиссный прагматизм» (1989–1996 гг.), М. Хатами – на «диалог цивилизаций» (1997–2005 гг.), М. Ахмадинежад – на «созидательное взаимодействие» (2005–2013 гг.)»⁸⁶.

Президент страны М. Хатами (1997–2005 гг.) придерживался идеи «диалога между цивилизациями», что предполагало, что политика Ирана

⁸⁴ 384. Юртаев В.И. Особенности современной внешней политики Ирана // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2012. №2. С. 16.

⁸⁵ Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана М., 2008. С.48

⁸⁶ Там же

станет более гибкой, он станет вести политику, «основанную на признании равенства, культурно-цивилизационного разнообразия и необходимости взаимовыгодного существования, будет открыт к активному внешнеполитическому диалогу, причем не только с исламскими странами. Такой настрой не мог не вызвать расположения со стороны различных политических сил, в том числе находящихся за пределами ИРИ. В данной идее соединялись принципы о независимости и справедливости с признанием права Ирана распространять ислам и отраженное в его богатой иранской культуре идейное наследие»⁸⁷.

Президент Ирана М. Ахмадинежад скорректировал внешнюю политику, учитывая внешнеполитическую конъюнктуру. Он хотел больше взаимодействовать со странами, которые находились в конфронтации с США. Иран привлекали Венесуэла, Куба, страны Латинской Америки. «Приоритетами внешнеполитического взаимодействия ИРИ стали независимые от Запада страны, вошедшие в состав международной организации «Движение неприсоединения», а также структуры, которые Иран воспринимал в качестве таковых»⁸⁸. В итоге президент Ахмадинежад исходил из принципа «конструктивного взаимодействия», что предусматривало расширение сотрудничества с разными государствами. При этом «Ирану должны были быть предоставлены гарантии на соблюдение его прав, защиту своих национальных интересов и государственной независимости»⁸⁹.

Изменения геополитической ситуации в мире во втором десятилетии XXI века потребовали серьезной корректировки внешней политики Ирана. В 2013 году президентом был избран Хасан Роухани, что «положило начало очередному этапу развития иранской дипломатии»⁹⁰. Именно при нем политика произошли значительные изменения в политике Ирана. Был взят

⁸⁷ Кожанов Н. А. Богачева А.С. Исламская Республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или преемственность // Вестник МГИМО. 2020. 13 (2). С. 154.

⁸⁸ Там же. С. 155.

⁸⁹ Moulana Kh., Mohammadi M. 1387/ Сийасате хареджийе джомхурийе эсламийе Иран дар доулате ахмадинежад. Техран. Нашре додгостар. С. 116.

⁹⁰ Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М., 2008. С.48

курс на реализацию концепции таухидной экономики, то есть создания «экономики сопротивления», который, в свою очередь, предполагала укрепление исламской государственности. Ставка была сделана на собственные силы, прежде всего, в экономике. Таким образом, в начале 2010-х гг. «принципы внешней политики ИРИ, оставаясь неизменными, образовали стройное концептуальное единство, выраженное в ряде последовательно осуществляемых практических действий. Они планомерно реализовывались на глобальном, региональном и локальном уровнях»⁹¹.

Современная внешняя политика направлена на формирование мировой уммы. В статье 11 Конституции говорится, что это требование «обязательно для всех граждан страны и рассчитано на долгосрочную перспективу»⁹². Данная задача встречает определенные трудности. «Это было вызвано тем, что необходимость следования принципам исламской революции ставилась в приоритет над решением государственных задач, что неизбежно вело к противоречиям между основными концептами, стабильно присутствующими во внешней политике Ирана: с одной стороны, доктринами “не Восток, не Запад, а ислам”, “экспорт революции”, с другой – идеей “диалога цивилизаций”»⁹³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях кардинальных изменений в мировой политики, перед Ираном все острое стоит вопрос – каким должно быть идеальное исламское государство. Исламская революция показала, что религия способна выступать в качестве инструмента государственного строительства, задавая ориентиры внутренней и внешней политики. Это подтверждает внешняя политика Ирана, в которой сочетаются и взаимно дополняют разные по своей природе и значению компоненты, где приверженность исламской догматике существует одновременно с

⁹¹ Юртаев В.И. Особенности современной внешней политики Ирана // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2012. №2. С. 16.

⁹² Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана М., 2008. С.48.

⁹³ Санай М. О стратегии и тактике внешней политике ИРИ (в региональном контексте) // Иран в условиях новых геополитических реалий. Под. Ред. Е. В. Дунаева. М., 2019. С. 133.

готовностью учитывать геополитические реалии. В этом состоит феномен внешнеполитической доктрины Хаменеи.

1.2. Роль Центральноазиатского региона для Ирана

После распада СССР на территории Средней Азии и Казахстана были образованы новые независимые государства – Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Данные государства обладали различным экономическим потенциалом, уровнем промышленного производства. В странах существовали разные возможности в сфере водных ресурсов, которые определяли политику новых независимых государств.

С момента получения независимости страны Средней Азии и Казахстан (с 1993 года страны Центральной Азии) находились в поиске путей своего развития. Те государства, которые обладали природными ресурсами, прежде всего, запасами нефти и газа, делали ставку на их разработку и последующий экспорт на внешние рынки. План прорыва в клуб мировых государств и в мировую политику рассматривался через призму разработки ресурсов. Подобный подход отражал идеалистические представления о политике Запада, в котором видели партнера, готового выстраивать равноправные отношения. Более слабые государства, лишённые прежней поддержки в лице союзного бюджета, также искали пути своего развития, рассчитывая заручиться поддержкой более влиятельных игроков.

В тоже время, в Центральной Азии происходило два противоречивых процесса. С одной стороны, часть центральноазиатских государств стремились развивать интеграционные идеи. Провал с реформированием экономики и неудачи в деле привлечения иностранных инвестиций наглядно показали, что восстановление кооперационных связей может оказать позитивное влияние на социально-экономическую ситуацию во всех странах. Однако в вопросах интеграционного взаимодействия центральноазиатские страны постигла неудача. Экономика государств Центральной Азии отличалась однотипностью, низким уровнем развития. Экономическому

сближению стран препятствовали политические факторы. Лидеры центральноазиатских государств пришли к власти на волне политического движения, которое предполагало получение независимости и самостоятельности. Получив независимость, страны не смогли реализовать второй принцип – развиваться в качестве самостоятельных государств.

Отношения стран Центральной Азии отягощали проблемы в водно-энергетической сфере. Во времена Советского Союза республики были жестко интегрированы в единую водохозяйственную систему. Налаженный и четко функционирующий механизм взаимных поставок обеспечивал экономическую устойчивость среднеазиатских республик. После получения независимости механизм распался, а вместе с этим процессом появились проблемы, связанные с неурегулированностью вопроса вододеления. В итоге страны вступили в период конфликтов и споров за водные ресурсы, что негативно сказывалось на позициях государств в отношениях с внерегиональными акторами.

Безусловно, Иран внимательно следил за происходящими в центральноазиатских государствах событиями. Прежде всего, иранскую сторону беспокоили вопросы безопасности. После распада СССР, в регионе стремительными темпами стало усиливаться присутствие западных государств. Для Ирана, который находился в состоянии конфронтации с Западом, подобная ситуация оценивалась в негативном свете. Модель развития Ирана стала входить в противоречие с теми устремлениями, которые были характерны для стран Центральной Азии. Это было связано с тем, что, обращаясь к традиционным ценностям, выступая за развития национальной культуры и языка, страны Центральной Азии, вместе с тем, копировали западную модель развития. Иран придавал «этому обстоятельству большое значение, сосредоточив вектор своих внешнеполитических действий на

обеспечении территориальной целостности и независимости своей страны, а также на сохранении мира и спокойствия в регионе»⁹⁴.

Для Ирана значительно возросли риски при обсуждении и реализации проектов, связанных с разработкой и экспортом углеводородных ресурсов. Активное продвижение западными странами и нефтегазовыми компаниями проектов новых трубопроводов в Каспийском регионе, которые обходили иранскую территорию, усилили интерес Тегерана к центральноазиатским государствам. Развитие с ними отношений рассматривалось в контексте общей политики Ирана, который был обеспокоен продвижением в регионе Турции, США, ЕС и Китая.

В целом, Иран привлекал регион Центральной Азии. Но по своей внешнеполитической динамике Тегеран уступал другим внерегиональным акторам, которые действовали в регионе. Кроме того, иранская сторона не была однозначно привлекательным партнером для стран Центральной Азии. Население стран региона больше тяготело к суннитской Турции.

После распада СССР в значительной мере Турция, а также западные государства, которые стали активно действовать в Центральной Азии, поставили барьер для распространения влияния Ирана. Идея экспорта «исламской революции» не перешла в практическую плоскость, поскольку центральноазиатские государства оказались под мощным влиянием внерегиональных акторов, а экономические возможности иранской стороны были ограничены. Неслучайно, еще в 1992 году представитель Ирана в ООН К. Харази подчеркивал, что «народы Центральной Азии имеют право выбирать свой путь»⁹⁵. Тем не менее, Иран выступал за расширение сотрудничества со странами региона, рассчитывая «проводить прагматичную и основанную на сложившихся реалиях политику»⁹⁶. В тоже время, иранская

⁹⁴ Успехи Исламской революции за 20 лет. М., 2000. С.67.

⁹⁵ Хуторская В.В. Взаимоотношения ИРИ и стран Центральной Азии. <http://farsiiran.narod.ru/analitics/iranasia.htm> (дата обращения: 12.08.2025)

⁹⁶ Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. СПб, 2017. С.3

сторона не отказывалась от ключевых принципов, которые были сформулированы в ходе революции 1979 года⁹⁷.

Страны Центральной Азии проявляли интерес к Ирану. Основными мотивами выступало снижение зависимости от России, а также поиск маршрутов, способных обеспечить выход к морю⁹⁸. Однако расширение торгово-экономического взаимодействия Ирана со странами Центральной Азии не произошло. Сказались, прежде всего, опасения стран региона, что Тегеран попытается осуществить экспорт идей, выдвинутых в ходе революции 1979 г. Политическое развитие Ирана вызывало настороженность в странах Центральной Азии, которое опасалось политических процессов в Иране, видя в них «прообраз исламского фундаментализма иранского образца»⁹⁹. По этой причине центральноазиатские государства взяли за основу модели политического развития, которые существовали в западных государствах.

Иранские устремления встречали противодействия со стороны США. Политика американской стороны была направлена на недопущения усиления позиций Ирана в Центральной Азии. Соответственно, Тегеран испытывал на себя постоянное воздействие.

В результате Иран акцентировал свою политику в Центральной Азии на продвижении исторических и культурных аспектов. Усилия Ирана были направлены на то, чтобы позиционировать себя в качестве культурно-религиозного центра, вокруг которого должна происходить консолидация стран Центральной Азии. Для этого иранская сторона стала стремиться к тому, чтобы формировать культурное взаимодействие со странами региона. В 1995 году Иран выдвинул инициативу, которая соответствовала воззрениям исламских идеологов. Была выдвинута концепция «возврат к себе», в основе которой «лежал призыв к культурному единству, так как иранская культура не являлась чем-то привнесенным для стран региона извне, а представляла часть

⁹⁷ Санаи М. Иран и иранцы. Алматы, 1998. С.37.

⁹⁸ Peyrouse S. Iran's Growing Role in Central Asia? Geopolitical, Economic and Political Profit and Loss Account. <http://studies.aljazeera.net/en/dossiers/2014/04/20/2014416940377354.html#e2> (дата обращения: 23.08.2025)

⁹⁹ Рудов Г.А. Роль Турции и Ирана в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2010. №17. С. 117.

их собственного культурного прошлого»¹⁰⁰. Одной из составляющих данной инициативы стало обращение к эпосу Фирдоуси и его особую роль в «для национальных культур народов Центральной Азии и Кавказа»¹⁰¹. В результате, политика Ирана в Центральной Азии после распада СССР была направлена не на достижение геополитических целей, которые ставили перед собой многие внерегиональные акторы, а на развитие культурного сотрудничества с центральноазиатскими государствами. Тем более, что в силу исторического развития для этого существовали все предпосылки. Это «наложило отпечаток на характер и содержание его внешней политики»¹⁰².

Центральная Азия сыграла большую роль в политике Ирана, для которого было важно преодолеть международную изоляцию. В этом контексте расширению взаимоотношений со странами региона Ираном придавалось большое значение. По этой причине Иран искал себе союзников среди центральноазиатских государств, тем более что «установленные в течение столетий между Ираном и Центральной Азией отношения, имели продолжение и в области политики и экономики, так как исторические судьбы этих стран были и остаются связаны взаимными интересами»¹⁰³. Более того «отношениям с непосредственно соседствующими странами стали уделять пристальное внимание»¹⁰⁴.

В целом, можно говорить о том, что Иран выражал «нацеленность на взаимовыгодный диалог со многими странами мира, на результативное сотрудничество, основанное на признании общих норм, принципов и прав. Стремление в этой связи приблизиться к Европе, а также заинтересованность в установлении благоприятного межгосударственного климата в регионах

¹⁰⁰ Хуторская В.В. Взаимоотношения ИРИ и стран Центральной Азии. <http://farsiiran.narod.ru/analitics/iranasia.html> (дата обращения: 23.08.2025)

¹⁰¹ Варнавский Д. Иран и государства Центральной Азии: генезис, состояние и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2008. №2(56). С. 129.

¹⁰² Keyhan Barzegar. Middle East and International Security. Foreign Policy. Vol.22, autumn 2008. p. 460.

¹⁰³ Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. СПб, 2017. С.3

¹⁰⁴ Хуторская В. В. Взаимоотношения ИРИ и стран Центральной Азии. // Иран: ислам и власть. Российская Академия Наук. Институт Востоковедения. Культурное представительство при посольстве Исламской республики Иран в Москве. М., 2002. С.220.

Кавказа и Центральной Азии, желание наладить сотрудничество с ООН, ОЭС, ОИК и другими международными организациями»¹⁰⁵.

В отличие от Ирана, который находился в конфронтации со многими развитыми государствами, страны Центральной Азии стремились получить максимальную политическую поддержку со стороны внерегиональных акторов и экономическую помощь. Вопрос относительно выбора пути развития практически не стоял перед новыми независимыми государствами. После распада СССР они сделали ставку на западную модель политического и экономического развития. Никаких дискуссий относительно выбора пути развития не проводилось. Однако со временем «стали формироваться и другие варианты моделей, в большей мере отвечающие текущей ситуации и социальному запросу. Поскольку в странах Центрально-Азиатского региона они так или иначе отражали национально-культурный потенциал и историческую специфику, то эти пути были наиболее эффективными»¹⁰⁶. По ним до сих пор развиваются отношения Ирана с государствами Центральной Азии. «Двусторонним и многосторонним экономическим сотрудничеством Иран стремился укрепить безопасность в регионе в целом и у своих собственных границ в частности. Это и было целью стратегического значения, так как распад Советского Союза, как отмечалось выше, породил новые вызовы и угрозы»¹⁰⁷.

Подтверждением того, что после распада СССР Иран уделял Центральной Азии повышенное внимание и стремился сформулировать принципы региональной политики, является факт открытия в министерстве иностранных дел Ирана Центра по исследованию Центральной Азии и Кавказа. Данный Центр проводил научные исследования, посвященные

¹⁰⁵ Субхан Талыблы. Внешняя политика Исламской Республики Иран (в 1979-2005годах) (часть 1). URL: <https://www.turkishnews.com/ru/content/2012/05/25/Внешняя-политика-Исламской-Республи/>

¹⁰⁶ Санаи М. Взаимоотношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. М., 2002. С.16

¹⁰⁷ Тахмасб. Иран, Россия и южные республики бывшего Советского Союза // гуфтугу. 1372/1993. № 73-74. С.6.

политическим и экономическим процессам в Центральной Азии, и выпускал журнал «Амударья» на английском языке и обозрение на фарси¹⁰⁸.

После распада СССР, уже в 1992 году, Иран предложил включить в состав Организации экономического сотрудничества (ОЭС) страны Центральной Азии¹⁰⁹. Внимание Тегерану к центральноазиатским государствам было продиктовано из-за наличия у них природных ресурсов. Такие страны, как Казахстан, Туркменистан и Узбекистан обладали значительными запасами нефти и газа. Помимо этого, в 1990-х годах обсуждались различные планы по экспорту каспийских углеводородов на внешний рынок. Благодаря своему выгодному географическому положению Иран рассчитывал играть ключевую роль в экспорте будущих объемов нефти и газа, добываемых в странах Центральной Азии. Соответственно, придя к власти М. Хатами попытался предложить проекты, которые должны были вывести Иран в число ключевых стран, обеспечивающих регион нефтью и газом¹¹⁰. Однако подобные планы не были реализованы. Запад выступил не только против участия Ирана в проектах трубопроводов, которые должны были служить транспортировки на внешние рынки, но и фактически заблокировал Тегеран, отстранив его от обсуждения и последующей реализации многих трубопроводов. В свою очередь, центральноазиатские государства были вынуждены выстраивать свою энергетическую политику, исходя из приоритетов Запад, хотя интерес к Ирану сохранялся на высоком уровне¹¹¹.

Кроме того, для Ирана было важно получить доступ к рынкам сбыта готовой продукции. Наконец, страны Центральной Азии могли выступить в качестве транзитного моста в поставках товаров на европейский рынок. Хотя в 1990-х годах такая возможность была малореализуемой. Тем не менее,

¹⁰⁸ Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. С. 133.

¹⁰⁹ В.В. Хуторская. Взаимоотношения ИРИ и стран Центральной Азии // Иран: ислам и власть. Российская академия наук. Институт Востоковедения. Культурное представительство при посольстве Исламской республики Иран в Москве. М., 2002. С. 232.

¹¹⁰ Кулагина Л.М., Ахмедов В. М. Иран выходит из изоляции. В кн. Иран: ислам и власть. Российская академия наук. Институт Востоковедения. Культурное представительство при посольстве Исламской республики Иран в Москве. М., 2002. С. 161.

¹¹¹ Roy O. Iran's foreign policy towards Central Asia. -N.Y., 1999.-P.16.

иранская сторона выступила с предложением создать общеисламский рынок, в который вошли бы в первую очередь и страны Центральной Азии. В случае реализации подобной идеи могли быть созданы условия для выхода Ирана из изоляции и снизить влияние санкций, которые реализовывали западные государства¹¹².

Геополитическая ситуация в регионе требовала от Ирана поиска новых решений и проведения прагматичной внешней политики. В частности, следует отметить значимую роль Ирана в урегулировании конфликта в Таджикистане. В 1997 году Иран выступил в качестве гаранта, благодаря чему был «завершен межтаджикский конфликт»¹¹³.

Данный пример демонстрирует, что политике Ирана был присущ прагматизм. Отказавшись от политики экспорта «исламской революции» и способствовав урегулированию конфликта в Таджикистане, Иран таким образом стабилизировал ситуацию в регионе. В 1990-х годах государства Центральной Азии были слабыми в экономическом и политическом плане. Внутри каждого из государств только проходило формирование политических институтов, шел поиск наиболее оптимальной модели экономического развития. В результате иранская внешняя политика была направлена на достижение стабильности в регионе, который находился в непосредственной близости.

Однако в целом, Иран, уделяя странам Центральной Азии повышенное внимание, относился к ним с недоверием. Причина заключалась в том, что после распада СССР, новые центральноазиатские государства сделали однозначный выбор в пользу модели политического и экономического развития, которая была в западных государствах. Для этого было несколько причин. Во-первых, новые независимые государства рассчитывали стать полноправными участниками международных отношений. Подобные

¹¹² Дунаева Е. Иран и страны ОЭС// ИРИ в 90-е годы. М., 1998, с.89.

¹¹³ Ахмади Амир. Внешняя региональная политика Ирана. Ч.2.// Иттилаати сийасийе-иктисади. 1372/1993. №73-74. С.7.

ожидания были распространены во многих государствах (бывших республиках Советского Союза) из-за повышенного внимания со стороны развитых стран и самое главное – риторики, которой они придерживались. Так, еще до распада СССР Запад активно поддерживал так называемые демократические преобразования в советском государства и в отдельных республиках, обещая оказать им политическую поддержку. Во-вторых, Запад обещал оказать странам Центральной Азии экономическую поддержку. В условиях нарастания социально-экономических проблем, подобные ожидания вселяли надежды на скорое возрождение. В-третьих, после распада СССР страны Центральной Азии столкнулись с комплексом экономических проблем, которые показали слабость их развития и отсутствие потенциала, который позволял бы им на равных выстраивать отношения с Западом. Тем не менее, несмотря на провалы в экономике, а также в силу желания у руководства стран получить политическую поддержку, центральноазиатские государства безоговорочно стали внедрять политическую и экономическую систему, которая была в западных государствах.

Подобная политика стран Центральной Азии вызывала настороженность в Иране, который негативно оценивал стремительное продвижение Запада в регионе. Тем более, что западные страны активно вовлекали центральноазиатские государства в орбиту своего влияния. Использовались механизмы политического взаимодействия, расширялось участие неправительственных организаций из США и европейских государств. Все это в конечном итоге было направлено на снижение зависимости стран Центральной Азии от России, а также создание барьеров для укрепления влияния других внерегиональных акторов, включая Иран.

В результате в 1990-х годах в политике Ирана в отношении Центральной Азии уменьшалась идеологическая составляющая. Тегеран ориентировался на реализацию экономических целей, а также на вопросы региональной безопасности. В этом вопросе Иран особое значение отводил странам

Центральной Азии, пытаясь расширить с ними торгово-экономическое сотрудничество.

Политика Ирана продолжила изменения во второй половине 90-х годов XX века. Президент Хатами (1997-2005 гг.) был сторонником усиления экономической составляющей во внешней политики. Его внешнеполитический курс строился на приоритете экономических интересов. Достижение конкретных целей в области экономики рассматривалось в качестве условия для новых возможностей для продвижения Ираном идеологических ценностей. Тем более, что в 90-х годов активно обсуждались идеи о формировании многополярности мира¹¹⁴.

Ключевой задачей иранской политики являлось противодействие антииранским санкциям, которые ввели западные страны. Данная ситуация подталкивала Иран к проведению прагматической внешней политики, направленной на поиск союзников в Евразии. В 1990-х годах Иран расширил сотрудничество с Россией. Сближение двух государств происходило, в частности, на каспийском треке. Общие подходы по вопросу использования Каспийского моря, определения его международно-правового статуса, противодействию усилению присутствия на Каспии внерегиональных государств – все это способствовало укреплению российско-иранских отношений. Помимо России, Иран искал союзников в Центральной Азии.

В целом, проведение сбалансированной внешней политики позволило Ирану усилить свои позиции в центральноазиатских государствах в 1990-х годах. Этому способствовал отказ Ирана от продвижения концепции «экспорта революции». В итоге Тегеран усилил свои политические позиции в странах Центральной Азии, завоевав авторитет среди других стран¹¹⁵.

В начале 2000-х годов происходили кардинальные изменения в мировой политике, а вместе с этим в политике Ирана. Размещение военных баз США в

¹¹⁴ Азганди Алиреза. Сийасате хариджие Джомхурие Исламие Иран (внешняя политика Исламской Республики Иран). Тегеран: «Кумс», 1381, С.18.

¹¹⁵ Херзик. Иран и южный регион бывшего Советского Союза/ пер. Камилийа Ихтишами Акбари. Тегеран: Дафтари мутуалати сийаси ва байн алмилали, 1996. С. 13-14.

Узбекистане и Киргизии вызвало у Ирана опасения, что территории данных государств превратятся в плацдарм для последующего давления на Тегеран, а в перспективе для вторжения на иранскую территорию с целью свержения действующего режима. В целом, иранская сторона негативно относилась к присутствию США в Центральной Азии, рассматривая американский фактор в качестве угрозы для стабильности всего региона. В Иране придерживались точки зрения, что США попытаются использовать борьбу с терроризмом, которая развернулась после сентября 2001 года, для формирования однополярного мира и утверждения гегемонии Вашингтона в современной мировой политике. Кроме этого, Иран исходил из того, что американская сторона проводила курс, который вступал в конфликт с теорией экспорта «исламской революции». Прикрываясь демократическими ценностями¹¹⁶ США продвигали модель либеральной экономики, которая предполагала включение остальных государств в орбиту американских интересов.

В начале XXI века политика Ирана в регионе трансформировалась. Прежде всего, иранская политика должна была мириться с расширением американского присутствия США в Центральной Азии после сентября 2001 года. Террористические атаки в США в конечном итоге дали американской стороне дополнительные возможности для расширения своего присутствия в регионе. Усиление позиций США ограничило возможности Ирана реализовывать свою политику в регионе. Тем более, что с середины 1990-х годов Иран находился в состоянии конфронтации с США, которые ограничили влияние Тегерана в странах Центральной Азии, а также исключили иранскую сторону из обсуждения и реализации новых проектов трубопроводов в Каспийском регионе.

Из-за активной политики США в Центральной Азии, Иран был вынужден проводить более осторожный курс в регионе. Тем более, что сами центральноазиатские государства в тот период стремились максимально

¹¹⁶ Вартанян А.М. Трансформация внешнеполитической доктрины ИРИ в 1979-2005 гг. // Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен. М. 2006. С. 98.

использовать вхождение США в регион для решения собственных экономических задач и расширения политических контактов с Вашингтоном.

В результате, Иран стал обращать больше внимание на вопросы, связанные с региональной безопасностью и расширением экономических возможностей для страны. Идея «экспорта революции», которая сохранилась в иранской политике, на центральноазиатском треке перестала быть актуальной¹¹⁷.

Несмотря на антииранские санкции и активное участие Запада в развитии Центральной Азии, Иран стремился расширить сотрудничество со странами региона. В 2005 году новый президент страны М. Ахмадинежад выступил за реализацию прагматичной внешней политики, рассчитывая достичь взаимовыгодных отношений с центральноазиатскими государствами. Внешняя политика Ирана того периода стала опираться на несколько ключевых идей. Во-первых, Иран ставил задачу стать региональным государством. Подобная амбициозная задача была сформулирована еще шахом Ирана М. Пехлеви. В ее достижении иранская сторона опиралась на богатое теоретическое наследие, которое было накоплено после иранской революции. Во-вторых, иранский президент выступал за максимально прагматичную экономическую политику. Данный подход был созвучен позиции президента А.А. Хашеми Рафсанджани. Решение данной задачи предполагало значительное расширение взаимодействия во внешнеэкономической сфере. И наконец, иранский президент был сторонником интеграции Ирана в мировую экономику. Этой идеи придерживался в свое время президент С.М. Хатами¹¹⁸.

Таким образом, М. Ахмадинежад стремился соединить воедино различные представления своих предшественников и придать внешней политике страны прагматизм. При этом отстаивание национальных интересов

¹¹⁷ Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. СПб, 2017. С. 98.

¹¹⁸ Краснов К. «Дипломатия справедливости» во внешней политике Ирана // Россия и мусульманский мир. 2011. №12. С. 113.

Ирана подразумевало и приверженность идеологическим принципам, чтобы «максимально использовать имеющуюся возможность для повышения национального достоинства Исламской Республики в мире»¹¹⁹.

Представления о будущей внешней политике Ирана были изложены представителями страны в 2005 году. Акцент был сделан на расширении сотрудничества в сфере транспорта, энергетики и развития торговли. Представители Ирана подчеркивали, что «через двадцать лет Иран должен стать развитой страной и занять первое место в регионе по экономическому, научному и культурному развитию»¹²⁰. Как заявил руководитель комитета по разработке стратегии М. Резаи, «в перспективе Иран должен стать вдохновителем исламского мира и цивилизациеобразующим государством с революционной и иранской идентичностью, реализующим конструктивное и эффективное взаимодействие в международных отношениях»¹²¹.

Одним из союзников в реализации поставленных целей в Центральной Азии Иран видел Россию. Российско-иранский диалог по широкому кругу вопросов, среди которых – укрепление политических отношений, и заинтересованность России в формировании справедливого мира позитивно оценивались Ираном. В 2006 году состоялась встреча министров иностранных дел России, Бразилии, Китая и Индии, которая продемонстрировала стремление Москвы противодействовать устремлениям американской политики.

В период руководства страной М. Ахмадинежадом, во внешней политике стал использоваться принцип «наступательной дипломатии». Это предполагало, что «все государства априори владеют равными возможностями и одинаковым статусом»¹²².

¹¹⁹ Мамедова Н.М. Иран после президентских выборов // Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен. М. 2006. С. 79-80.

¹²⁰ Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии: эволюция и приоритеты. <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/477/regionalnaya-strategiya-irana-v-czentralnoj-azii-evolyucziya-i-prioritety-1663> (дата обращения: 13.09.2025).

¹²¹ Васильев Л.Е. Некоторые особенности политики мировых держав в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. Т. 17. №17. С. 159.

¹²² Зинько С.Ю. Публичная дипломатия и информационная политика Ирана // Ближний Восток и современность: сборник статей. М. 2009. С. 61.

Активная внешняя политика в Центральной Азии была направлена на решение энергетических вопросов. В 2006 году, в ходе саммита ШОС, иранская сторона выступила с предложением расширить энергетическое взаимодействие между участниками данной организации. Помимо этого, одной из основных задач Ирана выступало укрепление торгово-экономических отношений с центральноазиатскими государствами. Эта сфера рассматривалась в качестве приоритетной в контексте укрепления позиций в регионе.

Отличительной особенностью иранской политики того периода стало снижение значения идеи экспорта «исламской революции». Иранская сторона в большей степени ориентировалась на достижение геоэкономических и геостратегических интересов в Центральной Азии. Тегеран, при реализации региональной политики, исходил из задачи по реинтеграции с центральноазиатскими странами, видя в этом выгоды долгосрочного характера. В тоже время, Иран отказывался от принципов, которые были сформулированы после революции 1979 году. Иран исходил из того, что укрепление авторитета в регионе и развитие экономических связей можно будет вернуться к этому вопросу позже. Пока же для Ирана ключевой задачей было преодоление международной изоляции. Этим фактором был продиктован интерес к региону, который рассматривался Ираном с точки зрения диверсификации торгово-экономических отношений.

В целом, подводя итоги политики Ирана того периода, следует отметить, что у страны не было комплексной внешнеполитической стратегии в отношении Центральной Азии. В основном присутствовало видение отдельных политических деятелей, которые стремились учитывать геополитические реалии и, одновременно, сочетать принципы, заложенные после 1979 года. В результате, политика строилась на основе отдельных, тактических шагов, которые проявлялись преимущественно через политические контакты и инструменты «мягкой силы».

В первом десятилетии XXI века в иранской политике в Центральной Азии происходили серьезные изменения. Для продвижения своих интересов в регионе Иран сделал ставку на расширение взаимодействия с Россией и Китаем. Эти государства занимали позиции, которые позволяли Тегерану рассматривать их в качестве перспективных партнеров. Политические контакты с Россией, дополняло экономическое взаимодействие Ирана с Китаем. Иранская сторона стремилась использовать заинтересованность Москвы и Пекина в переформатировании экономического пространства в Евразии, развитии новых транспортных коридоров, которые должны были укрепить потенциал евразийских государств. Кроме того, Россия и Китай выступали за создание равноправных отношений в мировой политике и против давления со стороны западных государств. Наконец, позиции Тегерана совпадали с подходами России и Китая по вопросам региональной безопасности. Обе страны делали акцент на необходимости снижения влияния внерегиональных государств.

К концу первого десятилетия XXI века усилилось взаимодействие Ирана со странами Центральной Азии. Центральноеазиатские государства, столкнувшись с экономическими сложностями стали обращать больше внимания на Иран. Страна занимала выгодное географическое положение, находилась на пересечении торговых путей, которые открывали новые возможности для использования транзитного потенциала.

В целом, в период руководства Ахмадинежада (до 2013 года) внешняя политика страны была ориентирована на продвижение идентичности Ирана, который еще называют «паниранизмом». В его основе лежит идея, чтобы убедить остальные страны в том, что «Иран является центром и оплотом древней культуры и развитой цивилизации»¹²³. Однако в практическом плане Иран по-прежнему ориентировался на Россию, считая, что в силу экономических возможностей и геополитического веса именно Москва может

¹²³ Исламская Республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или преемственность? Н. А. Кожанов, А.С. Богачева. Вестник МГИМО. 2020. 13 (2). С. 155.

стать гарантом в обеспечении «стабильности и безопасности в странах Центрально-Азиатского региона»¹²⁴. Как отмечал М. Санаи «стратегия внешнеполитического курса Ирана должна формироваться при единстве двух начал: устойчивости сотрудничества на международном пространстве и опоре на богатый собственный опыт, сформированный в течение нескольких столетий и показавший свою жизнеспособность»¹²⁵.

Отношения Ирана с Киргизией стали улучшаться в начале второго десятилетия XXI века. В 2012 году президент Киргизии А. Атамбаев заявил, что «необходимо исключить возможность использования военной базы Манас в потенциальном конфликте с Ираном»¹²⁶. Подобное заявление было положительно воспринято в Иране, для которого присутствие американского контингента в Киргизии расценивалось как угроза собственным интересам и подрыв региональной безопасности.

После вывода базы с киргизской территории в 2014 года, начался новый этап в отношениях Ирана и Киргизии. Уже в 2016 году иранский президент посетил Киргизию. В ходе визита акцент был сделан на цивилизационном факторе, который по мнению представителя Ирана, выступал в качестве объединял две страны. В целом, визит способствовал расширению не только политических контактов, но и отношений в сфере экономики и транспорта. Кроме того, в последующие годы наметилась положительная динамика в двусторонних отношениях. Постепенно возрастали объемы товарооборота, был упрощен порядок выдачи виз, что увеличило взаимный туристический поток.

Администрация, сформированная в ИРИ президентом Раиси (2021-2024 гг.), реализовывала внешнюю политику в Евразии с учетом новых геополитических тенденций и изменения ситуации в регионе. Сменилась власть в Афганистане, где во главе встало движение Талибан. Усилилось

¹²⁴ Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. Социально-политические и экономические аспекты. М., 2002. С.128.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ 182 Гарб

соперничество между США, Россией и Китаем за влияние в странах Центральной Азии.

Стабильность в центральноазиатских странах имеет для Ирана огромное значение, поскольку создает условия для экономического сотрудничества, которое, в свою очередь, расценивается как фактор, который может способствовать утверждению страны в качестве региональной державы. Санкционное давление США, направленное на подрыв экономики Ирана, усилило стремление Тегерана к расширению экономического влияния в центральноазиатских государствах.

После победы Исламской революции и в последующие десятилетия стало очевидно, что Иран не играл какой-либо роли в мировой экономике. Этому были свои объяснения. С одной стороны, «мировые торговые рынки характеризовались монолитностью, правила которой навязывались Ирану. С другой стороны, ИРИ эти правила отвергались, что привело к развязыванию экономической войны против страны и лишило ее шансов влиться в мировое торгово-экономическое пространство»¹²⁷. Кроме того, в своей политике Иран делал ставку на нефтяную сферу, игнорируя иные возможности для своего развития. Например, длительное время Иран игнорировал такой фактор, как выгодное географическое положение, что сдерживало развитие отношений со странами Центральной Азии¹²⁸. Кроме того, иранская политика в сфере экономики стала балансировать между крупными центрами силы в Евразии и Иран стремится «уравновешивать силы между Китаем, Россией, Турцией и Ираном»¹²⁹. В контексте сложившейся геополитической ситуации «Иран озабочен в приоритетном порядке работать на снятие с себя наложенных санкций или хотя бы максимально их ослабить»¹³⁰.

¹²⁷ Парахмади Хосейн . Эктесаде сийасийе ва таамоле доулат ва незаме джахани: зарурате пажухешхае навин дар тавдине сийасате хариджи (политическая экономия и взаимоотношения государств и мировой системы: необходимость новых исследований при разработке внешней политики)// Сийасате хариджи. 1381. №4.

¹²⁸ ¹²⁸ Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. Социально-политические и экономические аспекты. М., 2002. С.212.

¹²⁹ میانه ایران به دنبال نفوذ اقتصادی در آسیای http://Hill/Iranian Diplomacy Editorial/11
http://www.irdiplomacy.ir/fa/news/2001933/ (дата обращения: 03.03.2025).

¹³⁰ Хуторская. В.В. В кн. Иран: ислам и власть. Российская Академия Наук. Институт Востоковедения. Культурное представительство при посольстве Исламской республики Иран в Москве. М.,2002. С. 234.

Политика Ирана в отношении Киргизии, несмотря на санкционное давление со стороны Запада, демонстрирует прогресс. Голам Хоссейн Шафеи, председатель торгово-промышленной палаты Ирана отмечал, что «в 2020 году общий товарооборот между странами составил всего 18 млн. долларов (0,03% от общего объема торговли КР)»¹³¹. В 2024 году товарооборот достиг 58 млн. долларов¹³². При этом, инвестирование в конкурентоспособные сектора экономики стран Центральноазиатского региона было более выгодно, чем торговля с ними. Но для этого необходимо было «изыскивать новые возможности, в частности для экспорта производственных мощностей, а также тщательно изучить ситуацию на рынке и заняться разработкой плана на краткосрочную и долгосрочную перспективу. В частности, политика Ирана была направлена на снятие санкционного давления и на то, чтобы к 2045 г. страна вошла в десятку сильнейших экономик мира»¹³³.

В начале 2017 года в Иране был принят план экономического развития на пять лет. Его целью являлось создание «экономики сопротивления», не подверженной никаким угрозам извне. Для решения данной задачи было необходимо ежегодно около 50 млрд. долл. иностранных инвестиций, а также формирование проектов в сферах «нефтедобычи, газовой, металлургической, нефтехимической и автомобильной промышленности, а также энергетики»¹³⁴. Иран добился определенных успехов в реализации намеченных планов. Так, «В секторе инженерной работы и технического обслуживания экспорт вырос на 41% и достиг показателей в 260 млн долл. В наукоемкой продукции Иран занимает 15 место в мире и является лидером региона»¹³⁵.

¹³¹ گام اول توسعه همکاری تجاری ایران و قرقیزستان
<https://ecoiran.com/>

¹³² В 2024 году товарооборот между Кыргызстаном и Ираном снизился на 11% и составил \$58,4 млн. 18.02.2025. (дата обращения: 24.07.2025)

¹³³ Сажин В. И. Вероятность и перспективы реализации Совместного Всеобъемлющего плана действий по решению иранской ядерной проблемы// Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / под ред. Н.М. Мамедовой, М.С. Каменевой, И.Е. Федоровой. М.: ИВ РАН; Издатель А.В. Воробьев, 2016.С.250-251.

¹³⁴ Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М., 2018. С. 94.

¹³⁵ Иран: достижения «экономики сопротивления». 26.12.2022. <https://www.geopolitika.ru/article/iran-dostizheniya-ekonomiki-soprotivleniya?ysclid=mhry7ymbel838411146> (дата обращения: 23.09.2025)

В последние годы свою политику в Центральной Азии Иран рассматривал в контексте региональной безопасности в Евразии. Подобный подход продиктован уверенностью, что только при поддержке крупных и экономически развитых евразийских государств – России и Китая – Иран может обеспечить условия для продвижения своих интересов в Центральной Азии. Исходя из подобных представлений Иран подал заявку и ШОС и БРИКС. В 2023 году он стал полноправным членом ШОС и в 2024 году вступил в формат БРИКС. «Противостояние с Западом сближает Россию и Иран. 15 мая 2025 года вступило в силу полноформатное соглашение о свободной торговле между Ираном и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). По прогнозам Российско-Иранского делового совета, к 2030 году это позволит увеличить объем торговли между странами до 16-20 млрд. долл.»¹³⁶. Таким образом, иранская политика последних лет активизировалась и была направлена на более активное «участие в процессе создания новой структуры региональной безопасности»¹³⁷.

Большое внимание Иран уделяет развитию международных транспортных коридоров. В частности, одним из ключевых проектов является проект международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг». Он был подписан еще в 2000 году между Россией, Индией и Ираном. В рамках МТК «Север – Юг» должны заработать три направления: западный, восточный и через Каспийское море.

Данный проект рассматривается в Иране в качестве возможности укрепления отношений со странами Центральной Азии¹³⁸. Его восточный маршрут проходит через страны Центральной Азии – Казахстан и Туркменистан¹³⁹. Коридор состоит из железнодорожного, автомобильного и

¹³⁶ Экономика сопротивления: потенциал Ирана для российского бизнеса https://export.rbc.ru/article_8/?ysclid=mhry2zdl877615275 (дата обращения: 12.10.2025)

¹³⁷ Маликов К. Страны ЦА региона в новых геополитических условиях на фоне угроз Афганистана. 13 августа 2021. URL: http://mnenie.akipress.org/unews/un_post:22786 (дата обращения: 06.10.2025).

¹³⁸ Юридической базой создания коридора «Север – Юг» стало подписание 12 сентября 2000 г. в ходе Второй Международной евроазиатской конференции по транспорту (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) тремя странами – Республикой Индия, Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией – межправительственного Соглашения о международном транспортном коридоре «Север – Юг».

¹³⁹ Западная «ветка» коридора идет по западному берегу Каспия, Транскаспийская – через Каспийское море.

внутреннего водного транспорта. Также в него входят морские порты на Каспии (Астрахань, Оля, Махачкала, Баку/Алят, Актау/Курык, Туркменбаши, Энзели, Ноушехр, Амирабад), порты Персидского залива (Бендер-Аббас и Чабахар), автомобильные (АПП) и железнодорожные пункты пропуска, а также международные аэропорты.

В 2024 году объем перевозок грузов по МТК «Север – Юг» достиг 26,9 млн. т и вырос по сравнению с 2023 годом на 19%¹⁴⁰. При этом в 2022 году объем перевозок составлял 14,5 млн. т.

В 2025 году Иран и Россия подписали «Дорожную карту транзита». Основное внимание в документе «уделялось скорейшему завершению строительства железной дороги Решт – Астара»¹⁴¹. Развитию МТК мешают различные барьеры, прежде всего инфраструктурного, тарифного и нетарифного характера. Осень 2025 года страны обсуждали возможность создания консорциума (Ассоциации) российских и иранских судоходных компаний и российских и иранских портов. Это будет способствовать укреплению двусторонних российско-иранских отношений.

Таким образом, иранская политика направлена на дальнейшее расширение сотрудничества с крупными евразийскими государствами, видя в этом возможности для развития отношений с Киргизии. Так, эксперт из Киргизии К. Маликов отмечал, что «Иран заинтересован в экономическом сотрудничестве с нашими странами как с рынками сбыта в рамках ШОС при открытии прямых трансрегиональных сообщений, так и в сфере обеспечения региональной безопасности»¹⁴².

В целом, можно говорить о том, что подходы Ирана к реализации внешней политики Ирана в Центральноазиатском регионе отличаются

¹⁴⁰ Преодоление инфраструктурных барьеров на пути развития МТК «Север — Юг». 30.04.2025. <https://index1520.com/analytics/preodolenie-infrastrukturnykh-barerov-na-puti-razvitiya-mtk-sever-yug/?ysclid=mhsnpe1doq945789778> (дата обращения: 23.07.2025)

¹⁴¹ Иран и Россия подписали Дорожную карту транзита на 2025 год. 19.02.2025. https://www.iran.ru/news/economics/127524/Iran_i_Rossiya_podpisali_Dorozhnuyu_kartu_tranzita_na_2025_god (дата обращения: 23.08.2025)

¹⁴² Основные этапы киргизо-иранских отношений URL:<https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/osnovnyie-etapyi-kyrgyzsko-iranskih.html> (дата обращения: 02.03.2025).

последовательностью и преемственностью. Не зависимо от личности президента иранская политика опирается на исламскую идеологию, которая, в свою очередь, не становится препятствием для проведения прагматичного внешнеполитического курса. В результате, внешняя политика Ирана поддерживает курс на развитие интеграционных тенденций на евразийском пространстве и выступает против расширения присутствия в Центральной Азии третьих стран¹⁴³.

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРИ В ОТНОШЕНИИ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

2.1. Сотрудничество ИРИ и КР в политико-экономической сфере

Многоаспектное взаимодействие между ИРИ и Киргизской Республикой можно считать откликом на имеющие место в современном мире реалии – политико-экономические, социальные, в области культуры и науки и т. д. В настоящее время эти отношения активизировались, однако их истоки сформировались еще в последней четверти XX века.

Одна из причин, обусловивших ориентир Ирана на внешнеполитическое пространство, – это ситуация, сложившаяся после Исламской революции 1979 г. Политическая и экономическая блокада, которая была инициирована странами Запада, требовала выхода из создавшегося положения. И хотя такие

¹⁴³ Санаи М. О стратегии и тактике внешней политике ИРИ (в региональном контексте) // Иран в условиях новых геополитических реалий. Под. Ред. Е. В. Дунаева. М., 2019. С. 142.

возможности ИРИ находила, имеются они и сейчас, поскольку иранская экономика, по мнению исследователей, в частности Н. Кожанова, «обладает определенным запасом прочности и ресурсов для успешного противостояния санкциям», однако «запасы эти не бесконечны»¹⁴⁴, и в устремленности на контактирование с некоторыми близкими ментально-исторически и территориально странами Иран видел реальные перспективы преодоления кризиса. Так, в число данных направлений вошли новые центральноазиатские государства, с которыми у Ирана имелись культурно-религиозные общности и двусторонние отношения.

Политическим наследием распавшегося Советского Союза стало зарождение пяти центральноазиатских стран. Необходимо отметить, что несмотря на их независимость друг от друга, данные государства объединяли некоторые общие черты. Прежде всего, это конфессиональное родство, которое заключалось в том, что большинство населения исповедовало ислам суннитской ветви. Кроме того, экономическое положение соседствующих с Исламской Республикой Иран стран было далеким от благополучного, кризис наблюдался и в социально-политической сфере, и потому они находились в активном поиске собственной модели национального развития.

Несколько факторов, по мнению специалистов, предопределили уязвимости вновь образованных стран ЦА региона. Так, прежде всего, риски обусловлены отсутствием у них собственного выхода к морю, что, безусловно, ограничивает возможности в плане воднотранспортных коммуникаций, так необходимых для нормального существования любого государства. Кроме того, между такими странами, как Узбекистан–Кыргызстан–Таджикистан, Узбекистан–Таджикистан, Узбекистан–Казахстан, остаются дискуссионными и до сих пор не решены вопросы относительно водных ресурсов.

Необходимо при этом сделать акцент на одно немаловажное в контексте анализируемой темы обстоятельство: Исламская Республика Иран оказалась

¹⁴⁴ Кожанов Н. А. Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия. Институт Ближнего Востока. М 2011. С 186.

свидетельницей того, как Узбекистан и Казахстан – два ключевых внешних игрока в данном регионе – с 1992 г. начали политическое и экономическое соперничество за лидерство, борьба за которое влияла и на Иран, который имел с ними исторические связи.

Очевидно, что некоторые перспективы для сотрудничества ИРИ со странами Центральной Азии, общая площадь которой составляет 3 944 400 кв. км. и который характеризуется быстрым темпом прироста населения. Так, иранский исследователь Мешкини указывает, что Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан могли бы расширить рынок сбыта за счет сочетания «таких положительных факторов, как расположение на пересечении Азии, Африки и Европы», географической близости с экономически стабильными и сильными Китаем, Индией, Пакистаном, Россией и Ираном. Кроме того, по мнению исследователя, «наличие ресурсов, позволяющих этим странам занимать ведущие места по запасам энергии; богатые запасы золота, меди, урана и других тяжелых металлов; разнообразие сельскохозяйственной продукции; потенциальные возможности для создания исламской культуры и довольно широкий рынок потребления – всё это дает большие преимущества региону, стабильность в странах которого является условием сохранения неприкосновенности и безопасности границ ИРИ»¹⁴⁵.

Запасы энергии, меди, наличие золотоурановых источников, преимущества географического положения, общность границ, особенно с Афганистаном, являющимся зоной, события в которой пока не позволяют говорить об установлении безопасности в регионе, а также дающая огромные перспективы реализация проекта КНР «Один пояс – один путь» и участие в ШОС, ЕАЭС – все это свидетельствует «о значимой роли региона не только на локальном уровне, но и в международных отношениях в целом»¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Мешкени Гадер Насри. Проблемы и упущенные моменты активности ИРИ в ЦА и на Кавказе // Аму-Дарья. М., 2000. №5. С.78

¹⁴⁶ Насери С., Шейхсараи. Н. Исламская революция в предвидении будущего. Иран в условиях новых геополитических реалий. 2019. М. С.230-231

Еще на старте установления контактов с КР по линии дипломатического взаимодействия Ираном демонстрировалось желание сохранить свое присутствие в данной стране. Это выражалось в планомерном и постоянном расширении сфер сотрудничества между странами, в частности в области торговли и культуры.

Иран не оставлял без внимания возможности для установления и поддержания многовекторных контактов с Киргизской Республикой, используя для этого ряд факторов. Общность позиций во взглядах на мировые проблемы на уровне государственного правления, культурно-исторические связи между народами и этносами, населяющими обе страны, сходство в части религиозного воззрения и связанных с ним традиций – всё это создает благоприятную почву для активного расширения политических, экономических, культурно-гуманитарных отношений между двумя странами.

Исламская Республика Иран – одна из первых стран, признавших 21 декабря 1991 года независимость и суверенитет Киргизии, а начало дипломатических отношений относится к маю 1992 года. На следующий год в столице республики, в городе Бишкеке, было открыто посольство Ирана, а тремя годами позднее – в 1996 году – посольство КР в Тегеране¹⁴⁷.

Киргизия даже при отсутствии общих с Ираном границ, безусловно, представляет интерес для ИРИ, поскольку находится в Центральноазиатском регионе и занимает очень выгодное географическое положение, имеет богатые природные ресурсы.

Отношения между двумя государствами начали формироваться в 1993 году со взаимных визитов, которые были нанесены политическими деятелями обеих стран. Первым официальным лицом, посетившим Иран, стал президент КР Аскар Акаев. Результатом прошедших двусторонних переговоров стали намеченные планы относительно взаимовыгодного сотрудничества. Эффективность этих встреч подтверждается и тем, что была подписана

42. ده سال روابط بين ايران جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002. ص. 147.

состоящая из 14 пунктов Декларация, в которой необходимость развития отношений в области экономики, политики, культуры, а также укрепления дружеских связей ставились в приоритетное положение.

Через год, в 1994 году, официальный визит был нанесен в Бишкек президентом ИРИ Хашеми Рафсанджани. «Эти встречи были не менее плодотворными, поскольку лидеры обоих государств выступили с заявлениями о необходимости и впредь стремиться к сохранению независимости двух стран и выразили желание продолжать политику, направленную на развитие связей между ними по различным каналам – экономическим, политическим, культурным»¹⁴⁸.

Торговое сотрудничество, а также выгодное для обеих сторон взаимодействие в гуманитарной сфере и в культуре, взаимообмен в области здравоохранения и науки предполагалось расширять и углублять в целях претворения в жизнь намеченных планов.

Киргизская Республика, будучи членом Организации экономического сотрудничества (ЭКО), выражала намерение тесно сотрудничать с ИРИ при обсуждении региональных проблем и поиске устраивающего обе стороны решения. Так, результатом ответного визита президента Рафсанджани в Киргизию стали 12 договоров и протоколов, содержание которых включало вопросы политики, экономики, и культуры. Еще одним важным достижением стало решение об открытии в Бишкеке посольства ИРИ.

С 1993 года отношения между Киргизской Республикой и Исламской Республикой Иран развивались по нарастающей. Затем, в 1995 году премьер-министр Киргизии Апас Джумагулов посетил с официальным визитом Иран, а в 1996 году с ответным визитом в КР прибыл первый вице-президент Исламской Республики Иран Хасан Жиби.

Парламентское сотрудничество было не менее плодотворным и с самого начала установления демонстрирующим намеченный обеими странами курс

34 ده سال روابط بين ايران جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002. ص 148

на дальнейшую оптимизацию. Так, ключевыми событиями стали прибытие в 1998 году делегации КР в Иран для встречи с представителями законодательной власти – меджлисом ИРИ, а в ноябре 1999 года состоялся визит министра иностранных дел КР Эднана Карабаева. Значимость двух этих мероприятий обусловлена тем, что именно благодаря им была создана благоприятная почва для последующего официального взаимодействия между КР и Ираном.

В мае 1998 года на очередном собрании глав ЭКО, проходящем в Алматы, президенты Ирана и Киргизии провели двусторонний диалог, в ходе которого от Сейида Мохаммада Хатами поступило предложение президенту Аскарму Акаеву – посетить Иран. В июне 2000 г. осуществился визит последнего в ИРИ, в ходе которого произошли знаменательные встречи с официальными лицами, в том числе с лидером ИРИ Хаменеи. Состоялись переговоры, центральными темами для обсуждения на которых были вопросы, касающиеся двустороннего сотрудничества, а также регионального и международного взаимодействия. Обеими сторонами выражалась приверженность намеченному курсу на продолжение сотрудничества, а Хатами, в частности, сделал особый акцент на необходимости строить эффективное взаимодействие с учетом того обстоятельства, что между этими странами много общего – религия, культура, история. Все участники переговорного процесса были единодушны в понимании, какую опасность несут их странам, причем в равной степени, вызовы и угрозы современности. Хатами выразил убежденность, что уязвимость одной страны региона – это незащищенность и слабость всего центральноазиатского политического пространства в целом, и поэтому совместно принимаемые меры как никогда актуальны в свете установления мира и спокойствия, а также обеспечения гарантии безопасности в будущем.

Еще одним пунктом повестки Хатами обозначил необходимость создания условий, при которых «страны не будут находиться под влиянием внешних

сил, при этом целенаправленно продвигаясь к независимости в области политики, экономики и культуры»¹⁴⁹.

Этой встречей, в целом задавшей позитивную тональность сотрудничеству между двумя странами в последующем, подтвердилась их готовность осуществлять, в частности, единую тарифную и таможенную политику, наладить взаимовыгодные контакты во всех сферах, в том числе по вопросам региональной безопасности, а также развивать и укреплять историко-культурные связи.

Примечательно в этой связи следующее обстоятельство. Поскольку новые страны Центрально-Азиатского региона не имели еще достаточно наработанного опыта отношений по линии дипломатии, то в апреле 1999 года Министерством иностранных дел ИРИ для сотрудников дипведомства Киргизии были организованы краткосрочные курсы.

Необходимо указать и на еще одно значимое в свете установления и поддержания двухсторонних контактов событие: г-н Сейид Аятоллах Махожерани, представитель Президента в парламенте ИРИ, прибыл в КР для участия в праздновании 1000-летия памятника героического эпоса киргизского народа «Манас». На состоявшейся после официальной церемонии встрече с Аскармом Акаевым¹⁵⁰ обе стороны заявили о своем намерении продолжать активное сотрудничество и готовности к взаимовыгодному диалогу.

С начала существования КР как независимого государства и в течение последующего десятилетия (с 1992 г. по 2002 гг.) между Киргизией и ИРИ активно шли переговорные процессы, содержание которых касалось самых разных тематических областей и итогом которых стали свыше восьмидесяти подписанных соглашений. Одним из важнейших документов явилась совместно принятая «Декларация о дружественных отношениях» (2002 г.), в

ده شال روابط بين ايران جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002. ص 149

34 ده سال روابط بين ايران جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002. ص 150

которой были отражены основные принципы и главные направления двустороннего сотрудничества между странами.

В контексте анализа политического и экономического взаимодействия между ИРИ и КР обращают на себя внимание следующие факты. По приглашению спикера парламента КР М. Шеримкулова в Киргизию 29 ноября 1991 г. прибыл министр иностранных дел ИРИ Али Акбар Велаяти, вместе с сопровождавшей его делегацией он лично встретился с президентом КР Аскармом Акаевым, а также с другими высшими чиновниками республики. В ходе встречи, была в очередной раз продемонстрирована готовность к сотрудничеству в самых разных областях и нацеленность на воплощение в действие всех ранее подписанных соглашений. Аскар Акаев выступил с напоминанием о том, что Киргизия стремится к расширению двусторонних политических, экономических, торговых и культурных отношений, причем основа такого взаимодействия – это исключительно принципы равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга. Кроме того, президентом был озвучен тезис о необходимости и впредь проводить встречи на высшем уровне и организовывать переговоры между министерствами иностранных дел обеих стран¹⁵¹.

Итогами данной встречи стал ряд ключевых соглашений. В частности, было решено зеркально открыть консульские учреждения: консульство ИРИ в Бишкеке, а КР – в Тегеране. Кроме того, соответствующим ведомствам было поручено обмениваться информацией и заключить взаимовыгодные договоры в области банковского сотрудничества, государственного и частного кредитования в Бишкеке и Тегеране, а также было выражено намерение регулярно проводить торгово-промышленные выставки.

Со стороны Ирана было заявлено о готовности осуществлять международные перевозки. В этом была заинтересована прежде всего Киргизия. Также Иран поддержал курс на взаимодействие в области почтовых

34 ده سال روابط بين ايران جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002. ص 151

услуг и связи, в сфере популяризации персидской литературы и языка, а также расширять контакты по линии туризма и спорта.

Иран стремился использовать активизацию межпарламентского сотрудничества между двумя странами. Так, спикер парламента КР Усуп Мукамбаев, в 1998 году посетивший Иран, сообщил о готовности со стороны Киргизии к реализации достигнутого соглашения, а обе стороны выразили желание более тесно взаимодействовать и впредь, в частности путем совместного создания и эффективного функционирования парламентской группы.

Переговоры, участниками которых были премьер-министр КР Апас Джумагулов, находившийся в апреле 1995 года в Иране по приглашению первого вице-президента ИРИ, президент и иные высокопоставленные лица Ирана¹⁵², завершились подписанием ряда взаимовыгодных соглашений, которыми подтверждалось достижение взаимопонимания в решении политических и экономических вопросов.

В 1996 году с ответным визитом в Киргизию прибыл г-н Жиби. Встреча с высокопоставленными лицами Киргизской Республики, в том числе с Президентом, была плодотворной. На ней были обсуждены вопросы в контексте понимания исторической значимости общности истории и культуры двух стран. Примечательно, что в числе участников на этой встрече активность проявили представители не только государственного, но и частного сектора экономики КР, а также были намечены стратегии взаимодействия в этом направлении между двумя странами.

Политика Ирана в отношении КР развивалась поступательно. Страны продемонстрировали единые позиции по различным вопросам внешней политики в Центральной Азии. ИРИ и КР поддерживали инициативы друг друга, будучи участницами международных организаций. Например, речь идет о доктрине «Дипломатия шелкового пути», одобренной обеими

3. ده سال روابط بين ايران جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002. ص 152

странами, а также о предложении 2003 год объявить годом 2200-летия Киргизской государственности и тысячелетия эпоса «Манас»¹⁵³.

С 2006 по 2008 гг. киргизско-иранские отношения претерпевают новый этап развития, характеризуясь значительно более выраженной направленностью на практику. Были поддержаны намеченные ранее планы. Плодотворность сотрудничества по линии двусторонних отношений между ИРИ и КР демонстрируется и в том, что с самого начала их установления и до 2009 года прошло девять заседаний совместной межправительственной комиссии по экономическому, научно-техническому и культурному взаимодействию. Кроме этого, регулярно осуществлялась работа международных и региональных организаций, таких как ЭКО и Исламская конференция. Однако в целом Исламская Республика Иран не уделяла особого внимания ЦА региону, предпочтя ему Ближний Восток¹⁵⁴.

Политика ИРИ в отношении Киргизии уступала активности таким странам, как Турция или КНР. По мнению эксперта по ЦА Александра Князева, присутствие Ирана в КР «характеризовалось как довольно активное, но в любом случае заметно уступало российскому, китайскому и даже турецкому»¹⁵⁵. Это было связано с тем, что долгое время Киргизия не входила в сферу политического интереса Ирана, оставаясь на вторых ролях. Политика Ирана поддерживалась КР, позволяют ей не только укрепить свой авторитет, но и существенным образом упрочить свое экономическое состояние. Так, в 2006 году США выразили готовность предоставить Киргизии финансовую помощь, чтобы заручиться гарантией на военное сотрудничество двух стран, прежде всего касающееся размещения американской военно-воздушной базы

40. ده سال روابط بين ايران جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002. ص 153

154 طرح سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران در آسیای مرکزی
<http://ensani.ir/file/download/article/20161213114240-10070-45.pdf>
(дата обращения 01.07.2025)

155 Князев А. Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии - эволюция и приоритеты URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/a-knyazev-regionalnaya-strategiya-irana-v-tsentrallyy-azii-evolyutsiya-i-prioritety/> (дата обращения: 01.08.2025)

в аэропорту «Манас». Со своей стороны Иран выразил желание выделить КР кредит на льготных условиях в сумме 200 млн евро¹⁵⁶.

В начале XXI века политика Ирана в отношении Киргизии демонстрировала последовательность. Взаимодействие Киргизии и ИРИ осуществляется в формате участия обеих стран в ряде международных организаций, а в 2005 году Иран был принят в ШОС в качестве наблюдателя.

В период руководства страной Махмудом Ахмадинежадом политика Ирана была направлена на развитие отношений с Россией. Это было обусловлено возросшим давлением со стороны Запада.

В своей политике в отношении Киргизии иранская сторона использовала и международные площадки. Так, президент Ирана Махмуд Ахмадинежад принял участие в работе ШОС, как страны-наблюдателя. Мероприятие проходило в Бишкеке в августе 2007 года. С. Воронова считает, что этот шаг был одобрен властью КР, поскольку позволял найти «дополнительные возможности для контактов с Тегераном по вопросам безопасности, борьбы с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотиков»¹⁵⁷.

Президент Ирана выразил уверенность в отсутствии каких-либо барьеров и неразрешимых противоречий в отношениях между двумя странами. Он по достоинству оценил уровень развития Киргизской Республики и заявил о решительном настрое привлечь иранские компании к реализации проектов, иницируемых КР и дающих ей возможности для более интенсивного развития. Особенно такая готовность касалась сотрудничества в области увеличения объемов транспортировки и поставки хлопчатника, злаковых культур и продуктов нефтепереработки. Еще одна область соприкосновения интересов Ирана и Киргизии – это туризм, в целях продвижения которого, как было озвучено на встрече, необходимо прямое авиасообщение между

¹⁵⁶ Месамед В.И. Иран – Кыргызстан: как развивается диалог. URL:<http://www.iimes.ru/?p=41366> (дата обращения: 02.09.2025).

¹⁵⁷ Воронов С. Некоторые аспекты ирано-киргизских отношений на современном этапе. URL: https://www.iran.ru/news/analytics/44731/Nekotorye_aspekty_irano_kirgizskih_otnosheniy_na_sovremennom_etape (дата обращения: 16.07.2025).

Тегераном и Бишкеком¹⁵⁸. Министр КР Эднан Карабаев не остался в стороне от удовлетворительного оценивания двухсторонних отношений и выразил уверенность в том, что работа саммита ШОС, участником которого является ИРИ, – это путь к «процветанию экономики и благополучию всех государств обозначенного региона»¹⁵⁹.

В первом десятилетии XXI века политика Ирана в отношении Киргизии осуществлялось в основном в рамках Организации экономического сотрудничества и Организации исламского сотрудничества. Более развернутому взаимодействию и активной политике, как считает исследователь Э. Мехдиев, препятствовало, в частности, то обстоятельство, что в аэропорту «Манас» были размещены авиабазы США¹⁶⁰.

Безусловно, ключевой сферой, где интересы Ирана и Киргизии должны были достичь максимально полного совпадения, – это разрабатываемая ИРИ ядерная программа. Позиция Бишкека всегда оставалась предельно ясно сформулированной и неизменной: все вопросы, вызывающие разногласия, должно решаться исключительно посредством дипломатических инструментов. Тот же настрой демонстрировал и Иран.

Недостаточная интенсивность киргизско-иранских контактов, равно как и нереализованность возможностей для двустороннего сотрудничества отмечается многими исследователями. Действительно, с началом установления между этими странами дипломатических отношений и фактически по настоящее время они ограничивались лишь несколькими официальными встречами, в частности взаимно нанесенными тремя визитами президентов двух стран (в 1993, 2002 и 2005 гг.). Эти контакты «поддерживали политический диалог на плаву»¹⁶¹.

¹⁵⁸https://www.iran.ru/news/politics/51742/Glava_MID_KR_obsudil_s_iranskimi_diplomatami_voprosy_sotrudnichestva_v_ramkah_ShOS (дата обращения 28.07.2025).

¹⁵⁹ Там же

¹⁶⁰ Мехдиев Э.Т. Состояние и перспективы отношений Ирана со странами Центральной Азии и Закавказья // Международные отношения. – 2017. – № 4. – С. 1-15. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23235 (дата обращения 12.03.2025)

¹⁶¹ <http://ensani.ir/file/download/article/20161213114240-10070-45.pdf> طرح سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران در آسیای مرکزی (дата обращения 01.09.2025)

Иран использовал широкий инструментарий в политике в отношении Киргизии. В 2010 году Иран предоставил Киргизии гуманитарной помощь в размере 210 миллионов долларов.

Однако в целом, на политику Ирана оказывали некоторые факторы. Прежде всего, расположение военной базы США на территории аэродрома «Манас» в КР (2002–2014 гг.) не могло не оказать влияния на политике ИРИ в отношении Киргизии. Указывая на это обстоятельство, посол Ирана в КР Манучехр Моради выражал убежденность в том, что «высшее руководство Киргизии не должно позволить США свою законную территорию, являющуюся центром значимых для региона транзитных коммуникаций, использовать как площадку для инициации военных действий против Ирана. Уверенность в своих заявлениях посол подкреплял и тезисом о том, что после двух десятилетий плодотворного и тесного сотрудничества между Ираном и Киргизией живущие в этих странах дружественные народы не дадут событиям развиваться именно так»¹⁶².

В 2014 году, после вывода военной базы США с территории Киргизии, политика Ирана в отношении Бишкека стала меняться. Посол ИРИ в Бишкеке Манучехр Моради отмечал, что «передал от руководства Ирана удовлетворение решением президента Алмазбека Атамбаева и высказал предположение, что оно не является мнением только одного человека – президента, а отражает чаяния и требования всего народа Киргизии. Безусловно, Иран не приемлет всякое вмешательство со своей стороны во внутренние дела какой-либо страны, в том числе КР, но питает надежду на то, что вопрос о выводе американских военных баз с территории Киргизии будет решен категорически и бесповоротно»¹⁶³. В целом, можно отметить, что «отношения двух стран отличались «взлетами и падениями, но всегда... оставались позитивными», были дружественными и теплыми. При этом

¹⁶² Кыргызстан не позволит США использовать авиабазу в «Манасе» против Ирана, уверен иранский посол
URL: <https://diesel.elcat.kg/index.php?showtopic=11958434> (дата обращения: 03.07.2025)

¹⁶³ Там же

подчеркивалось, что не все возможности для установления долгосрочных контактов используются»¹⁶⁴.

При всех отмеченных выше позитивных тенденциях и интенсивности внешнеполитической деятельности Ирана в отношении Киргизии в последние годы политика не отличалась эффективностью. Темпы развития и ограниченность сфер двустороннего взаимодействия были таковы, что этот период можно назвать временем спада. Отсутствие ожидаемой ранее активности можно объяснить несколькими причинами. Однако прежде всего такая ситуация обусловлена положением Ирана, находящегося под санкционным прессингом, с одной стороны, и его попытками выйти на новый социально-экономический путь развития, как того требовала постреволюционная реальность, с другой.

Товарооборот между ИРИ и КР в последнее десятилетие характеризуется незначительными показателями – примерно 23 млн долларов. При этом гораздо большая торговая активность демонстрируется со стороны Киргизии. Однако о взятом ранее курсе на расширение взаимовыгодных контактов, в том числе в торгово-экономической сфере, заявляли представители ИРИ. Так, посол Ирана в КР Али-Моджтаба Рузбехани отмечал, что указы президентов обеих стран своим правительствам симметричны, когда речь идет об изыскании всех возможных ресурсов и принятии мер для стимуляции ирано-киргизских торговых отношений, об устранении барьеров, создающих препятствия. Реализацией этих поручений стало, в частности, упрощение порядка выдачи виз для граждан Ирана, посещающих Киргизию, что увеличило приток в страну туристов, а также лиц, имеющих для визита коммерческие или личные цели и т.д.

Такие благоприятные условия для въезда в страну и пребывания в ней не могли не сказаться на резком увеличении потока предпринимателей из Ирана, интерес которых фокусировался на разных сферах. Наглядным примером

¹⁶⁴ <https://for.kg/news-381676-ru.html> Новый посол Ирана в Кыргызстане: "Торгово-экономические отношения между нашими странами имеют огромный потенциал" (дата обращения 15.03.2025)

своеобразного зарождения новых по формату отношений является сотрудничество по линии предоставления предпринимателям и представителям крупного бизнеса банковских услуг. В публикациях СМИ, а также от официальных лиц Ирана все чаще стала появляться информация о том, сотрудничество в области банковских продуктов, прежде всего с учетом того, что они формируются на основе исламской модели, чего ранее не было, будет способствовать более интенсивному продвижению партнерства, в числе ожидаемых результатов которого – развитие взаимодействия с КР в обеспечении безопасности и в борьбе с представляющим угрозу обеим странам терроризмом.

При этом для развития торгово-экономических отношений существовали определенные препятствия. В частности, посол Ирана в Бишкеке Али Моджтаба Рузбехани подчеркивал, что «в условиях отсутствия межбанковских отношений возможности для эффективного ведения бизнеса в Киргизии у иранских предпринимателей нет, равно как и не будет их у представителей бизнеса из КР, имеющих желание заниматься им в Иране. Дипломат в числе прочего высказался и за то, чтобы между двумя странами коммуникации были более развитыми и интенсивными, в частности, актуален вопрос об открытии прямого авиасообщения между Ираном и Киргизией»¹⁶⁵.

Несмотря на препятствия, со стороны ИРИ и КР за последние годы наблюдается тенденция к расширению взаимовыгодных контактов: официальными лицами, дипломатами, представителями бизнеса, деятелями культуры и др. высказываются различные инициативы и принимаются меры, позволяющие создать благоприятную среду для реализации намеченного в этом отношении. Способствующим единению обеих стран фактором можно назвать общность исторического прошлого, религии и традиций. Иран

¹⁶⁵ Посол Ирана в Кыргызстане о том, как развиваются отношения двух стран URL: https://24.kg/obschestvo/107772_posol_irana_vkyrgyzystane_otom_kak_razvivayutsya_otnosheniya_dvuh_stran/ (дата обращения: 03.07.2025).

намерен укреплять свое присутствие в Киргизской Республике, упрочить связи по линии взаимодействия в политике, экономике и в ряде других сфер.

В 2021 году стороны обсуждали стратегические направления взаимодействия. Подчеркивалась важность работы киргизско-иранской Межправительственной комиссии¹⁶⁶.

Торгово-экономические связи между Киргизией и Ираном установились еще в 1992 году, а уже через год – в июне 1993 году было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере торговли, таможи, банковских и транспортных услуг¹⁶⁷. Бывший в то время президент Ирана Хашеми Рафсанджани курсом своей внутренней политики определил, в том числе, свободу ценообразования и создание свободных экономических зон, привлечение иностранного капитала, приватизацию. «план на пять лет был разработан грамотными специалистами, характеризовался продуманностью, детальным описанием и обоснованностью мер, посредством реализации которых страна должна выйти из кризиса и продолжить свое развитие на основе либерализации»¹⁶⁸.

Схожие задачи киргизскому правительству поставил президент КР Аскар Акаев. В начале 1992 года он утверждал, что «для развития и в будущем экономического процветания страны без иностранных инвестиций обойтись невозможно – такая общемировая практика доказала свою эффективность. При этом финансовые вливания нужны для Киргизии именно в текущей ситуации, а не в отложенной на неопределенный срок перспективе»¹⁶⁹.

Приток капитала в Киргизию извне, безусловно, предполагает и участие самой страны в общемировых экономических процессах, и для этого ею были реализованы все имеющиеся на то время возможности, чтобы влиться в глобальную финансово-экономическую систему. Так, КР стала членом таких

¹⁶⁶ Министр Р. Казакбаев обсудил с послом Ирана С.Харрази использование ж/д коридора Иран—Туркменистан—Узбекистан—Кыргызстан <https://news.myseldon.com/ru/news/index/261197398> (дата обращения: 15.03.2025)

¹⁶⁷ Архив Президента КР. Ф 1. Оп.1.д. 618. Л. 157.

¹⁶⁸ Мамедова Н. М. Экономика Ирана. МГИМО МИД России, 2018 г. С. 112.

¹⁶⁹ История Кыргызстана XX век. Под ред. У. Чотонова. Б., 1998, С. 276.

крупнейших финансовых институтов, как Международный валютный фонд (с мая 1992 г.), Всемирный банк (с сентября 1992 г.), Европейский банк развития и реконструкции (с 1992 г.), Азиатский и Исламский банки развития (с 1994 г.) и другие¹⁷⁰. Не менее значимый шаг был сделан в 1992 г. посредством вступления в ОИС, а также присоединения к ОЭС, подкрепленного подписанным в г. Исламабаде дополнением к Измирскому договору между Киргизией и Афганистаном, Азербайджаном, Казахстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном.

Будучи членом ОЭС, Киргизская Республика была заинтересована решать важнейшие и актуальные для всех стран Содружества задачи, в числе которых практическая реализация планов по созданию железнодорожных путей в регионах ОЭС и по запуску энергетического проекта «CASA-1000», которые до сих пор прорабатываются¹⁷¹.

В настоящее время акцент на развитие и оптимизацию сотрудничества в сфере экономики. За первые десять лет с начала установления экономических отношений цифры, отражающие динамику торгового оборота между ИРИ и КР, были весьма скромные: годовой обмен составлял около 40 млн. долларов США (из них 30 млн. долларов приходилось на экспорт Ирана и 10 млн. долларов на импорт Киргизии).

Структуру экспортируемых товаров в обороте между ИРИ и КР со стороны Ирана составляют в основном одежда, обувь, моющие средства, бытовые товары для дома, изделия из пластика, строительные материалы, сладости и различное оборудование.

Экспортируемыми в Иран товарами являются моющие средства, искусственные ткани и одежда, пластиковые изделия, алебастр и т. д.

Основными импортируемыми изделиями из Киргизии являются: оборудование, в частности пресс-машины, различные виды ламп, металл

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Празднование Дня ОЭС и 25-летие вступления КР в организацию URL <https://kabar.kg/news/interv-iu-posla-kr-v-irane-po-sluchaiu-dnia-oes-i-25-letii-vstupleniia-respubliki-nee/> (дата обращения: 12.03.2025).

(железо, сталь, алюминий, медь) и изделия из него, например, стальные трубы, стальные листы, а также хлопок.

С 1999 по 2006 г. экономическая деятельность, которую осуществляли иранские компании в Киргизии, оценивалась более чем в 40 млн долл. США. Кроме того, значительными были и финансовые инвестиции со стороны Ирана в различные сектора экономики КР.

Компании «Кейсон» и «Ирдупаз», зарегистрированные в Иране и зарекомендовавшие себя как надежные партнеры, были задействованы в дорожном строительстве в Киргизии. Так, первой из них было проложено около 28 км автотрассы, соединяющей Бишкек и Ош, второй отремонтировано 18 км дорог в Бишкеке. Еще одна организация из Ирана вместе с компанией «Паз» занималась прокладкой дорог между Джалал-Абадом и Озгоном в довольно непростых технических условиях через село Маданият.

Несмотря на то, что за более чем три десятилетия с момента установления дипломатических контактов между Ираном и Киргизией было подписано порядка 50 экономических соглашений и почти 100 киргизских компаний так или иначе контактируют с Ираном, в частности по линии Организации развития торговли Ирана¹⁷², в рейтинге 121 стран, с которыми Киргизия осуществляет торговый обмен, ИРИ не занимает лидирующих позиций. Так, ключевыми партнерами являются девять из них: Россия, Казахстан, Узбекистан, Китай, Америка, Швеция, Турция, Афганистан, Германия, торговые отношения с которыми достигают почти 90 %¹⁷³.

Сложилась тенденция, при которой ежегодное увеличение товарооборота между республиками Центральной Азии происходит невысокими темпами. Отношения в сфере взаимной торговли Ирана с центральноазиатскими республиками по сравнению с другими странами не столь динамично

172 راهنمای تجارت کشور قرقیزستان. تهران، 2008. ص ۹۲.

173 راهنمای تجارت کشور قرقیزستان. تهران، 2008. ص ۹۷.

развиваются, возможно, и по причине того, что соответствующие органы государственной власти пока не использовали потенциал сотрудничества¹⁷⁴.

Одно из упущений – это недостаточное использование Ираном своих возможностей по формированию в стране транзитного узла для транспортировки грузов, хотя выгодное положение соседствующей с республиками Центральной Азии ИРИ дает ей преимущество в виде возможности играть стратегическую роль в этом регионе и тем самым упрочить свое экономическое положение.

Иран, безусловно, заинтересован в диверсификации отношений в торгово-экономической сфере и потому уделяет этому пристально внимание, ориентируясь на развитие предпринимательства и торговли через свободные и особые экономические зоны – СЭЗ и ОЭЗ¹⁷⁵. Например, семь свободных экономических зон в настоящее время расположены в Иране: «Кешм», «Киш», «Чахабар», «Бендер –Энзели», «Арас», «Арванд» и «Маку». Территория СЭЗ «Чабахар», «Бендер-Энзели», «Арас», и «Арванд» является важным «логистическим центром торговли и грузоперевозок, в частности, первая из перечисленных должна стать одним из ключевых звеньев в торговле с Пакистаном, а также по обеспечению транзита товаров из Китая и Индии в Афганистан и страны Средней Азии»¹⁷⁶.

Иран не теряет своей привлекательности как объект для инвестиций и проявляет готовность формировать на собственной территории маршруты газопроводов, рассчитанные на азиатские рынки, в первую очередь, в Пакистан, а затем и в Китай, открыто заявляющий о намерении финансировать данный проект¹⁷⁷.

Относительно Китая стоит особо отметить, что данная страна в предложенной ей инициативе «Один пояс – один путь» определяет свое

¹⁷⁴ Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. М., 2002. С. 77

¹⁷⁵ Внешнеэкономические связи азиатских государств на примере Индии, Ирана и Турции. Под ред. Торкунова А. В. 2 глава. Мамедова Н.М. Внешнеэкономические связи Ирана. С. 79.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же. С. 141.

отношение к Ирану как в значимому участнику организации сотрудничества, посредством которого возможно активно поддерживать контакты с торговыми компаниями Запада, а также осуществлять движение по направлению к единой интегрированной Евразии¹⁷⁸.

Еще в 2017 году парламент ИРИ утвердил план, согласно которому в последующие пять лет одним из направлений развития страны должно было стать формирование «экономики сопротивления». Речь шла о создании модернизированной системы, способной выдержать любое давление извне. Однако очевидно, что на пути к достижению такой цели нужны крупные финансовые вложения. В частности, они оценивались примерно в 50 млрд. долл., главным образом, за счет привлечения иностранных компаний. Только в этом случае можно было рассчитывать на успешное решение всех поставленных задач.

Экономическим взаимоотношениям между Киргизией и Исламской Республикой Иран, безусловно, присущи черты, которыми в торгово-экономической сфере характеризуется взаимодействие последней и с другими странами. Но нельзя не учитывать при этом и некоторые специфические свойства. В частности, со стороны Ирана нередко подчеркивалось, что полноценными эти отношения могут быть, тем более что между этими странами немало общего, что делает их друг для друга привлекательными в плане торгового партнерства, – схожие позиции по политическим вопросам, общее историческое прошлое, единая религия. Однако в полной мере решить эти задачи мешают, например, отсутствие выхода к морю, неразработанность законов в налогообложении, узость рынков сбыта и т. д.

Со своей стороны посол Киргизии в Иране Турдакун Сыдыков подтвердил «готовность идти к симметричному экономическому развитию, прогноз на который позволяет строить совместно принятый Меморандум». В

¹⁷⁸ Юртаев В. И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима// Outlines of global Transformations, volume 10, number 2, 2017. С. 75.

числе высказанных им предложений были заявления о «необходимости проведения регулярных встреч на высоком уровне, принятия мер по обеспечению благоприятных условий для инвестиций в экономику обеих стран»¹⁷⁹. В последние годы товарооборот между странами в целом возрос. В 2025 году он составил 58 млн. долларов¹⁸⁰.

Анализ показывает, что за всю историю многоаспектного сотрудничества между Ираном и Киргизией, а это фактически более трех десятилетий, серьезных разногласий и неразрешимых противоречий не возникало. Более того, религиозно-культурная и ментальная общность между народами, населяющими эти страны, создавала благодатную почву для формирования политических и экономических отношений на основе взаимопонимания и дружбы. Кроме того, обращает на себя внимание не только факт наличия взаимоотношений такого в целом позитивного характера, но и стабильность этих многоаспектных контактов, история которых начинается с 1991 года.

Не стоит упускать из поля зрения и наличие препятствий для более плодотворного сотрудничества между ИРИ и КР, возникших из-за необходимости решать актуальные международные проблемы. Так, в 2009–2017 гг. Иран был сконцентрирован в своей внешней политике на ближневосточном направлении – на Сирии, Йемене, Бахрейне, Ираке, конфликты в которых имели угрожающий для него характер. Прекращение прямого авиасообщения, непредоставление услуг банком Пакистана, через который до 2009 г. в стране осуществлялись важные финансовые операции, расположение американской военной базы на территории КР (2002–2014 гг.) – всё это существенным образом затормаживало развитие отношений между двумя Ираном и Киргизией, и особенно такими «спадами» характеризуются 2005, 2010 и 2020 годы, когда во властных структурах последней происходили ключевые изменения.

¹⁷⁹ گام اول توسعه همکاری تجاری ایران و قرقیزستان <https://ecoiran.com/> дата обращения 10.03.2025)

¹⁸⁰ В 2024 году товарооборот между Кыргызстаном и Ираном снизился на 11% и составил \$58,4 млн. 18.02.2025. <https://bishkek.media/v-2024-gody-tovarooborot-mejdy-kyrgyzstanom-i-iranom-snizilsia-na-11-i-sos.html> (дата обращения: 23.08.2025)

С учетом того, что Иран обладает достаточными потенциалами для плодотворного взаимодействия с Киргизией, а также ввиду настроенности всех центральноазиатских стран, в том числе и КР, на установление с независимой и экономически развивающейся ИРИ тесных контактов во всех сферах, внешнеполитический курс Ирана в отношении КР нельзя назвать эффективным ввиду того, что им упускаются некоторые возможности и/или недооцениваются имеющиеся перспективы от такого двустороннего взаимодействия.. Так, М. Санаи утверждает, что «стимулом к нарастающей динамике сотрудничества между Ираном и Киргизией может стать стремление к достижению общих целей, одна из которых, возможно, самая важная – это обеспечение мира и спокойствия во всем Центрально-Азиатском регионе»¹⁸¹.

В поздравительном сообщении по случаю 30-летия со дня установления дипломатических отношений между двумя странами президент ИРИ Раиси отмечал, что «за это время логичным итогом контактов между двумя странами стало подписание свыше 120 документов, законодательно регулирующих отношения не только на государственном и межправительственном уровнях, но и между частными субъектами. Он также высказал уверенность в том, что встречи и взаимные консультации должны быть регулярными, плодотворными, посвященными обсуждению самых разных тем, в частности, Раиси пригласил Садыра Жапарова посетить с визитом Тегеран. Главный акцент, по мнению президента ИРИ, надо сделать на укрепление связей между народами, дружба между которыми имеет многолетнюю историю»¹⁸².

Несмотря на санкции, Иран достаточно четко формулировал приоритеты своей внешнеполитической деятельности. Одной из приоритетных задач является выход страны из изоляции. В этой связи актуальными являются такие направления деятельности, как регулярное участие в различных соединяющих

¹⁸¹ Санаи М. Взаимоотношения Ирана и ЦА: тенденции и перспективы. М. 2019. С. 116.

¹⁸² Президент Ирана Сейед Эбрахим Раиси направил Президенту Садыру Жапарову поздравительное послание по случаю 30-летия со дня установления дипломатических отношений между двумя странами. 10.05.2022. <https://mfa.gov.kg/ru/Main-menu/Press-service/novosti/-627a4adb450ee> (дата обращения: 07.03.2025).

страны Центрально-Азиатского региона проектах, посвященных технологическому прогрессу, взаимоотношениям по линии торговли и оптимизации инфраструктуры; внутреннее реформирование в сфере национальной экономики; совершенствование экономического законодательства, например, касающегося экспортных мероприятий; осуществление выверенной налоговой политики и т.д.

В планы по внешнеполитической деятельности входят такие направления, как участие Ирана в качестве моста, связывающего Центрально-Азиатский регион с Ближним Востоком и южным направлением, которое он принимает в рамках «Один пояс – Один путь», МТК «Север-Юг», ШОС, ЕАЭС. В контексте обеспечения безопасного и свободного доступа к южным морям Иран, безусловно, является одним из ключевых игроков.

Отношения между Ираном и Киргизией в последние годы стали более стабильными. Однако и серьезного прорыва не стоит пока ожидать, в том числе, в гуманитарном и культурном сотрудничестве. Международная ситуация такова, что заинтересованность в расширении сотрудничества между двумя странами стала еще более выраженной и со стороны Киргизии декларируется как весьма актуальная, поскольку на фоне ужесточаемых Западом санкций в отношении некоторых ключевых игроков, прежде всего России и, возможно, в последующем стран-членов ЕАЭС, его интенсивность и стабильность – залог решения многих проблем.

Есть все основания полагать, что события в Афганистане, на Украине, активизация внешнеполитической деятельности России на восточном направлении потребуют от Ирана решительных действий в сторону активизации политико-экономического взаимодействия с Киргизией и странами ЦА. При этом речь идет не только о контактах в формате двустороннего сотрудничества. Совершенно очевидно, что вызовы современности – терроризм, санкционный прессинг, наркотрафик из Афганистана и пр. – не могут оставить безучастными ни одну из стран

региона, и потому их совместно принятые решения в рамках ОДКБ и ШОС дадут гарантию мира и стабильности в нем.

2.2. Роль культурно-гуманитарного фактора в политике ИРИ

Иран стал важнейшим центром культуры всего Центрально-Азиатского региона еще с древности. Советский академик В. В. Бартольд, научные изыскания которого посвящались, в том числе, культурно-историческому аспекту иранистики, отмечает, что уже во время правления династии Саманидов (IX – X вв.) литература на персидском языке была чрезвычайно развитой, к тому времени имевшей свои традиции и отличавшейся жанровым разнообразием. После временного затишья, когда внутри Центрально-Азиатского региона происходила борьба за власть, «столица Саманидов Бухара привлекла к себе большое число поэтов и ученых»¹⁸³. Считалось, что именно здесь сложились самые благоприятные условия для творчества, а находившиеся под сильным влиянием иранской культуры и языка представители оседлых народов, населявших Центрально-Азиатский регион, нередко были этническими персами.

Стоит особо подчеркнуть, что такие великие исламские ученые, как имамы Аль Бухари, Муслими, Тирмизи, Матуриди, Ас-Сарахси, проповедовавшие ислам суннитской ветви, а также ставшие еще при жизни знаменитыми ученые Ибн Сина, аль Бируни и некоторые другие имели родство с персоязычными народами¹⁸⁴.

Понятие «иранцы», используемое в настоящее время, в тот период распространялось на представителей различных народов и этносов, объединяемых на основе культурно-исторического прошлого, обрядовой практики, традиций, а также языка и религии, и употреблялось в зависимости от контекста с разными смысловыми оттенками. Это означает, что слово

¹⁸³ Бартольд В.В. Ислам. Сочинения в 9 томах. Том VI. М., 1966, С. 77.

¹⁸⁴ Там же. С. 76.

«иранцы» применительно к анализируемой эпохе не стоит напрямую связывать с конкретной национальностью, поскольку, как отмечалось выше, оно указывало на группу персоязычных (и нередко не только!) народностей¹⁸⁵.

Кроме обозначения народности, слово «иранец» имело содержание как термин политического дискурса, а также указывало на место обитания и конфессиональную принадлежность того, к кому оно относилось¹⁸⁶. В период распространения арабами ислама семантика слова стала более конкретной, сузившись до обозначения человека по месту происхождения и обитания. Однако примечательно, что понятие «иранцы» в его первородном, изначально лингвистически размытом понимании представители современной политической и культурной элиты нередко используют при упоминании исторической общности этих народов, а также с целью усиления чувства гордости от осознания своей «коллективной идентичности»¹⁸⁷.

На заре формирования иранской интеллектуальной культуры мыслители Каджарской эпохи активно использовали ираноцентрический подход в освещении исторических фактов и событий, тем самым формируя, осознанно или невольно, иранский национализм как феномен. Именно в эту эпоху персоязычные мыслители предприняли первую попытку не только представить, но и прославить и даже героизировать иранскую нацию.

Ситуация кардинально изменилась в прошлом столетии, когда представители малочисленных народностей стали объектом дискриминации по национальному признаку. Персидский язык как символ всего иранского, и, следовательно, как атрибут национализма, а вместе с ним и персоязычная литература уже не были столь актуальными.

В самоидентификации иранцев важная роль отводится таким факторам, как географическое расположение и протяженность территории Ирана, которую сами иранцы считают своей исконной и только им принадлежащей,

¹⁸⁵ Gnoli, Gherardo. *The Idea of Iran*. – Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1989. – P. 32 – 33.

¹⁸⁶ Mohamad Tavakoli-Targhi. *Refashioning Iran: Language and Culture During the Constitutional Revolution*. // *Iranian Studies*, vol. 23, numbers 4. 1990. – P. 77 – 101.

¹⁸⁷ Savory, Roger. *Iran under the Safavids*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – P. 132.

что обозначается выражением «земля иранцев». Такая политика приводила к тому, что ислам как некогда национальная скрепа стал оттесняться на факультативные роли, хотя формально продолжал занимать в стране статус титульной конфессии, что сознательно игнорировалось правящей династией¹⁸⁸.

Иранцам периода середины XX века, как и некоторым другим народам стран мусульманского Востока, присуща общая черта: в условиях давления со стороны правящего режима их обращенность к религии как к оплоту спасения и национального возрождения становится максимально активной. Особенно это касается шиизма с его концепциями мученичества ради ценностей религии, обречения себя на страдания и лишения в целях приближения к высоким религиозным идеалам.

Именно шиитское течение в исламе предопределило уникальный характер иранской идентичности, структура, форма и содержание которой, особенно после исламской революции, не поддаются сравнению с осознанием себя как нации, свойственным мировоззрению представителей европейских стран¹⁸⁹.

Имам Хомейни утверждал, что иранцы создали культуру Ирана на основе ислама именно шиитской ветви и что сама иранская государственность формировалась под благотворным влиянием шиизма, концепции которого стали основополагающими постулатами для всех сфер жизни общества – от политической, экономической до духовной и даже бытовой.

Не только этнические меньшинства, но и немусульмане, проживавшие на территории ИРИ, в результате такого идеологического просвещения еще больше укреплялись в убеждении, что их судьба связана с историей Ирана, ибо она формировалась в недрах иранской культуры, а сами эти этносы в

¹⁸⁸ Бегиджонович Б. Идеология государственного национализма в Иране в период правления Пехлеви. 2017. Н. Новгород. С. 90-91.

¹⁸⁹ Врядий А. «Третий путь» Ирана. М. 2012. С.12.

значительной степени интегрированы в иранскую социокультурную систему¹⁹⁰.

Уместно в свете вышесказанного внести и такое важное дополнение. Ислам, как отражено в Коране, являющемся сводом его основных законов, приемлет только один способ идентификации – принадлежность к мусульманской умме. Это означает, что понятия «нация» формально не существует, как и отсутствует разделение по национальному признаку, есть только обозначение «мусульманин». Но наличие среди людей культурного и этнического многообразия совершенно не противоречит этой концепции, более того, оно становится поводом и причиной для процветания исповедующих ислам народов, так как позволяет им обмениваться опытом, делиться достижениями в разных областях, обогащать и взаимодополнять друг друга, солидаризироваться в противостоянии внешним угрозам¹⁹¹.

Исходя из такого подхода к понятию «нация», Иран в лице его государственных деятелей высшего уровня действует вполне логично, когда одним из лейтмотивов своей внешней и внутренней политики утверждает доктрину, согласно которой иранцами считаются все мусульмане этого государства. Нет необходимости и оснований для их разделения по какому-либо иному признаку, кроме как по принципу «представители нации ислама и немусульмане». Это выражается, например, в следующей ситуации: последователи иных религий, в частности такого верования доисламской эпохи, как зороастризм, не причисляются к персам, хотя таковыми они могут являться по своему происхождению¹⁹².

В Иране имеются все условия, при которых формирование крепкого единства между различными представителями общества становится одной из главных задач руководства, однако это не отменяет права на развитие

¹⁹⁰ «Возрождение Ирана в свете теории этногенеза» Владимир Мичурин. Наш Современник, № 8, 1992, с. 124-128.

¹⁹¹ Салама Ад-Дукси К. Давлятуль Расул мин таквин иля тамкин (Государство Пророка от создания до укрепления). Амман, 1997.

¹⁹² Даизадехджелодар А. Формирование иранской национальной идентичности. АН РТ. 2011. Душанбе. С.158.

культуры национальных меньшинств. Поскольку главное – это «быть мусульманином», то есть происходит идентификация по признаку принадлежности к исламской общине, в которой иранцы занимают определенное место. В итоге, ядро национальной идентичности иранцев составляет не принадлежность к тому или иному этносу, а сопричастность общей истории, единение по религиозному признаку, проживание на одной территории, власть на которой сосредоточена в руках шиитского духовенства.

Модель развития и пути к процветанию иранского общества по Хомейни была построена с учетом того, что в будущем она будет использована в создании единого для всех мусульман государства, то есть имела в определенном смысле метаиранский характер. С этих позиций, по мнению некоторых исследователей, Иран можно рассматривать как некий образчик, «демонстрационный проект» развития, показательный для других исламских государств, а в перспективе, как считали его разработчики, и остального мирового сообщества в целом»¹⁹³.

Не менее важным для понимания феномена иранской идентичности представляется следующий факт: заявляя о мусульманской общности народов, Хомейни неоднократно и настойчиво отвергал идею о необходимости границ между исламскими странами, утверждая, что все нации и народы, проживающие в них, – это единая община. Такая панисламистская риторика, главным постулатом которой была идея о тотальном единстве исповедующих ислам народов, являлась подтверждением настроенности лидера ИРИ оправдать и даже в определенном смысле узаконить концепцию, согласно которой любые попытки вмешательства одного мусульманского государства во внутренние дела другой мусульманской страны ведут к объединению уммы¹⁹⁴, а все отвергающие возможность такого вмешательства считались

¹⁹³ Хабар-о-назар. – Тегеран, 1980. – № 118, 128.

¹⁹⁴ Помимо прочего, эту концепцию составляла идея о том, что любое государство, построенное на основах ислама, обязано обеспечивать интересы мусульман, живущих или пребывающих в любой другой стране, где имеется мусульманская община.

противниками ислама и именовались не иначе как «империалисты и неоколонизаторы»¹⁹⁵.

Архитектура иранской государственности, устройство общественных институтов Ирана, форма его государственного правления, а также самоидентификация населения страны по признаку приверженности исламу – всё это, «с одной стороны, связывает народ Ирана с представителями остального мусульманского мира, а с другой – требует от него соотносить собственные инициативы во внешней политике с интересами всех исповедующих ислам народов»¹⁹⁶.

На рубеже XX–XXI веков внутренняя и внешняя политика ИРИ подвергается существенной перестройке ввиду того, что в стране был взят курс на политико-экономическую и социально-культурную модернизацию.

Хотя на пути к достижению цели руководство Ирана проявляло умеренность, безоглядно не бросаясь на все новое и казалось бы прогрессивное и ни в коем случае не отстраняясь от идеи построения общества по исламской модели, в период президенства М. Хатами (1997–2005 гг.) концепция «диалог цивилизаций» стала определяющей при формировании ключевых направлений внешнеполитического взаимодействия, в том числе по линии дипломатических контактов.

Внешнеполитической стратегии страны, которая до этого времени строилась преимущественно на доктрине «экспорт исламской революции», был задан новый культурно-цивилизационный вектор – нацеленность на «диалог цивилизаций»¹⁹⁷. И хотя во внешней политике ИРИ, осуществляемой при М. Ахмадинежаде, отмечается некоторый возврат к прежним революционным воззваниям, он не носит стабильный характер и все чаще и активнее Иран выступает за необходимость многоаспектного взаимодействия

¹⁹⁵ Ушаков В.А. Иран и мусульманский мир (1979–1998 гг.). – М., 1999. – С. 85.

¹⁹⁶ Доктрина Исламской Революции: Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М. 2009, С. 46.

¹⁹⁷ Мамедова Н.М. Исламское государство: соотношение государственных и идеологических приоритетов. //Иран: Ислам и власть. Институт востоковедения РАН. М.2002. С 20.

с государствами Центрально-Азиатского региона, в том числе по культурно-гуманитарным каналам.

В новых центральноазиатских странах, получивших независимость после распада Советского Союза, персидский язык, являвшийся ключевым средством коммуникации и важнейшим инструментом науки и религии, сегодня приобрел еще большую значимость. Это объясняется тем, что Иран, будучи одной из развитых цивилизаций мира, является родиной бесценных научных трудов, уникальных исторических свидетельств и литературных памятников, в большинстве своем созданных на персидском языке, потребность изучения и постижения которого тем самым сегодня стала вновь актуальной.

В той или иной степени выраженный интерес к изучению персидского языка отмечается во всех странах Центральноазиатского региона, однако в Киргизии, по мнению диссертанта, он усиливается вследствие того, что в стране делается акцент на возрождение национальной идентичности. Распространению персидского языка как выразителя культуры дружественного народа в этой связи создаются благоприятные условия. Так, в современной Киргизии центрами популяризации и изучения фарси стали факультеты востоковедения и восточных языков, имеющиеся во многих ведущих учебных заведениях страны.

Анализ отмеченных выше фактов позволяет сделать вывод о том, что в цели Ирана сохранить свое влияние в регионе нет ничего предосудительного, если рассматривать это стремление как осознанно или невольно поддерживаемую другими центральноазиатскими странами попытку ИРИ стать интегрирующим звеном формируемого ими цивилизационного пространства, а также служить одним из центров многополюсной системы мира. К созданию такого мироустройства Иран и проявляет не столько идеологический, сколько государственный интерес¹⁹⁸.

¹⁹⁸ Мамедова Н.М. Исламское государство: соотношение государственных и идеологических приоритетов. // Иран: Ислам и власть. Институт востоковедения РАН. М.2002. С 21-22.

Следует подчеркнуть, что Иран выдвигал инициативы в сфере культуры, реализация которых предполагала расширение взаимодействия на межгосударственном уровне. Российский исследователь В. Б. Кляшторина утверждала, что «строго придерживаясь шиитских догматов веры и основных культурно-политических постулатов ислама, введенных в жизнь после 1979 г., политики и государственные деятели ИРИ все чаще начали апеллировать к культурным символам прошлого – древней истории Ирана, его эпическому наследию, классической поэзии и философии суфизма»¹⁹⁹.

Нацеленность на актуализацию культурных традиций Ирана способствовала повышению интереса к персидскому языку, к персоязычной литературе, к истории Ирана, а также позволяла сформировать адекватную стратегию для укрепления связей между странами Центрально-Азиатского региона, находящимися под его влиянием. Как считают специалисты, Иран со своей стороны также проявляет заинтересованность в укреплении этого влияния. В частности, по убеждению В. Кляшториной, это выражается в том, что «правлящая элита Ирана отчетливо осознает значимость института “культурного наследия” в жизни общества и активно использует его во внешней политике, в частности в регионе стран Западной и Центральной Азии»²⁰⁰.

ИРИ одной из первых признала суверенитет новых центральноазиатских государств, наглядным подтверждением чему служит открытие в них сначала посольств, а затем культурных представительств. «Пионерами» в этом отношении были Таджикистан, Туркменистан и Казахстан²⁰¹.

Отноительно взаимодействия Ирана и Киргизии необходимо отметить следующее. Двухстороннее сотрудничество в гуманитарной и культурной сферах началось с первого меморандума, подписанного еще в 1993 году.

¹⁹⁹ Кляшторина В.В. Культурно-политическая доктрина Ирана в регионе в 1990-х гг.. Институт Востоковедения РАН. М. 1998. С.121.

²⁰⁰ Там же. С. 122.

²⁰¹ Ормушев. А. Кыргызстан-Иран мамилерине 20 жыл. Б., 2012 . С. 68.

Однако вплоть до 2010 года каких-либо значимых практических шагов со стороны Ирана не было предпринято.

Не менее важным стало еще одно событие, знаменующее собой налаживание диалога между КР и ИРИ по линии культурного обмена. Так, после обретения суверенитета Киргизией в городе Бишкеке впервые прошла Неделя культуры Ирана, в которой приняли участие приехавшие из ИРИ творческие коллективы, проводились ярмарки товаров, изготовленных иранскими ремесленниками, проводились выставки, а в театрах проходили концерты, посетители которых могли послушать иранские музыкальные произведения²⁰².

Во время официального визита Президента КР Аскара Акаева в Иран (2000 г.) министры культуры двух стран подписали договор о взаимодействии в сфере культуры и науки, практической реализацией которого стало, в частности, открытие отделений по изучению персидского языка в вузах КР²⁰³.

Значимым событием в аспекте взаимодействия по линии науки и образования стала предпринятая в марте 2003 года поездка в Тегеран министра образования и культуры КР И. Болжуровой²⁰⁴. Тогда же между ней и министром технологий и научных исследований Ирана Мустафой Моином был подписан ряд важных договоров о привлечении профессорско-преподавательского состава в вузы. При этом было решено не только приглашать лучших специалистов, но и отправлять на обучение студентов, содействовать в поиске и работе с написанными на персидском языке источниками, где упоминается история киргизского народа, выпустить киргизско-персидский словарь и т. д. Министр образования и науки КР И. Болжурова подписала меморандум о сотрудничестве с рядом ведущих университетов Ирана, в частности с Тегеранским, Ширазским, с университетами Аль-Захра, Алламэ Таба-Табан, имеющими гуманитарную

²⁰² Абеди́ни М.Х. Информация о культурной дипломатии Ирана в Кыргызстане//Адеп. Художественно-культурное издание ИРИ в КР. 2011, №6. С. 2.

²⁰³ Ормушев Кыргызстан-Иран маммилелери 20 жыл. Бишкек, 2012. С. 78.

²⁰⁴ Визит в Иран// Вечерний Бишкек, 2003, 3 марта

направленность, а также с некоторыми техническими университетами и научно-исследовательскими центрами²⁰⁵. В результате, диалог в сфере культуры, образования и науки, к достижению которого стремились обе стороны, не умаляет роли, которую во взаимодействии между ними играл религиозный фактор.

Создание в КР центров по обучению персидскому языку и знакомству с написанными на фарси памятниками литературы можно рассматривать в качестве меры, способствующей культурному и духовному сближению этих народов и одним из инструментов внешней политики Ирана.

Как известно, язык – это зеркало, в котором наличие родственных отношений становится наиболее зримым. Так, в языке населяющих Центральную Азию народов можно встретить множество заимствований из фарси. А произведения литературы, хранящиеся в музеях государств этого региона, за исключением Северного Казахстана, в основном представлены написанными на персидском языке памятниками²⁰⁶.

Несколько значимых событий произошли в начале нового, двадцать первого, века. Так, в 2002 году МИД ИРИ совместно Бишкекским гуманитарным университетом провел конференцию на тему «Диалог цивилизаций на Великом Шелковом Пути». В 2008 году при поддержке Дипломатической академии КР и посольства ИРИ в КР были организованы различные научные и культурные мероприятия, из числа которых стоит особо выделить следующие события: неделя культуры ИРИ в КР, цель которой – представление Ираном своей страны и ознакомление с его культурой; показ иранских фильмов как реализация плана по налаживанию сотрудничества в области кинематографии; организация в КР различных выставок.

Межгосударственное взаимодействие в странах обозначенного региона строится на постулате: эволюция в любом из государств Центральной Азии сопровождается «воссозданием багажа культурных ценностей». В этой связи

²⁰⁵ Родина «Шахнамэ»// Кут билим, 2003, 28 марта, Тайны иранских архивов.

²⁰⁶ Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. М., 2002. С. 17

акцент сделан на возрождении культуры и установлении межкультурного взаимодействия.

Расширяется сотрудничество ИРИ и КР по линии взаимообмена специалистами и представителями профессорско-преподавательского состава. С 1993 по 2002 гг. это взаимодействие выражалось в следующих мероприятиях²⁰⁷: обмен студентами и преподавателями для совместных научных исследований; создание нескольких школ и обучающих центров на юге Киргизии, где культура более близка к иранской; обучение студентов с целью создания иранской культурной среды; организация работы курсов персидского языка и повышения квалификации в Джалал-Абаде и Баткене, расположенных вблизи границ с Узбекистаном и Таджикистаном²⁰⁸; поощрение лучших студентов персидских отделений стипендиями и предоставление им работы; предоставление бесплатных квот киргизским студентам, желающим учиться или продолжить обучение в Иране; проведение совместных семинаров по различным актуальным научным и общественно значимым проблемам.

В настоящее время на факультете востоковедения БГУ действует центр иранистики, которому посольство Ирана в КР оказывает всяческое содействие. В числе прочего им были направлены средства на техническое оснащение этого центра, на обеспечение его учебниками по персидскому языку и литературе.

Ежегодно в рамках празднования годовщины Исламской революции при поддержке все того же посольства проходят семинары, тематика которых так или иначе связана с Ираном. Каждый год лучшие студенты персидских отделений проходят месячную стажировку в Иране, где получают возможность более близко ознакомиться с иранской культурой и усовершенствовать свои знания персидского языка.

²⁰⁷ ده سال روابط بين ايران جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002. ص 74.

²⁰⁸ Юг Киргизии (Ошская, Джалал-Абадская и Баткентская области), который входит в Ферганскую долину, являлся всегда приоритетным для ИРИ в том плане, что население этого региона страны культурно и лингвистически тяготеет к персидской культуре.

В 2009 году на базе университета прошла презентация впервые созданного киргизско-персидского словаря, составителем которого стал авторитетный ученый-филолог Н. Балтабаев²⁰⁹.

Еще одним на тот период времени ведущим университетом по подготовке высококвалифицированных специалистов был Национальный университет Киргизской Республики им. Баласагына, где с 1995 начали преподавать персидский язык. Обучение было бесплатным, абитуриенты обеспечивались общежитием и стипендией за счет иранского фонда «Кавсар»²¹⁰. Стоит отметить, что профессиональная карьера некоторых выпускников данного университета чрезвычайно успешна: они работают в таких государственных учреждениях, как МИД КР, Аппарат Президента и др.

Новый период активизации в деле подготовке кадров начался с 2002 года, когда 35 студентов выбрали специальность «исламоведение», в программу которой входило изучение персидского языка. И в этом случае посольством ИРИ в КР оказывается всяческая поддержка – от технического оснащения кабинетов до предоставления студентам и преподавателям возможности стажироваться в ведущих университетах Ирана.

Не менее авторитетным учебным заведением является университет им. Арабаева, который в 1997 году начал обучение будущих филологов – специалистов персидского языка. В настоящее время при поддержке посольства ИРИ в КР лучшие студенты направляются на курсы повышения квалификации в Иран. Некоторые преподаватели данного отделения принимают участие в совместных научно-исследовательских проектах.

Активно готовит специалистов-иранистов Киргизско-российский славянский университет. В нем уже с 1998 года ведется преподавание персидского языка в качестве первого и второго иностранного языка. Персидское отделение данного университета проводит различные семинары и

²⁰⁹ Адеп. Ирна ислам республикасынын Кыргызстандыгы маданий корком басылышы. 2009, №2 - 16 б.

²¹⁰ Ормушев. А.С. Эл аралык университеттерлеги таалим-тарбия багыттындагы таджрибалар (Туркия, Кувейт, Иран). Коомдук илимдер. 1 (2011). 117 -б. Ислам тануу архиви. Д.324.л.1, 12. 01.2011.

другие мероприятия с участием студентов и преподавателей. Одним из знаменательных событий не только для отделения, но и всего университета в целом стал визит г-на Харрази, министра иностранных дел ИРИ, речь которого, произнесенная перед студентами, была посвящена необходимости продолжения сотрудничества в рамках достижения межкультурного согласия.

В числе вузов регионального уровня ведущим является Ошский государственный университет. Соглашение о начале обучения персидскому языку было подписано между посольством Ирана в КР и руководством данного университета в 2000 году, а уже в 2002 году при поддержке заместителя министра образования Ирана здесь был открыт центр иранистики, которому МИД ИРИ подарило 1000 томов книг для изучения персидского языка.

В 1999 году при помощи посольства ИРИ в КР был открыт факультет персидского языка и литературы в Высшем ошском колледже. При поддержке посольства ИРИ факультет был оснащен компьютерами и множеством учебных материалов. Обучение персидскому языку здесь продолжается и в настоящее время ²¹¹.

Важно отметить, что сотрудничество в сфере образования и культуры между двумя странами происходит не только на уровне вузов, участвуют в нем и библиотеки страны. Так, в Национальной библиотеке столицы КР при поддержке президента ИРИ М. Хатами была открыт Отдел персидской литературы им. Фирдоуси, по объему представленного в нем книжного фонда вполне заслуживший право именоваться полноценной и самостоятельной библиотекой.

На данный момент в этой библиотеке имеется 3000 экземпляров книг на персидском языке, в которых представлены различные тематические области, а также сотни книг на арабском языке. В этом центре проходят различные

²¹¹ ده سال روابط بين ايران جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002

семинары и мероприятия, посвященные, например, поэтам и деятелям науки, отмечаются праздники.

Совместное сотрудничество над проектами, особенно с учетом поддержки, оказываемой со стороны правительства, как отмечают исследователи, привело к успехам «в области техники, биологии, химии, общественно-экономической сферы»²¹².

Не менее активными и стабильными были контакты между Ираном и Киргизией в области кинематографии. Меморандум был подписан в 2006 г. и послужил основой для последующего взаимодействия. В 2020-2025 годах с представителями кинематографического сообщества Ирана ведутся переговоры, инициируемые Департаментом кинематографии при Министерстве культуры КР, об открытии в Бишкеке обучающего центра для молодых кинематографистов. Кроме того, разрабатываются проекты создания совместных полнометражных и анимационных фильмов.

Хорошей традицией, позволяющей жителям Киргизии более близко знакомиться с культурой и искусством Ирана, а также с его достижениями в различных областях, является ежегодно организуемый при Посольстве ИРИ в КР показ фильмов, посвященный празднованию годовщины Исламской революции в Иране²¹³.

Стоит отдельного упоминания и факт открытия в Киргизии типографии, в создании, обустройстве и функционировании которой принимали непосредственное участие и представители из Ирана. Типография занимается не только изданием книг, но и переводами с персидского языка на киргизский произведений иранских классиков. В свою очередь, был осуществлен перевод киргизских произведений. На персидский язык был переведен эпос «Манас», произведения Ч. Айтматова и т. д.

В 1994 году в Бишкеке был открыт филиал международного издательства «Аль-Хода». За период его существования немало было сделано для развития

²¹² Ормушев А. Кыргызстан-Иран мамилелери 20 жыл. Бишкек, 2012. С. 71.

²¹³ ده سال روابط بين ايران جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002. ص. 81.

и укрепления межкультурных связей. Так, к 2002 г. издательством было выпущено более 30 наименований книг на киргизском, русском и узбекском языках. Активная деятельность по переводу персоязычной литературы на киргизский язык ведется и в настоящее время. Изданы такие книги, как «Жизнь пророка Ислама», «Хадисы», «Мулла Насреддин», «Жылаганычтуулуктун маданияты» и др.

Помимо собственно издательской работы, деятельность данного представительства осуществляется и по другим направлениям. Это и организация в различных городах КР бесплатных курсов по изучению персидского языка, и проведение уроков по изучению Корана, и участие в различных выставках, и проведение вечеров, где читаются произведения персидской поэзии. Кроме того, ежегодно проводились выставки изданий Корана, миниатюр, видов каллиграфии, различных книг.

С 2009 году по инициативе посольства ИРИ в КР начал выпускаться на киргизском и русском языках ежеквартальный художественно-культурный журнал «Адеп». Бывший в то время ЧПП Ирана в КР М. Моради, характеризуя это начинание, объяснил его тем, что к памятникам литературы Ирана и Киргизии относится не только эпос «Манас» и «Шахнаме». Есть множество акынов и писателей, ставших известными во всем мире. Журнал «Адеп», по мнению М. Моради, призван содействовать развитию культурных связей двух стран и просвещению проживающих в них народов²¹⁴.

Важным событием, укрепившим двусторонние связи, стало открытие в 2010 году культурного представительства ИРИ при посольстве Ирана в КР, культурно-просветительская миссия которого была весьма разнообразной.

В рамках обмена опытом между двумя странами стали регулярно организовываться взаимные визиты представителей, культуры, искусства и науки. Ежегодно в преддверии празднования праздника Нооруз проходят бесплатные концерты, на которых выступают национальные музыкальные

²¹⁴ Журнал «Адеп». Художественно-культурное издание ИРИ в КР. 2009, №1, С. 2.

коллективы из ИРИ. В меньшей степени Иранской стороной оказывается содействие и в области образования. Так, в 2004 году было выделено 1,7 млн. долларов США на строительство школы-интерната для талантливых детей²¹⁵.

За вклад в развитие искусства, культуры и литературы, за финансовую поддержку и спонсорство, за деятельность во имя укрепления связей между двумя народами руководитель культурного представительства ИРИ в КР Министерства культуры КР Мохаммад Хоссейн Абедини был награжден почетной грамотой²¹⁶.

При анализе качества и результатов взаимодействия между ИРИ и Ираном по линии культуры следует упомянуть, что Киргизия с населением в шесть миллионов человек расположена в самой восточной части Центральной Азии. Такая географическая удаленность, в том числе от Ирана, а также низкий уровень товарооборота между двумя странами обусловили малую осведомленность иранцев об этой республике. Иранцы, возможно, могли чуть больше осведомиться о Киргизии только в контексте сообщения о вторжении США в Афганистан и захвате авиабазы «Манас» в этой стране.

Однако, несмотря на совместное историческое и культурное прошлое у народов Ирана и Центральной Азии, наряду с достижениями в их взаимоотношениях имеются и серьезные проблемы. Во многом это объясняется тем, что культура последней формировалась в условиях тесного соседства со странами Востока, с одной стороны, и Запада – с другой. Центральная Азия, расположенная на перекрестке двух этих цивилизаций и связанная с тюркской и исламской культурами, является местом пересечения и смешения этих различий. Это сказалось и на традициях и обычаях, уходящих корнями в историю и одновременно находящихся под влиянием западной современности.

Главная проблема, препятствующая расширению культурных связей с этим регионом и требующая скорейшего разрешения, – это отсутствие у Ирана

²¹⁵ Ермолов А. Миллион для вундеркиндов.// Вечерний Бишкек, 2004, 13 апреля.

²¹⁶ Маданият-достуктун копуросу// Кыргыз Туусу, №91, С. 5.2001, 25 ноября.

должного и детально разработанного плана работы в данном направлении²¹⁷. Как серьезное упущение такую ситуацию оценивают и сами официальные лица Исламской Республики Иран. Так, в своем поздравительном обращении, адресованном президенту КР С. Жапарову по случаю 30-летия со дня установления дипломатических отношений между двумя странами, Президент Исламской Республики Иран Сейед Эбрахим Раиси заявил, что «с провозглашением независимости Киргизской Республики открыт новый этап в давних отношениях между двумя народами, который еще более сблизил их. Характеризуя культурно-цивилизационные общности и схожие национальные традиции как «огромное достояние, составляющее основу взаимных отношений»²¹⁸, он при этом указал на необходимость их укрепления и в дальнейшем.

Киргизия, как и все страны ЦА региона, лидеры которых следуют светскому курсу развития, долгое время находилась под влиянием атеизма. Исследователь О. Рой отмечал по этому поводу, что «возрождение религии не делало суннитскую по преимуществу Центральную Азию восприимчивой к религиозному влиянию шиитского Ирана. Да и ваххабитский ислам, исходивший из Саудовской Аравии, в первые годы независимости, как представляется, не пользовался особой популярностью у исламистов региона»²¹⁹. Поэтому ИРИ старалась из прагматических соображений избегать экспорта исламской культуры и не делать акцент на шиизме, в большей степени сосредоточившись на культурно-гуманитарном сотрудничестве. Такая внешнеполитическая установка, на наш взгляд, позволила сформировать имидж ИРИ как стабильного и конструктивного партнера Киргизии, что отвечает национальным интересам обеих стран. Тем не менее, как отмечает М. Санаи, «в Киргизии сложились более благоприятные, чем в

²¹⁷ <http://ensani.ir/file/download/article/20161213114240-10070-45.pdf>

طرح سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران در آسیای مرکزی
(дата обращения 01.03.2025)

²¹⁸ <https://mfa.gov.kg/ru/Main-menu/Press-service/novosti/-627a4adb450ee> (дата обращения 10.03.2025).

²¹⁹ Roy O. The New Central Asia: The Creation of Nations. New York: New York University Press, 2009.

других странах Центральной Азии, культурно-политические предпосылки для оптимизации взаимоотношений с Ираном, а расширение связей именно в области культуры, отмечаемое в последние годы, является одним из важных показателей их стабильности и постоянного улучшения»²²⁰.

Таким образом, роль культурно-гуманитарного фактора в формировании внешнеполитической деятельности ИРИ чрезвычайно значима. Его важность признается и Киргизией, нацеленной на плодотворное сотрудничество с Ираном. Следовательно, хорошо спланированная деятельность в данном направлении будет способствовать укреплению двухсторонних связей и в дальнейшем.

²²⁰ М. Санаи. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии. М. 2017. С.252.

ГЛАВА III

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ИРИ В ОТНОШЕНИИ КР

3.1. Роль религиозного фактора в определении политики ИРИ в отношении КР

Современная внешняя политика ИРИ продолжает основываться на религиозно-политической доктрине имама Хомейни, провозглашенной им после Исламской революции 1979 года. Однако процесс ее развития был поэтапным, в результате чего она в большей степени стала коррелировать с теми общественно-политическими условиями, в которых оказался сегодня Иран.

В первую очередь, важно обратить внимание на то, что стратегия внешней политики государства определяется исходя из того, как в ней соотносятся национальные и общеисламские интересы. Как считал иранский исследователь М Санаи, «из числа концептуальных установок, стабильно присутствующих во внешней политике Ирана, можно указать на следующие: ориентир не на восток и не на запад, а на ислам; теория экспорта исламской революции; доктрина умм-кура (мать городов) и стремление к «диалогу цивилизаций»²²¹. В этом смысле Иран как государство, построенное на революционных идеях о глобальном политическом исламе, старался следовать намеченным целям и стать примером того, как достижения в государственном строительстве неразрывно связываются с защитой общеисламских интересов. Можно говорить и том, что в ходе эволюционирования внутренней и, соответственно, внешней политики, происходившего после Исламской революции, Иран из страны, «защищающей свой суверенитет и конституционный строй», переродился в государство, стремящееся изменить положение в регионе и в мире. При этом в Иране эти стратегии могут быть различными и формироваться с учетом как исламского направления, так и

²²¹ Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии. М. 2020. С.275.

собственных национальных интересов страны. Например, они могут быть основаны на чувстве патриотизма и стремления возвратиться к иранским ценностям. Т.н. «арийский союз», о котором пишет М. Санаи, – это подтверждение того, какое единство представляют собой исламские страны, будучи «принадлежащими к иранскому цивилизационному ареалу, начинающемуся у границ КНР и включающему «Кашмир, Памир, страны Центральной Азии, нынешний Пакистан, Афганистан, Иран, прибрежные страны Арабского моря, Османского и Персидского Залива»²²².

Иран выстраивал свою политику, исходя из потенциального союза с мусульманскими странами. В государствах Центральной Азии в научных кругах обсуждались идеи, которые выдвигал Ираном. Цель этой концепции – превратить Иран в образец для подражания другими странами, чтобы в будущем он стал своеобразной «витриной», на которой другим государствам будет показан путь к повышению экономического, научного, культурного уровня, а также доказать, что Иран – это страна, которая в состоянии обеспечить собственную безопасность несмотря ни на какие вызовы и преграды. В этом направлении, как считает М. Санаи, Иран способен использовать весь арсенал его возможностей²²³.

Таким образом, с учетом новых и постоянно изменяющихся реалий как внутри страны, так и в мире для достижения своих государственных целей руководство Ирана продолжает успешно балансировать между национальными и общеисламскими интересами, оставаясь приверженным провозглашенным имамом Хомейни принципам исламской идеологии.

Примерами могут служить изменения во внешней политике Ирана. Так, концепция экспорта исламской революции, сформулированная после 1979 года, во времена президентства Хатами постепенно смягчается риторикой, в которой звучат призывы к более мирным способам продвижения ценностей ислама, прежде всего через диалог цивилизаций и сближение мазхабов.

²²² Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии. М. 2020. С.280.

²²³ Там же. С.282.

Однако несмотря на модификацию используемых норм и на некоторую трансформацию внешнеполитических акцентов, ислам в ИРИ, как считает Н. М. Мамедова, остается тем фактором, который продолжает оказывать влияние на развитие страны²²⁴.

В условиях, когда в руководящей роли в Иране выступает шиитское духовенство, вся его внутренняя и внешняя политика формируется исходя из необходимости обеспечить стабильность исламского строя и сохранить достижения Исламской революции 1979 года. Религиозно-политические факторы по сути являются главными и определяющими при формировании национальной стратегии развития, которая, впрочем, не должна противоречить общеисламским интересам. Иранский исследователь А. Санаи, обращая внимание на эту специфическую особенность, утверждает, что вследствие сильного влияния на иранских революционеров идей шиизма и их глубокой приверженности исламским нормам, иранский народ никогда не воспринимал революцию как борьбу за этнические или национальные интересы. Наднациональный ее характер выражается в том, что Иран стремился распространить исламскую борьбу за пределы Ирана, в том числе на Палестину²²⁵.

Учитывая, что Иран является многонациональной страной, где преобладает население, исповедующее ислам шиитского толка, но есть и последователи суннизма, догматы ислама как основы политической доктрины имеют первостепенное значение для государственного строительства Исламской Республики Иран. Исторически сложилось так, что «Иран был и остается полиэтнической страной, при этом именно персов как этнической группы не составляет в нем и половины населения, то есть примерно 45%»²²⁶. В то же время использование Ираном инструментов для защиты

²²⁴ Мамедова М. М. Исламский фактор в развитии современного Ирана. Сб. статей. Иран в условиях новых геополитических реалиях. Институт Востоковедения РАН. М. 2019. С. 122.

²²⁵ Санаи А. Идеология и национальные интересы во внешней политике на примере кризисов в Палестине. Исламский Университет Азад, Центральны Тегеранский филиал. Т. 2017. С. 25

²²⁶ Ганковский Ю. В. Новое исследование проблем исламской революции в Иране // Восток. – 1994. – №3. – С. 13.

общеисламских интересов и прав угнетенных мусульман в рамках одного из направлений своей внешней политики дает ему возможность претендовать на роль регионального центра силы в международных отношениях²²⁷.

Заложенные имамом Хомейни принципы модели нового общества Исламской Республики Иран с самого начала имели общеисламский характер, так как ими провозглашалось, что народ Ирана является частью единой мировой уммы – ойкумены мусульман²²⁸. В этой связи государство является проводником и гарантом исламской политики, направленной на защиту верующих, не разделяя при этом их на суннитов или шиитов.

Шиитское духовенство представляло Иран и его революционный дух «образцом для других народов», а сам Хомейни еще в начале 80-х гг. назвал Иран «государством Великого Аллаха»²²⁹. Между тем на практике разделять интересы на «национальные» и «общеисламские» довольно затруднительно, поскольку в Иране они, переплетаясь, синкретично формируют и внутреннюю, и внешнюю политику. Статья 152 Конституции отмечено, что «внешняя политика ИРИ основана на отрицании любого господства как над Ираном, так и со стороны Ирана, стремящегося к сохранению независимости и территориальной целостности, обеспечивающего защиту прав всех мусульман. Достичь этого планируется инструментами внешней политики, сформированной на основе исламских критериев, в число которых входит установление братского союза со всеми мусульманами и бескорыстная поддержка угнетенных мира, обеспечиваемая, главным образом, взаимовыгодным сотрудничеством»²³⁰.

Важно отметить, что шиизм как течение в целом представлен меньшинством мусульман, и риторика Ирана об «общеисламском интересе» во внешней политике с настороженностью воспринимается его суннитскими

²²⁷ Stempel, John D. Inside the Iranian Revolution. – Bloomington: Indiana University Press, 1981. – P. 117.

²²⁸ Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. Москва. 1985. С. 185

²²⁹ Хабар-о-назар. – Тегеран, 1980. – № 118, 128.

²³⁰ The Constitution of the Islamic Republic of Iran. <http://www.iranonline.com/iran/iran-info/Government/constitution-10.html> (дата обращения: 04.03.2025).

соседями. Более того, некоторые страны с суннитским большинством рассматривают стремление к достижению «общеисламских» целей, проявляемое Ираном, как завуалированное желание укрепить свою лидирующую роль в регионе и действовать в духе концепции «экспорт исламской революции». Духовный лидер аятолла С. Хаменеи заявил, что «Иран возвращается к тактике «экспорта исламской культуры» и что только ислам может спасти мир от надвигающейся катастрофы. Он призвал все мусульманские страны к единству и подчеркнул, что в настоящее время революция, совершённая в Иране, победоносно распространяется и на другие части исламского мира, для которых Иран может служить образцом подлинной демократии и гарантом защиты прав человека. Не превознося роль Ирана, по крайней мере не делая на этом акцент, он выразил мнение, что все мусульмане на земле равны и все они должны играть одинаковую по значимости роль в мировом развитии»²³¹. Кроме того, подчеркивалось, что «Иран всегда находился на стороне угнетаемых мусульман, и не важно, в какой точке мира они находятся, и эту позицию он провозглашает всегда смело, прямо и открыто»²³².

Возвращение Ирана к риторике о необходимости экспорта исламской культуры привело к новому витку обострения отношений с западными странами Запада. «Иран стали осуждать за причастность к международному терроризму, связывая его с курсом экспорта исламской революции, проводимого ИРИ под прикрытием распространя культуры. При этом официально страна утверждала, что она проводит только экспорт исламской культурной революции»²³³.

Постреволюционный победоносный дух и сформированная на его основе переоценка собственных сил, стремление рассеивать национальные интересы в общеисламскую почву – всё это сменилось политическим прагматизмом и

²³¹ Джомхурийе эслами. 18.06.1991, 04.06.1993.

²³² Джомхурийе эслами. 27.01.1993.

²³³ Newsweek. 27.01.1997.

способностью дать реальную оценку своим возможностям, желанием строить внешнюю политику с учетом специфики других стран и только после тщательного и адекватного анализа ситуаций, складывающихся в регионе.

Тем более после распада СССР страны Центральной Азии продолжали находиться в орбите политического и культурного влияния РФ. При этом наследие коммунистической идеологии на всем постсоветском пространстве первоначально были весьма ощутимы. Постепенно, после ухода с главенствующей позиции идеологии коммунизма и сопутствующего ей научного атеизма, в обществе начался процесс поиска национальной идентичности, переоценки исторического и культурного наследия, возврата к истокам религии. При этом важно учитывать, что все страны ЦА региона, в том числе и Киргизия, были и являются светскими, и это создавало специфическую атмосферу идеологической «настороженности» светских элит, проявляемой в отношениях с Исламской Республикой Иран.

Постепенно ислам становился одним из ведущих факторов, детерминирующих характер политического процесса в Центральной Азии, что можно считать следствием распада СССР, естественным даже для тех стран, в которых ислам ранее традиционно имел лишь культурную значимость. Открытие границ и номинальное возвращение Центральной Азии в лоно исламской цивилизации в условиях идеологического вакуума неминуемо вело к росту интереса населения к исламу. В современной Центральной Азии возрастающее влияние ислама во многих сферах общественных и политических отношений продолжает оставаться таким же сильным. Характеризуя процесс, происходящий сегодня в религиозной сфере, киргизский исследователь А. Салиев утверждает, что «за короткий период независимого развития стран региона ислам постепенно не только возвращает

утраченную... роль в обществе, но и охватывает новые сферы влияния, в которых его воздействие нельзя игнорировать»²³⁴.

При анализе особенностей процессов, происходивших в сфере религии в Киргизии, необходимо отметить, что они так или иначе зависели от контекста, характерного для всего Центрально-Азиатского региона. Так, большая часть населения стран Центральной Азии – это представители суннитского Ислама «матуридитского» вероучения ханафитской правовой школы. Исключением являются отдельные группы кавказских народов, которые придерживаются «ашаритского» вероучения шафиитской правовой школы. В Киргизии также проживают азербайджанцы, относящиеся к умеренным шиитам-джафаритам.

Особенностью мусульманской общины современной Киргизии является деление последователей ислама по этническому признаку, что, безусловно, сказывается на самоидентификации мусульман-киргизов, которая основана на общности национального характера.

В идеологическом отношении мусульманская община Киргизии фактически поделена между религиозными организациями «Таблиги Джамаат», «Хизмет», салафитскими джамаатами и небольшими объединениям суфиев. Все джамааты (группы) являются суннитскими. Кроме того, за последние пять лет отмечено активное проникновение в страну представителей религиозных сект «Ахмадия» и «Исмаилия»²³⁵.

Из всех вышеперечисленных религиозных организаций наибольшим влиянием в мусульманской общине Киргизии пользуется «Таблиги Джамаат», руководство которой располагается в Пакистане²³⁶. Вторым по численности религиозным течением в КР является «Хизмет», лидер которого – Ф. Гюлен – имеет турецкие происхождение. С 2003 года головной офис этой организации располагается в США.

²³⁴ Салиев А.А. Видение государственной политики в процессе формирования общества на фоне внутривосточных изменений и кризиса в Кыргызстане // XXI век и новые вызовы культурно-идеологического развития Кыргызстана: Мат. конф. Бишкек, 2005.

²³⁵ Muslim community in Kyrgyzstan: social and political activity at present time. Bishkek. 2021. Social research center at American University of Central Asia. P.11.

²³⁶ Мусульманская община Кыргызстана и политический процесс в стране: подходы к гармонизации отношений между государством и религией. Бишкек, 2009. – С. 61.

Многочисленные салафитские джамааты (группы), лидеры которых локализируются главным образом в КСА и арабских монархиях Персидского залива, занимают по числу их последователей третье место²³⁷.

Официальное духовенство в Киргизии следует суннитскому толку ханафитской школы, традиционной для ЦА, акиде (вероубеждение) матуридия и суфийским традициям.

Отсутствие в религиозных процессах, происходящих в Киргизстане, консолидирующего начала привело к формированию многообразного религиозного пространства, что препятствует всем предпринимаемым официальным духовенством попыткам объединить исламскую умму в единый монолит.

Как следствие, мусульманская община Киргизии характеризуется следующими особенностями²³⁸: религиозная безграмотность и духовный вакуум при высоком росте религиозности части населения приводит к тому, что постепенное распространение идеологии внешне ориентированных организаций (салафиты, Таблиги Джамаат, Хизмет) становится весьма значительными; социальные процессы пауперизации и люмпенизации, в особенности среди киргизской молодежи, создали в Киргизии благоприятную почву для активизации «нетрадиционных» суннитских направлений ислама, представители которого – чаще всего выходцы из стран Персидского залива – в большинстве своем враждебно настроены к Ирану в частности и шиизму в целом; идет заметное возрастание роли и значения религиозной составляющей в формировании общественного сознания населения, и этот фактор используется разными политическими силами внутри Киргизии.

Анализ государственной политики КР в сфере религии приводит к следующему выводу. Она прошла несколько этапов. С 1991 года была предоставлена свобода совести и вероисповедания (в 1991 году был принят Закон о свободе вероисповедания и религиозных организаций, который

²³⁷ Там же. С. 80 -81.

²³⁸ Ушаков. В.Н. Политический Ислам в Центральной Азии.– Бишкек, 2005.- С.34.

практически действовал вплоть до 2008 г). «Именно в этот период на территорию Киргизии проникли разные исламские, в основном суннитские, течения, имеющие внешние центры управления, такие как движение «Хизмет», «Таблиги Джамаат» и многочисленные салафитские группы»²³⁹.

Второй этап развития государственной политики в отношении ислама (2000–2006 гг.) можно назвать умеренно репрессивным, поскольку в условиях тех сложностей, с которыми столкнулось государство, силовые методы противодействия религиозному экстремизму были единственно возможным способом не допустить хаоса в стране. При этом профилактика религиозного экстремизма как комплексная и целенаправленная работа практически не осуществлялась. Киргизский эксперт С. У. Душенбиев считает, что «возвращение к исламу в Киргизии и в странах ЦА переживает «новую фазу», когда после периода «тотального господства воинствующего атеизма он постепенно превращается в реальную политическую силу, с которой приходится считаться»²⁴⁰.

Третий этап (с 2006 по 2009 гг.). – это время заметного сдвига в политике государства, когда оно постепенно начинает и затем все более активно продолжает принимать деятельностное участие в регулировании религиозной сферы. Так как Духовное управление мусульман Киргизии (ДУМК), занятое борьбой с различными группировками, негативное влияющими на общину, в какой-то мере потеряло контроль над ситуацией, инициатива постепенно перешла к организациям, имеющим зарубежных спонсоров и подчиняющихся внешним центрам управления. В то же время между различными джамаатами (объединения мусульман), пытающимися установить собственный контроль за мечетями, отчетливо наблюдается рост напряженности, нередко переходящей в открытые конфликтные ситуации.

²³⁹ Маликов К. Идеологические (информационные) войны XXI века и проблемы безопасности Кыргызстана на современном этапе: исламская и западная трактовка безопасности // Центральная Азия и культура мира. Бишкек, 2006. №1-2 (19-20). С.45-46.

²⁴⁰ Душенбиев С. Религиозные факторы национальной безопасности Кыргызстана (на основе анализа причин, последствий баткенских событий). Материалы научной конференции. ЦА: вчера, сегодня, завтра. Бишкек, 2022. С. 299.

Четвертый этап начался в 2014 году, когда государство стало активно регулировать сферу религии. Именно тогда была принята Концепция государственной политики в религиозной сфере, где получили официальное закрепление нормы, которыми со стороны государства обеспечивается поддержка традиционного для Киргизии направления ислама – ислама ханафитской правовой школы и вероучения матуридия.

На 2017 год, по данным Госкомиссии по делам религий, в Киргизии насчитывалось более двух тысяч мечетей, 107 медресе и около трех тысяч имамов. В последующие годы их число продолжало расти. Таким образом, резкий рост числа мечетей и медресе, наблюдаемый с 1991 года, отражает нарастание религиозности в Киргизии. «По совокупному числу построенных медресе Киргизия превосходят все другие вместе взятые страны Центральной Азии»²⁴¹.

В целом, Иран проводил взвешенную и прагматичную политику, стараясь не допускать возникновения конфликтов на конфессиональной почве. Возможно, некоторая пассивность Ирана в религиозной сфере обусловлена отсутствием шиитской общины в Киргизии, которую могли бы составлять граждане нетитульной нации, прежде всего азербайджанцы, или отсутствием генетической общности между языками тюрки и фарси (по сравнению с близким по этому признаку Таджикистаном), что также повлияло на сдержанность Ирана в сфере культуры и религии.

Отношение к КР со стороны Ирана оставалось таким же, хотя с 1992 по 2002 гг. Иран официально, по линии межгосударственного сотрудничества, открывал факультеты иранистики в ведущих вузах страны. Также были реализованы программы обучения на языковых курсах в Иране, в частности в светских вузах Тегерана. При этом обучение граждан КР в религиозных шиитских центрах в Куме официально не осуществлялось²⁴².

²⁴¹ Зайферт А. Гражданская профилактика религиозного экстремизма в ЦА. РАН. – М, 2020. С – 27.

²⁴² «Официальный отчет о религиозной ситуации в КР». Доклад ГКДР на совете безопасности КР от 2014 г., №2386. ГКДР при президенте КР. 2014 – С. 45.

Однако излишняя пассивность и осторожность Ирана в вопросах поддержки традиционного суннитского ислама на основах ханафизма привела к тому, что религиозную нишу в регионе в период с 1991 по 2009 гг. быстро заполняли течения, руководимые извне (США, Пакистан, КСА и другие страны Персидского залива). Используемые как инструмент мягкой силы, данные течения проявили себя в распространении антииранской и антишиитской пропаганды среди широких слоев населения Киргизии, особенно активизировавшись после арабской весны 2011 г., а также в период начала противостояния между Ираном и КСА по сирийскому вопросу.

С 2014 по 2015 гг. на фоне ухудшения ситуации в Сирии и Ираке, связанного с появлением ИГИЛ и перспективами усиления идеологического влияния на страны ЦА, Афганистан и Кавказ этой террористической группы, Иран начал активно сотрудничать в рамках ШОС, ОДКБ, а также в двустороннем формате со всеми странами Центральной Азии, включая Киргизию, в сфере безопасности и борьбы с терроризмом.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в Киргизии в сфере религии, важно подчеркнуть, что факторы, влияющие на радикализацию в ней ислама, обусловлены преимущественно внешними обстоятельствами и связаны с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке²⁴³. Так, салафитские джамааты, которые подразделяясь на «умеренных», «такфиритов», и «джихадистов», становятся источником конфликтов внутри общины мусульман Киргизии. Более того, все представленные группы салафитов (от умеренных до джихадистских) имеют ярко выраженный антишиитский и/или антииранский характер.

Однако эти противоречия ввиду преобладания умеренных салафитских джамаатов пока не выходят за рамки теологического спора, тем более в их идеологии пока отсутствуют притязания на власть, как нет и желания изменить формы правления в светском государстве. С учетом отсутствия

²⁴³ Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. Москва. 2006. С.126.

экстремистской идеологии большая часть групп салафитов пока не запрещена законами Киргизии, как и движение Таблиги Джамаат, движение Хизмет.

Вместе с тем за последние годы джамааты салафитов создали ряд частных учебных центров, в работу которых в качестве наставников привлекаются выпускники университетов из Саудовской Аравии. Как правило, салафитские группы официально зарегистрированы как благотворительные организации, а неформальные объединения – как джамааты при отдельных мечетях, количество которых только в Киргизии и соседствующем с ней Казахстане, по разным данным, исчисляется несколькими десятками²⁴⁴.

Если изначально салафитами становились представители национальных меньшинств, в частности уйгуры и узбеки, то сегодня костяк этих организаций составляют и мусульмане титульной нации – киргизы, а также узбеки. Как правило, это городская молодежь, в том числе получившая образование в Саудовской Аравии, Египте и других арабских странах. Стоит особо подчеркнуть, что точных сведений об объемах финансовых поступлений из-за рубежа, предназначенных для деятельности салафитских организаций, ввиду скрытости этих операций от общества и государственных надзорных органов не имеется²⁴⁵.

Наиболее радикально настроенная часть салафитов, в основном, состоит из молодого городского поколения мусульман Казахстана и Киргизии. При этом площадкой для активного контактирования им служат пространство интернета, а также небольшие мечети, например, в пригородном массиве Лебединовка, рынок Мадина, микрорайон Алмамедин-1, в районах компактного проживания этнических уйгуров, в селах Кок-Джар, Койташ, Таш-Тюбе²⁴⁶ и т. д.

²⁴⁴ Маликов. К. Влияние джихадистских такфиритских идеологий ИГИЛ, Аль-Каиды на трансформацию радикальных течений в Казахстане и Кыргызстане. Бишкек. 2020. С.34.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Muslim community in Kyrgyzstan: social and political activity at present time. Bishkek. 2021. Social research center at American University of Central Asia. P.22-23.

Однако в среде молодежи идет распространение джихадистских идей, что порождает конфликт как среди умеренных, так и в группах более радикальных салафитов. Более того, с учетом того, что зачастую джамааты тесным образом контактируют с преступными элементами, а иногда и сами криминализируются, выросло число такфиритских групп, симпатизирующих ИГИЛ и Аль-Каиде. Данные группы ведут работу по распространению своих взглядов через интернет, путем чтения лекций в квартирах и в кафе. Следует отметить, что в среде такфиритов также наметился раскол на джихадистов, призывающих к выезду (хиджре) в Сирию и Ирак с семьями с целью джихада против Ирана, шиитов Ирака и алавитов Сирии, и тех, кто намерен совершать джихад у себя дома. Данные ячейки подпольно орудуют как на Юге Казахстана, в Алма-Атинской, Джамбульской областях, так и на западе в Атырауской области Казахстана, почти во всех селах вблизи города Бишкек, а также среди уйгурской этнической группы Казахстана и Киргизии²⁴⁷. Так, в 2008-2009 гг. на территории КР появилась местная джихадистская группа салафитов «Жайшуль махди», а на территории Казахстана – «Джундь-аль Халифат» (войско Халифата).

Формирование джихадистских группировок показывает, что в определенных условиях, в частности при активном внешнем влиянии и финансировании, есть угроза распространения террористических идеологий, имеющих антигосударственный, а также антииранский контекст идеологии.

В настоящее время с учетом новых реалий и вызовов внешняя политика Ирана остается весьма осторожной и взвешенной, она строится исходя из понимания того, какую значимость в ЦА регионе имеет конфессиональный фактор. Так, Иран через свое культурное представительство оказывает поддержку мерам, принимаемым в КР для усиления позиций традиционных форм ислама – акиды матуридия и ханафитского мазхаба, суфийского

²⁴⁷ Там же. Р.24.

направления в противовес, прежде всего, течениям салафитов, используемым как инструмент мягкой силы со стороны КСА.

Внешняя политика Ирана в отношении Киргизии с самого начала строилась с учетом религиозного фактора, особенно в межкультурных отношениях. Такой подход исключал развертывание со стороны Ирана широкой миссионерской деятельности по распространению шиизма в сугубо суннитской среде. Данный принцип, заложенный с самого начала в отношениях двух стран, снимал вероятность возникновения недоверия в отношениях между КР и ИРИ.

Особенно удается до настоящего времени двум странам мягко обходить такую болезненную тему, как миссионерская деятельность со стороны шиитских религиозных организаций, осуществляемая среди населения, прежде всего молодежи. Так, за все время отношений с Ираном не было случаев, связанных с жалобами граждан Киргизии на распространение шиизма.

Необходимо отметить, что Иран во внешней политике со странами Центральной Азии с самого начала отказался от экспорта исламской революции и связанной с ним идеи замены светского строя на теократический. Это стало залогом доверия и выстраивания прочного фундамента для будущего сотрудничества между Ираном и Киргизией. При этом, в условиях сложной ситуации в Афганистане политический ислам будет важным элементом влияния на молодежь, превращаясь, возможно, в один из значимых факторов в политике²⁴⁸.

В настоящее время возрастает беспокойство стран ЦА на фоне прихода к власти движения талибан в Афганистане, а также формирования другой политической модели фактически нового Исламского Эмирата – Афганистана.

²⁴⁸ Зайферт А. Политический Ислам в ЦА. Берлин. 2019. С 12.

Успешность и эффективность нового строя может спровоцировать рост протестных настроений среди населения в странах ЦА региона²⁴⁹.

20 октября 2021 года в Москве прошли переговоры в «московском формате»²⁵⁰. Усилия сторон были направлены на решение афганского вопроса. На переговорах обсуждались вопросы «предоставления Афганистану экономической и политической поддержки, а также признания страны на международном уровне»²⁵¹.

Смена политического режима в Афганистане вызвала в ШОС дискуссии: консолидации между участниками содружества в решении афганского вопроса удалось достичь не сразу. Тем не менее в итоговой Декларации, принятой по случаю 20-летия ШОС, все государства-члены выступили за формирование в Афганистане «инклюзивного правительства», в которое должны войти представители всех этнических, религиозных и политических групп афганского общества²⁵².

Однако ситуация усложнялась несимметричностью национальных интересов государств-членов ШОС: одни выступают за полный отказ от сотрудничества с нынешней властью Афганистана, другие, наоборот, хотели бы сесть за стол переговоров и наладить отношения. Кроме того, вызывала беспокойство еще одна проблема – усиливается попытка террористов легитимизировать свои организации на международном уровне. Так, прецедент в Афганистане может позволить террористическим группировкам прийти к власти и в других странах.

С учетом новых вызовов и угроз на этом направлении страны Центральной Азии, Китай, Иран и Россия в рамках ШОС «должны быть максимально консолидированы, чтобы использовать все имеющиеся возможности для создания “регионального оборонительного щита”,

²⁴⁹ Маликов К. Стратегия борьбы с радикальными, экстремистскими, террористическими течениями в КР. Исследов. Аналитический центр Дипакадемии МИД КР. 2022. Бишкек. С-22

²⁵⁰ В Москве начались консультации московского формата по Афганистану // ТАСС. 20.10.2021. [Электронный ресурс]: www.tass.ru/politika/12710145 (дата обращения: 17.10.2025)

²⁵¹ Там же.

²⁵² Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // Кремль. 17.10.2021. [Электронный ресурс]: www.kremlin.ru/supplement/5699 (дата обращения: 17.10.2025).

позволяющего защититься от натисков международного терроризма, исходящего в том числе с севера Афганистана, а также для формирования в будущем евразийских транспортных коридоров»²⁵³. В этой связи страны ЦА, и Киргизия в том числе, будут двигаться в направлении укрепления отношений с Ираном, в первую очередь, по торгово-экономическим каналам, а также в сферах энергетики и национальной безопасности, угроза которой исходит из Афганистана.

Относительно внешней политики ИРИ исследователь М. Санаи полагал, что «ее стратегия обусловлена необходимостью осуществлять две главные функции – укреплять могущество государства и создать уникальную модель обеспечения безопасности в регионе»²⁵⁴.

Поскольку обе эти функции актуальны и для ИРИ, то Иран в перспективе может занять место одного из ключевых партнеров Киргизии. При этом Иран во взаимодействии со странами Центральной Азии и в частности, с Киргизией, будет исходить из сбалансированного подхода, избегая конфликтов по острым конфессиональным вопросам (противостояние шиизм и суннизм) и не допуская распространения миссионерской деятельности. Больше внимание Ирана будет сосредоточено на вопросах сотрудничества в гуманитарных сферах, на общности единых для мусульман ценностей.

Иран в отношении светских стран Центральной Азии будет делать акцент на стратегию «умму аль кура» (мать городов), выступая образцом благополучного государства, показывая успехи и достижения в экономике, науке, в обеспечении безопасности. Это, позволяет говорить о том, что концепция экспорта исламской революции, провозглашенная на фоне революционного процесса 1979 года, трансформировалась. Теперь внешнеполитическая доктрина Ирана строится с учетом применения «мягкой

²⁵³ Суюмбаев Н.М. Евразийские транспортные коридоры: проблемы и меридиальные вопросы. Афганистан и безопасность ЦА. (выпуск 2). Фонд Ф. Эберта. Бишкек 2005 С. 179.

²⁵⁴ Санаи М. О стратегии и тактике внешней политике ИРИ в региональном контексте. Иран в условиях новых геополитических реалиях, Сб. Статей. Институт Востоковедения РАН. М. 2019. С.142.

силы», когда активно, особенно с учетом культурно-исторической близости стран ЦА региона, экспортируются достижения в культурно-гуманитарной сфере, а также успехи в государственном строительстве.

3.2. Влияние внерегиональных факторов на политику ИРИ в отношении КР

С обретением независимости в 1991 году правительство Киргизской Республики проводило политику «открытых дверей», стремясь к установлению дипломатических отношений со всеми странами дальнего зарубежья – с США, Великобританией, арабскими странами Персидского залива, с Саудовской Аравией, Кувейтом, Катаром, Объединенными Арабскими Эмиратами, а также Турцией, КНР, Пакистаном. Можно говорить, что это было обусловлено главной целью – привлечь инвестиции и заручиться финансовой поддержкой. Кроме того, такое взаимодействие было актуальным в свете проведения в стране демократических реформ и преобразований в государственном строительстве.

С начала своего существования как суверенного государства Киргизия объявила о проведении многовекторной внешней политики. Будучи членом СНГ и ОДКБ, изначально КР проводила политику стратегического сотрудничества с РФ во всех сферах. После развала СССР страны Центральной Азии оказались вовлечены в международные процессы с участием внерегиональных игроков, стремящихся установить на этом пространстве свое политическое господство, в первую очередь это США и Турция. Збигнев Бжезинский считал, что Турция и Иран пытались распространить свое влияние в каспийско-среднеазиатском регионе, используя потерю Россией своей власти²⁵⁵.

Если США до 2001 года в большей степени уделяли внимание Узбекистану и Казахстану как региональным лидерам в Центральной Азии, то Турция с самого начала существования Киргизии как независимой республики

²⁵⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. 2018. С.63

(1991 г.) установила с ней дипотношения и начала активное сотрудничество во всех сферах, включая военную, культурно-образовательную и экономическую.

Турция является самым серьезным конкурентом Ирану ввиду того, что она претендует на роль «старшего тюркского брата», имея с Киргизией лингвистические, культурные и исторические общности, исповедуя ту же ветвь ислама – суннитскую. Кроме того, эти страны объединяет схожая модель политического устройства – светская, демократическая, вестернизированная, хотя и с исламской спецификой. Российский исследователь В. Наумкин писал: «Не менее интересен опыт светского государства Турции, в котором правит исламская партия. Как ни парадоксально, именно эта партия выступает главным сторонником интеграции Турции в ЕС, светского, демократического пути развития... что может быть весьма привлекательным для стран ЦА»²⁵⁶.

Впервые указание на Турцию как на образец модели развития появилось в конце 1991 года. Понятие «турецкая модель» прочно вошло в риторику лидеров стран Запада. Они возлагали на Анкару надежды, что Турция станет противовесом влияния шиитского Ирана. «Лидеры тюркских республик также разделяли оптимизм западных политиков по поводу “турецкой модели”, что объяснялось желанием как можно быстрее получить международное признание, привлечь политическую, экономическую и технологическую помощь. Турцией восторгались и президент Киргизии Аскар Акаев, и глава Узбекистана Ислам Каримов, и лидеры Азербайджана, особенно Абульфаз Эльчибей»²⁵⁷.

Однако в Турции, которая до этого вынашивала планы стать южным форпостом НАТО, после развала СССР представления о направлениях внешней политики претерпели кардинальные изменения. Это было связано с тем, что Турция имела собственное видение развития ситуации в странах

²⁵⁶ Наумкин В. «Модели и варианты: встречающие исламских политических организаций в современное государство». Алматы. 2008. С.47.

²⁵⁷ Shlykov P. The “Turkish Model” in Historical Perspective // Russia in Global Affairs. 2018. Vol.16, №2, April-June.

постсоветского пространства и тем более, планы по продвижению своих интересов. Более того, Турция выступала в качестве конкурента Западу, рассчитывая усилить свое влияние в центральноазиатских республиках. Страны Центральной Азии «воспринималась Турцией как возможность восстановить давно утраченные связи с «братьями-тюрками» и одновременно как способ повысить свою значимость перед Западом, став своего рода «окном» в Евразию»²⁵⁸.

Необходимо отметить, что турецко-иранские отношения после смены власти в Иране, произошедшей в 1979 году были довольно натянутыми: Турция находилась в состоянии напряженности, так как, будучи светской, она боялась экспорта исламской революции, с настойчивостью декларируемого Ираном. Кроме того, соперничество, зародившееся между Ираном и Турцией после распада СССР за влияние в Центральной Азии и на Кавказе, как считает исследователь И. Иванова, «не добавляло позитива в эти отношения»²⁵⁹.

При этом по болезненному курдскому вопросу и по проблемам сохранения безопасности границ сотрудничество Турции с Ираном становится более тесным. Появление новых вызовов и угроз для региона (ввиду проведения военной интервенции США в Ираке в 2003 г), приход к власти в 2002 г. партии Справедливости и развития, лидером которой является Р. Эрдоган, активизация челночной дипломатии между двумя странами по иракской проблеме – всё это повлияло на необходимость обновления содержания отношений: турецко-иранские контакты на высшем уровне стали более интенсивными. Так, во время визита Р. Эрдогана в Тегеран в 2004 году было подписано соглашение о сотрудничестве, в котором, помимо прочих тезисов, дается определение Рабочей партии Курдистана как «террористической организации, грозящей безопасности общих границ»²⁶⁰.

²⁵⁸ Иванова И. Отношения Турции с мусульманскими государствами Ближнего и Среднего Востока. Исламский фактор в истории и современности. РАН. Институт Востоковедения. Москва. 2011. С.126-127.

²⁵⁹ Там же. С 114.

²⁶⁰ Hurriyet. 22.07.2004.

С другой стороны, турецко-иранские отношения подкрепляются довольно тесными торгово-экономическими связями и сотрудничеством в энергетике. Учитывая сложное положение Ирана, обусловленное прессингом наложенных на него западных санкций, Иран заинтересован в стабильных отношениях с Турцией, которая, в свою очередь, также зависима от Ирана в вопросах обеспечения безопасности и роста своей экономики. Например, объем торговли между странами составляет в год до 4,5 млрд. долларов. Иран для Турции является вторым после России поставщиком природного газа, объемы которого росли. В 2024 году поставки газа из Ирана в Турцию составили 10 млрд. м³. По сравнению с 2023 годом поставки природного газа возросли на 30,3%²⁶¹. В том же году стороны договорились продлить в 2026 году контракт на поставку газа из Ирана в Турцию²⁶².

Интересы Ирана и Турции соприкасаются в вопросах обеспечения безопасности границ в аспекте курдской проблемы, а также схожи в отношении палестинской проблемы, то на Ближнем Востоке (Сирия), в регионе ЦА и на Кавказе Турция и Иран сталкиваются как конкуренты в борьбе за сферы влияния.

В отношениях Турции с Киргизией основополагающими документами, отражающими внутреннее содержание и дух взаимоотношений двух стран, являются Договор о вечной дружбе и сотрудничестве между КР и ТР от 24 октября 1997 г., Совместное заявление глав двух государств «Киргизия и Турция: вместе в XXI век» от 1 июля 1999 г. и Заявление о создании Высшего совета по стратегическому сотрудничеству между Киргизией и Турцией от 26 апреля 2011 г.

В настоящее время киргизско-турецкие отношения развиваются поступательно и динамично и характеризуются высоким уровнем

²⁶¹ Иран сообщил о 30-процентном росте экспорта газа в Турцию. 14 апреля 2025. https://www.iran.ru/news/economics/127871/Iran_soobshchil_o_30_procentnom_roste_eksporta_gaza_v_Turciyu?ysclid=mh7zpopm77325422885 (дата обращения: 23.08.2025)

²⁶² Тегеран и Анкара планируют продлить 30-летнее соглашение по поставкам иранского газа в Турцию, срок которого истекает в 2026 году. 4 апреля 2024. <https://report.az/ru/energetika/turciya-i-iran-dogovorilis-prodlit-dogovor-po-postavkam-iranskogo-gaza-posle-2026-goda> (дата обращения: 23.09.2025)

двустороннего политического взаимодействия. Резкий, но временный их спад, пришелся на президентство А. Атамбаева – с 2012 по 2017 гг. Он с одобрением и уважительно отзывался о Турции, называя ее «добрым партнером», но при этом говорил о «существовании у нее «обида» на Киргизию, связанной с тем, что последняя указала на неправоту Турции, когда та сбила российский самолет»²⁶³.

Негативное влияние на отношение Ирана и Киргизии оказала попытка военного переворота в Турции. С 2016 года Киргизия стала объектом давления со стороны Турции, которая выдвинула Бишкеку требования: закрыть учреждения и изгнать сторонников Гюлена. В ходе обсуждения стороны нашли компромиссное решение. В ноябре 2020 года были подписаны «Соглашения между министерством образования и науки КР и Турецким фондом «Маариф» по открытию и функционированию частных образовательных организаций в КР»²⁶⁴, что следовало понимать как реакцию турецких властей на отказ киргизской стороны закрыть образовательные учреждения «Сапат». С 2021 года Турецкий фонд «Маариф» с целью снизить влияние школ системы «Себат», связанных с Ф. Гюленом, планирует наращивать свое присутствие в образовательной сфере Киргизии. В итоге в совместном заявлении министров иностранных дел Киргизии и Турции, подписанном в ноябре 2020 года, сообщается, что «стороны договорились бороться со всеми формами терроризма и экстремизма в тесном единстве»²⁶⁵.

Значительную роль в нормализации отношений Киргизии и Турции сыграл экономический фактор. Президент Садыр Жапаров выразил уверенность, что «ежегодный товарооборота между КР и Турцией возрастет до 1 миллиарда долларов»²⁶⁶, а официальная Анкара, в свою очередь,

²⁶³ <https://www.turantoday.com/2016/12/atambayev-turkey-kyrgyzstan-russia-relations.html> (дата обращения: 12.03.2025).

²⁶⁴ Официальный сайт Министерства образования и науки КР. См. <https://edu.gov.kg/ru/news/pervuyu-shkolu-v-kyrgyzstane-tureckij-fond-maarif-otkroet-v-bishkeke/> (дата обращения: 03.08.2025).

²⁶⁵ Официальный сайт Министерства иностранных дел КР. <https://mfa.gov.kg/uploads/content/9346/2f46ae07-383e-3baf-959a-7627d149e58a.pdf> (дата обращения: 17.08.2025).

²⁶⁶ Официальный сайт Президента КР. http://president.kg/ru/sobytiya/19433_prezident_sadir_ghaparov_prinyal_prezidenta_soyuza_palat_itovarnih_birgh_turcii_mustafu_rifata_hisardghiklioglu (дата обращения: 03.02.2025).

продемонстрировала готовность оказать помощь в восстановлении домов в районах, пострадавших после вооруженного конфликта на киргизско-таджикской границе. Подтверждает «перезагрузку» двухсторонних отношений и факт того, что С. Жапаров «высказал намерение возобновить отношения между двумя странами и указал на ошибки предыдущего правительства»²⁶⁷.

Перестраивание отношений происходило в преддверии юбилея – 30-летия установления дипломатических отношений между КР и Турцией, которая стала первым государством, признавшим суверенитет Киргизии. Переплетение истории, сходство культуры и языка всегда способствовали сближению двух стран, а многолетнее сотрудничество только укрепило влияние Турции не только на Киргизию, но и на всю Центральную Азию.

Турция является одним из самых активных акторов в Центральной Азии. «За последнее десятилетие Турция превратилась в гораздо более самостоятельного геополитического игрока, но при этом менее предсказуемого, уже не соответствующего представлениям США и ЕС о том, какую Турцию они хотели бы видеть в качестве “модели” для мусульманских стран Ближнего Востока. Турция теперь уже не “остров стабильности”, а источник новых, зачастую неожиданных импульсов регионального масштаба»²⁶⁸.

На современном этапе политикой Турции в Киргизии преследуются следующие цели: «укрепление содружества тюркских государств во главе с Турцией, снижение влияния РФ в ЦА регионе; удовлетворение экономических и энергетических интересов посредством взаимодействия с Киргизией; реализация идеологических (тюрко-исламских) проектов, расширение культурно-образовательного и военного сотрудничества»²⁶⁹. При этом все эти

²⁶⁷ Президент Садыр Жапаров намерен улучшить отношения с Турцией. 24.kg. https://24.kg/vlast/193325_prezident_sadyir_japarov_nameren_uluchshit_otnosheniya_sturtsiey/ (дата обращения: 18.02.2025).

²⁶⁸ Shlykov P.V. The “Turkish Model” in Historical Perspective // Russia in Global Affairs. 2018. Vol. 16, № 2, April-June.

²⁶⁹ Грозин А. Интервью. "Обе республики приобретают у Турции идентичные системы вооружения, которые ориентированы на нанесение ударов в глубь территорий стран. С точки зрения военной дипломатии есть

цели и проекты Турции в Центральной Азии реализуются комплексно и в тесной связи друг с другом. «Распад СССР не только создал широкое поле надежды для пантюркистских элит и интеллектуалов Турции, но и был заманчив для многих турецких политических партий, включая сторонников Ататюрка и даже левых и исламских движений. Даже многие политические партии, выступавшие против пантюркизма, превратили данное понятие в инструмент после распада Советского Союза в ЦА и на Кавказе»²⁷⁰, – писал иранский исследователь Хамид Ахмади.

На международном уровне Турция пытается создать образ трансрегиональной державы. Данную политику Турция реализует через активизацию контактов по дипломатическим каналам, а также через применение инструментов мягкой силы, оказание гуманитарной и экономической помощи. По заявлениям турецких властей, за последние пять лет Турция оказала экономическую помощь более чем 150 странам мира в размере более 25 млрд. долларов²⁷¹.

Турция стремится вытеснить таких конкурентов в регионе, как Иран, Пакистан, Саудовская Аравия, ослабить их позиции в Киргизии и тем самым играть роль лидера в Центральной Азии.

Сравнение политики Турции с политикой мусульманских стран, ставших ее конкурентами в Центральной Азии, такими как Иран и Королевство Саудовской Аравии, показывает, что Турция действительно смогла с 1992 по 2025 гг. более успешно решить свои задачи в Киргизии, Узбекистане, Казахстане и даже в Таджикистане. В то время как Иран, Пакистан и Саудовская Аравия признаются в Киргизии и других странах Центральной Азии носителями ислама, угрожающими «светскости» и поддерживающими определенные радикальные силы, Турция старалась формировать имидж

основания для беспокойства". <https://tj.sputniknews.ru/20220428/tajikistan-turkey-kyrgyzstan-vooruzhenie-1048040448.html>

²⁷⁰ Хамид Ахмади, ст. «Турция, пантюркизм и Центральная Азия», журнал Исследования Центральной Евразии, Центр перспективных международных исследований, № 5, Тегеран., 2009. С. 12.

²⁷¹ Аватков А. Внешнеполитическая идеология Турции в период правления партии справедливости и развития. МГИМО (МИД РФ) Зарубежное регионоведение. ННГУ им Лобачевского. 2014 г. С. 163.

современной европеизированной мусульманской страны, прогрессивной и имеющая культурную и цивилизационную значимость. Ключевыми ценностями пантюркистской и неоосманской идеологии Турции являются следующие постулаты: «единство всех тюрков мира», «генетическое и историческое единство», «возрождение тюркской исламской культуры» и, конечно, «лидерство в тюркском мире Турции как политической модели».

Другим направлением указанной политики Турции является непосредственное участие этой страны в формировании «будущей элиты» Киргизии, проявляющей лояльность Турции. Сегодня Турция, после России, занимает ведущее место в системе образования и подготовки кадров в Киргизии на всех этапах этого процесса – от учебы в средней школе до высшего образования и повышения квалификации государственных служащих.

Турецкое образование пользуется особой популярностью в Киргизии, где за годы сотрудничества были открыты киргизско-турецкие школы и университет «Манас». В этом направлении работают и турецкие культурные и гуманитарные фонды, также при посольстве Турции действует исламский фонд «Дианет», который занимается распространением турецкого языка, поддержкой суннитского ислама ханафитского толка, популяризацией турецких ценностей, переподготовкой специалистов и т. д. Ряд проектов в этом направлении реализуется через турецкий Фонд помощи ТИКА.

Среди разнообразных форматов многостороннего взаимодействия одним из наиболее значимых является сотрудничество с Организацией тюркских государств (ОТГ). Так, 12 ноября 2021 г. в г. Стамбуле Президент КР Жапаров, наряду с главами Азербайджана, Казахстана, Турции, Узбекистана, Туркменистана и Венгрии, принял участие в VIII Саммите Организации тюркских государств²⁷². В ходе последующих саммитов, включая 2025 год,

²⁷² Министерство иностранных дел КР. Официальный сайт. <https://mfa.gov.kg/ru/dm/posolstvo-kyrgyzskoy-respubliki-v-tureckoy-respublike/menyu---inostrannoe/--uslugi/politicheskoe-sotrudnichestvo/urciya> (дата обращения: 03.03.2025).

Турция предпринимала шаги, направленные на расширение влияния в Киргизии.

Таким образом, почти по всем направлениям Турция усиливает свое присутствие и влияние в Киргизии. Турция входит «в число пяти основных направлений экспорта и импорта Киргизии, а доля в Киргизии турецких предприятий ставит ее в один ряд с Китаем, Россией и Казахстаном»²⁷³.

В фокус экономического интереса Турции Киргизия входит как страна, имеющая возможности для обеспечения поставок по «Среднему коридору». Так, «была достигнута договоренность относительно того, какими будут шаги по сотрудничеству в рамках инициативы Транскаспийского коридора "Восток-Запад"»²⁷⁴. Данная инициатива в перспективе сможет эффективно связать Турцию с КНР через Центральную Азию и позволить Турции получать экономические выгоды от инвестиций и торговли Европы с КНР.

В данном контексте Иран во внешней политике, имеющей прагматичный характер, будет соотносить свои действия с реакцией на них прежде всего РФ, которая остается одним из главных игроков в Центральной Азии. Тем не менее, учитывая растущее влияние Турции в Киргизии, Иран предпочитает искать свою нишу или «играть» на тех направлениях, которые не вызывают ревностную реакцию Анкары. В основном это двусторонние отношения в сфере торговли, энергетического сектора, культурные и образовательные программы. Иран больше делает акцент на вопросы сотрудничества в рамках ШОС по проблемам обеспечения региональной безопасности, что связано с исходящей от Афганистана угрозой, а также с энергетическими и экономическими проектами. В настоящее время Ирану выгоднее, чтобы Киргизия, как и страны Центральной Азии оставалась в зоне устойчивого влияния РФ. Однако после начала Россией специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 года ряд иранских экспертов, таких как М. Сариев,

²⁷³ Официальный сайт Национального статистического комитета КР. См. <http://www.stat.kg/ru/statistics/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo/> (дата обращения: 04.06.2025).

²⁷⁴ Официальный сайт Министерства иностранных дел КР. См. <https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/sostoyalas-vstrecha-ministrov-inostrannyh-del-kr-i-turcii> (дата обращения: 04.06.2025).

высказали обеспокоенность, полагая, что «США будут использовать Турцию для устранения влияния РФ и продвигая Анкару в качестве основного игрока в Центральной Азии»²⁷⁵.

Фактором, предопределяющим внешнеполитическую стратегию Ирана, в том числе политику в отношении Киргизии, следует признать противостояние Ирана и Саудовской Аравии в борьбе за лидерство на Ближнем Востоке. Соотношение сил в этой конфронтации с 90-х гг. по настоящее время качественно менялось. Как отмечают российские исследователи В. А. Кузьмин и Н. В. Соколов, «военно-политическое противостояние КСА и ИРИ стало одним из главных факторов, разрушающих стабильность в ближневосточном регионе. От исхода данного противостояния зависит новая расстановка сил на Ближнем Востоке и появление нового лидера, который и будет определять дальнейшее направление развития региона»²⁷⁶.

Таким лидером может стать или Саудовская Аравия, или Иран, а также на эту роль претендует Турция. Можно сказать, что саудовско-иранские отношения в их политическом, идеологическом, религиозном и других аспектах до событий арабской весны 2012 года не выходили за рамки традиционных противоречий между этими странами. Однако с началом гражданской войны в Сирии и в процессе проводимой военной операции Королевство Саудовской Аравии в Йемене военно-политическое противостояние приобретает более жесткий характер. На территории от Бахрейна, Ирака, Ливана до Сирии, Йемена, Омана и Афганистана, Иран старается усиливать свое влияние в противовес КСА²⁷⁷ и использовать для этого довольно обширный арсенал инструментов. Так, на наш взгляд, происходит расширение географии противостояния Ирана и Королевства Саудовской Аравии. Учитывая, что Киргизия является зоной влияния РФ,

²⁷⁵ Может ли Турция стать новой осью американского влияния в Центральной Азии? 04.02.2025. <https://nournews.ir/ru/news/211147/Может-ли-Турция-стать-новой-осью-американского-влияния-в-Центральной-Азии> (дата обращения: 03.06.2025).

²⁷⁶ Кузьмин В. А., Соколов Н.В. Ирано-саудовское противостояние на Ближнем Востоке в конце XX – начале XXI вв. УКД 930. М - 2019. С.185.

²⁷⁷ Малышева Д.Б. Саудовская Аравия и Катар переформируют Ближний Восток//Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей. М., 2012. С.181-193.

Королевство Саудовской Аравии и Иран ведут себя довольно сдержанно, предпочитая использовать мягкую силу и скрытые рычаги воздействия.

Королевство Саудовской Аравии для усиления своего влияния в Киргизии традиционно распространяет религиозные догматы ваххабизма через хадж и обучение студентов в вузах Мединского исламского университета, а также развитие туризма. Между тем следует отметить, что проникновение салафизма (ваххабизма) из Королевства Саудовской Аравии в Киргизию параллельно шло и через Казахстан, где ваххабизм существовал вполне легально, посредством личных связей ряда высокопоставленных лиц Казахстана и фондов Саудовской Аравии и ОАЭ.

По сути Королевство Саудовской Аравии сумело создать свою мягкую силу внутри религиозной сферы, распространить свое влияние на определенные бизнес-группы как в Казахстане, так и в Киргизии. Такая ситуация, конечно, беспокоит Иран, создает дополнительные трудности, но и в какой-то мере сдерживает его активность в культурной и религиозной сферах. Так как вся риторика салафитских групп, поддерживаемых Королевством Саудовской Аравии, носит ярко выраженный антииранский и антишиитский характер. Более того, Королевство Саудовской Аравии в противовес присутствию Ирана старается педалировать в данное время развитие туризма, формирование культурно-образовательных и социальных программ в КР.

Иран пока не видит в Королевстве Саудовской Аравии серьезного соперника в Киргизии, кроме как в идейно-религиозной сфере, где наблюдается латентно проходящий процесс салафизации (ваххабизации) молодежи. Данные процессы сегодня не представляют для Ирана опасности. Однако процесс салафизации в Киргизстане, равно как и во всем регионе, приобрел угрожающий характер.

Рассматривая Исламскую Республику Пакистан в контексте обозначенной темы, можно отметить следующее. Пакистан, кроме религиозной сферы (движение Таблиги Джамаат) и программ обучения для

студентов медицинских вузов, почти не присутствует в экономике и культурно-образовательной сфере в КР. В свою очередь сам Пакистан больше завязан на взаимоотношениях с КСА, АОЭ и на ожидании помощи от КНР и США.

Следует отметить, что Иран обращает особо пристальное внимание на главного своего идеологического соперника в ЦА – США, которые могут использовать более разнообразные инструменты для реализации своих интересов в регионе. Само присутствие, а равно и активность США в регионе Центральной Азии Иран воспринимает как угрозу своим интересам. М. Санаи писал: «Негативная атмосфера, свойственная двусторонним ирано-американским отношениям, была вынесена на международный уровень и в результате стала оказывать дурное влияние на отношения Ирана с государствами Центральной Азии. Таким образом США стремятся, с одной стороны снизить роль и влияние Ирана как в региональном, так и мировом масштабе, дабы усилить изоляцию Ирана»²⁷⁸.

Однако за все время отношений Киргизии с США Вашингтон старался либо избегать, либо дистанцироваться от антииранской тематики, по крайней мере на словах.

С 1991 по 2022 гг. США сумели закрепить свои позиции в КР в основном за счет применения мягкой силы – через создание сети гражданских НПО и поддержку независимых СМИ, журналистов, блогеров; посредством обучения молодежи по образовательным программам Фондов «Сороса», «NED»; через посольство США в Бишкеке «USAID», открытие Американского университета в ЦА и формирование многочисленных программ обмена, предоставления грантов на развитие свободы слова, правозащитных неправительственных организаций и т. д. По официальной информации, в Киргизии «ведут

²⁷⁸ Санаи М. О стратегии и тактике внешней политике ИРИ в региональном контексте. Иран в условиях новых геополитических реалиях, Сб. Статей. Институт Востоковедения РАН. М. 2019. С.136.

деятельность по различным направлениям около 3000 неправительственных организаций»²⁷⁹.

Рассматривая более подробно деятельность НПО, поддерживаемых США в Киргизии, важно отметить, что антииранская риторика транслировалась через разные правозащитные НПО, так или иначе связанные с США. Один из таких примеров, когда в период мирового скандала по поводу фильма «Невинность мусульман» и после известного инцидента в Ливии, где в городе Бенгази был убит консул США²⁸⁰, в КР правоохранные структуры зафиксировали распространение листовок от имени запрещенной экстремистской организации Хизб ут-Тахрир о том, что необходимо принимать срочные и жесткие меры против США на территории Киргизии²⁸¹.

В листовках указывалось, что необходимо решительным образом выйти на протест к посольству США и при необходимости применить жесткие меры, включая штурм и захват посольства. Между тем в результате следственных мероприятий было установлено, что распространением листовок занимаются волонтеры из США, которые преподают в таких столичных вузах, как Американский университет в Центральной Азии (АУЦА) и Киргизский национальный университет. В частности, за распространением листовок был замечен гражданин США, этнический японец Эдвард Ояма, 32 года, волонтер АУЦА. По свидетельским показаниям он распечатывал большое количество листовок у себя на квартире и распространял в вечернее время возле городских мечетей и в районах, прилегающих к университетам. Второй фигурант этого дела, также выявленный в результате проведения следственных мероприятий, распространял листовки того же содержания, но в других районах города. Им является также гражданин США, этнический кореец С. Ли, волонтер из Киргизского национального университета.

²⁷⁹ <https://www.gumilev-center.ru/npo-i-vnutrennie-vragi-kyrgyzstana/> (дата обращения 27.02.2025).

²⁸⁰ Краснов К.Г. Юртаев В. И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «Системного сдерживания». РУДН. Москва. 2016. С. 623.

²⁸¹ Из аналитической записки члена экспертного совета при Президенте КР М.К. Бишкек. 2011 г.

Чтобы избежать ухудшения дипломатических отношений правоохранительными структурами было решено в срочном судебном порядке запретить к показу этот фильм и распространить через Муфтият, а также через мусульманские организации решение суда о запрете к показу этого фильма и о признании его экстремистским.

Накалу религиозной обстановки в Киргизии может способствовать запрет салафизма в стране, как это сделано в Казахстане и России. По сути само такое намерение является провокацией, так как запрет движения салафизма на территории Киргизии был бы поводом развернуть деятельность против властей по примеру России (Северный Кавказ) и Казахстана²⁸². И потому по рекомендации независимых экспертов, а также экспертов ведомства правительство отказалось от намерения издать закон, запрещающий движение салафизма в КР.

И если сотрудничество КР с США с 90-х до 2000-х гг. шло в основном в русле поддержки демократических реформ и преобразований, то вскоре после трагических событий, произошедших в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября, в киргизском аэропорту «Манас» в декабре 2001 года (после согласования с РФ) была размещена военная база США, и это, существенно повысило интерес США к Киргизии. Через КР «в зону боевых действий и обратно прошло около 2 млн военнослужащих, самолеты-заправщики транспортировали более 200 миллионов галлонов топлива»²⁸³. На решение о размещении военной базы США повлияло и то, что в 1999-2000 гг. Баткенская область подвергалась нападениям отрядов, которых власти причисляли к боевому крылу «Исламского движения Узбекистана», имевшего связи с Аль-Каидой. При этом важно отметить, что и Россия также поддерживает свое военное присутствие: с 2003 г. в г. Кант была основана авиабаза, где размещены российские военные самолеты.

²⁸² Аналитическая записка. Экспертный совет при президенте КР. 2011 г.

²⁸³ https://www.bbc.com/russian/international/2011/12/111223_kyrgyzstan_us_base_anno (дата обращения: 03.02.2025).

Президент Киргизии Курманбек Бакиев в 2008 г. высказал мнение, что «идеология международного партнерства должна стать краеугольным камнем внешней политики. Мы являемся активными партнерами России в рамках ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС. Нельзя сказать, что все решения в этих организациях принимаются легко и гладко... Но нас объединяет стремление найти общее согласие, понимание взаимной зависимости и ответственности за будущее своих стран. Мы связываем большие надежды с будущим Евразийского экономического сообщества. Возьмем хотя бы тот факт, что на Московском саммите принято беспрецедентное в истории Сообщества решение об учреждении в рамках ЕврАзЭС Совместного фонда с капиталом в \$10 миллиардов. Безусловно, его создали не от хорошей жизни: этот шаг направлен, прежде всего, на минимизирование последствий мирового кризиса для стран сообщества. Антикризисный фонд также может служить эффективным инструментом противодействия негативным явлениям в экономике и финансах государств ЕврАзЭС»²⁸⁴.

После очередной смены власти в 2010 году в Киргизии вопрос о выводе американских военных снова стал актуальным, поскольку «высшему руководству страны было очевидно, что наличие американских военных не дает гарантий безопасности Киргизии. Согласно киргизско-американским договоренностям, вывод базы был намечен на 2014 г.»²⁸⁵. Комментируя вывод военной базы из КР, политолог Кадыр Маликов утверждает, что «появление американского военного объекта в Киргизии улучшило ситуацию в Афганистане. Оно также косвенно повлияло на положение дел на южных рубежах Киргизии, которые прежде подвергались нападениям религиозных радикалов. Однако приходится выбирать меньшее из зол. В свете обострения

²⁸⁴ Официальная страница ШОС. <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=4525> (дата обращения: 06.02.2025).

²⁸⁵ https://tass.ru/blizhneeazarubezhe/548764?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 28.12.2024).

ситуация на Ближнем Востоке, Сирии, в дальнейшем, быть может, в Иране, нахождение американских военных может таить опасность для Киргизии»²⁸⁶.

Хотя соглашение о сотрудничестве между Киргизией и США имелось, в 2015 году, в период президентства Алмазбека Атамбаева, власти денонсировали его в одностороннем порядке из-за присуждения госдепом США звания «Защитник прав человека» Азимжану Аскарову, признанному виновным в разжигании межэтнического конфликта на юге республики в июне 2010 г.

Таким образом, как вывод военной базы США из Киргизии в 2014 г., так и денонсация соглашения с США в 2015 году в одностороннем порядке со стороны Киргизии заметно повлияли на снижение интереса США к КР.

Однако события в Афганистане, связанные с выводом войск НАТО и приходом к власти движения талибан в 2021 г, а также проведение спецоперации РФ на Украине в 2022 г. вновь повысили активность американской дипломатии в направлении стран Центральной АзииА, в том числе и в отношении Киргизии. Так, 15 апреля 2022 года заместитель Государственного секретаря США Узра Зея сообщила о намерении «США укрепить взаимоотношения с КР, а также заявила о готовности подписать соглашение о сотрудничестве, тем самым открыв новую главу взаимоотношений между государствами по вопросам демократических прав»²⁸⁷.

Киргизия, являясь членом Евразийского экономического союза, ОДКБ и ШОС, стратегическим союзником РФ (КР не ввела санкции против РФ, на территории КР дислоцирована российская военная база), придерживается нейтралитета, считая, что в «урегулировании кризиса на Украине должны применяться только политические и дипломатические меры»²⁸⁸. Растущая

²⁸⁶https://www.gezitter.org/interviews/20544_kadyir_malikov_direktor_tsentra_religii_prava_i_politiki_professor_madridskogo_universiteta_esli_budet_vyvedena_baza_ssha_to_v_stranu_mogut_voyti_radikalnyie_ekstremistskie_gruppyi/ (дата обращения: 13.04.2025).

²⁸⁷ <https://www.gov.kg/ru/post/s/21193-ministrler-kabinetinin-tragasynyn-orun-basary-edil-baysalov-aksh-mamkatchysynyn-orun-basary-uzra-zeya-menen-sylshlrd-tkrd> (дата обращения: 14.02.2025).

²⁸⁸ <https://www.rosbalt.ru/world/2022/04/26/1955424.html> (дата обращения: 15.03. 2025).

активизация США в Киргизии показывает, что Вашингтон пытается найти новые подходы к снижению влияния РФ в Центральной Азии, стремится внести раскол в формирование будущего антизападного восточного блока. В этой ситуации, по нашему мнению, РФ все больше будет разворачиваться в сторону Востока (ЦА, КНР, Ирана и т. д.), а регион, находящийся в окружении таких государств, как Китай, Иран, Индия, тяготеть к более тесному сотрудничеству с Россией. Кроме того, всегда присутствует угроза из Афганистана.

На современном этапе США в своем политическом поведении относительно Центральноазиатского региона, в том числе Киргизии, нацелены на экономическое сдерживание КНР и снижение влияния РФ, возможно, за счет формирования антикитайских настроений через инструменты мягкой силы, путем поддержки синофобии среди казахов и киргизов. Также за счет усиления сотрудничества со странами Центральной Азии в двухстороннем и многостороннем форматах «С5+1». Эти инструменты должны повысить уровень присутствия США в регионе и снизить роль России и Китая. Российский ученый С. Жильцов писал: «В XXI веке инициатива Китая вдохнула вторую жизнь в глобализацию, которая все больше испытывала влияние регионализации. Существуют различные оценки того, почему Китай выдвинул подобную инициативу»²⁸⁹. То есть США рассматривают главным своим соперником в Центральной Азии помимо РФ, также и КНР.

В последние годы отношения Киргизии и США в регионе развивались достаточно динамично. Американская сторона последовательно оказывала давление на Бишкек, настаивая на снижении уровня взаимодействия и подчеркивая важность наращивания практического сотрудничества. Большое внимание уделялось расширению инвестиционного сотрудничества. Частота проходящих на высоком уровне визитов дипломатов госдепартамента США в Киргизию подтверждает заинтересованность в укреплении позиций в данной

²⁸⁹ Жильцов С. Китай на пути к лидерству: роль инициативы «Один пояс – один путь» // Вестник Дипломатической академии МИД РФ 4(30). М., 2021. С. 208.

центральноазиатской стране. В большей степени Вашингтон волнуют «вопросы растущего влияния на страны Центральной Азии со стороны КНР, особенно заметного в рамках проекта «Один пояс – один путь», который был представлен председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году»²⁹⁰. Данная инициатива может снизить влияние США в регионе, а также минимизировать негативные последствия от вводимых санкций США не только в отношении РФ, но и Ирана. Как отмечал иранский исследователь Незамали Салехи, «США как глобальный игрок пытаются отдалять Иран и РФ от выгодных проектов в регионе ЦА и Кавказа... одновременно развивать свое влияние в ЦА и Кавказе, поощрять страны ЦА и Кавказа для развития отношений с Западом и укреплять Турцию как союзника НАТО»²⁹¹.

О перспективах Центральноазиатского региона, возникающих на фоне конфликта РФ и Украины, известный исследователь из Гамбургского университета Др. Арне Зайферт писал, что «параллельно с боевыми действиями усиливаются новые методы войны, как санкции и другие виды политической и экономической борьбы, вызывающие огромные международные последствия и перерастающие в холодную мировую войну Запад – Восток. На самом деле, весь Запад объединился в ведении подобной войны против Российской Федерации. Он систематически работает над тем, чтобы вся Евразия поддерживала его политически. В основе этого лежит идея о гегемонии в Евразии и над ней. В данной ситуации наиболее актуальным, на мой взгляд, является вопрос: как добиться мирного сосуществования Евразийских государств и народов и что для этого нужно сделать? Об этом, очевидно, из западных политиков пока никто не думает»²⁹².

В этой связи повышенная активность США в Киргизии после 2022 года рассматривается Ираном в качестве угрозы. В Тегеране опасаются, что

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Салехи Н. Геополитические взаимодействия Ирана с ЦА и их влияние на национальную безопасность Ирана // Военная наука и техника. Тегеран, 2006. С. 55.

²⁹² Др. Арне Зайферт. Статья «Мысли о ЦА: в поиске разумных решений на фоне конфликта РФ и Украины». Центр исследований ОБСЕ при Гамбургском университете, 3 мая 2022 . С - 12.

американская сторона попытается дестабилизировать ситуацию в регионе, тем самым, создать проблемы для России и Ирана. Эксперт из Бишкека К. Маликов писал: «Нынешняя ситуация в Афганистане напоминает эту стратегию. Идет сдерживание геополитических конкурентов путем создания угроз на их границах с Россией, Ираном. На севере Афганистана формируется зона нестабильности – сюда стекаются террористические группы из Ирака и Сирии»²⁹³.

В данном случае также нельзя исключать и высокой вероятности вторжения в регион диверсионных групп с целью дестабилизации ситуации в Таджикистане, Киргизии, Узбекистане и Казахстане и далее в Башкортостане, Татарстане и на Северном Кавказе.

Поэтому в складывающейся ситуации и ввиду перспектив роста рисков и угроз внешняя политика Ирана в Киргизии направлена на решение стратегических задач – поддержку антизападных позиций РФ, КНР, Индии на полях ШОС, ООН; укрепление сотрудничества с Киргизией в разных сферах в противовес США и Турции; поддержку российского влияния в Киргизии.

Важно подчеркнуть, что РФ, довольно четко сформулировала свою политику в отношении стран Центральной Азии. Так, министр иностранных дел РФ С. Лавров в статье «Россия – Центральная Азия: 30 лет на пути дружбы и сотрудничества» отмечал: «В отличие от некоторых стран Запада, Россия не рассматривает регион Центральной Азии как арену для геополитического противоборства – в духе колониальной концепции “большой игры”. В этой связи мы только приветствуем набирающую обороты внутрирегиональную интеграцию, регулярные консультативные встречи глав государств ЦА»²⁹⁴.

Таким образом РФ еще раз подтвердила, что государства Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) имеют

²⁹³ <https://kundemi.kg/popular/4550-kadyr-malikov-ssha-vedut-v-afganistane-voynu-chuzhimi-rukami.html> (дата обращения: 18.02.2025).

²⁹⁴ Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова «Россия – Центральная Азия: 30 лет на пути дружбы и сотрудничества», опубликованная в «Российской газете» 5 мая 2022 года https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1811764/ (дата обращения: 23.07.2025)

с РФ стратегически тесное партнерство. К 2025 году между Россией и пятью странами заключено свыше 900 двусторонних договоров и межправительственных соглашений, развиваются торгово-экономические связи. Лавров отметил, что «РФ придает большое значение взаимодействию в диалоговом механизме “Центральная Азия + Россия” на уровне министров иностранных дел. Он зарекомендовал себя в качестве полезной площадки для обмена мнениями по актуальным проблемам региональной и международной повесток дня»²⁹⁵.

Официальная позиция РФ по отношению к странам Центральной Азии, ее видение региона, будущее наращивание экономической интеграции стран региона и, главное, заинтересованность РФ в поддержании мира и стабильности у своих границ – всё это создает благоприятные условия и для региональных «дружественных» стран, в числе которых КНР и Иран в рамках ШОС. Позиция и заявления РФ в свете последних событий вокруг Украины и постепенного разворота Москвы на Восток во внешней политике гарантирует как Ирану, так и Киргизии укрепление сферы влияния РФ, а также является залогом недопущения превращения региона в неконтролируемый полигон большой «игры» с участием США, ЕС или других региональных стран, таких как Саудовская Аравия и Турция. «В настоящее время геополитические реалии ИРИ свидетельствуют о том, что Центральная Азия приобретает все большую значимость в мировом и региональном контексте. Иран, имеющий в регионе собственные интересы, одновременно сталкивается здесь с определенными угрозами, но обладает определенными возможностями. Кроме того, в Центральноазиатском регионе сохраняется значительная напряженность в отношениях между политическими игроками, что вызывает опасения, связанные с обеспечением безопасности»²⁹⁶.

²⁹⁵ Там же

²⁹⁶ Санаи М. О стратегии и тактике внешней политике ИРИ в региональном контексте. Иран в условиях новых геополитических реалиях, Сб. Статей. Институт Востоковедения РАН. М. 2019. С.142.

В этом смысле ИРИ во внешней политике в странах Центральной Азии, в зависимости от специфики каждой из них, продолжает балансировать, сохраняя свой имидж «образцовой» внешней политики невмешательства в их внутренние дела и учета культурной, исторической, цивилизационной общности с государствами региона. В перспективе, возможно, у Ирана появятся более амбициозные планы относительно нового формата расширения связей со странами ЦА, включая КР. По этому поводу известный иранский специалист по Центральной Азии М. Санаи писал: «...в качестве окончательной концепции внешней политики следует иметь в виду планирование движения в сторону формирования “Большой Центральной Азии”»²⁹⁷.

²⁹⁷ Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии. М. 2020. С. 283-284.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с поставленными задачами, были получены следующие результаты.

1. Исламская Республика Иран, претендующая на роль регионального лидера на Ближнем и Среднем Востоке, является феноменом, где религиозный фактор не только играет ключевую роль во внешней политике, но и заложен в концептуальную основу государства. Иран продемонстрировал возможность использования религии в качестве идеологии, которая выступила в качестве объединяющего фактора внутри иранского общества и элиты. Религиозный фактор стал эффективным инструментом государственного строительства, сыграл ключевую роль в формировании приоритетных целей. При этом внешнеполитическая стратегия формировалась с учетом культурно-исторических особенностей и национальных интересов.

Исследования соотношения национального и общеисламского интересов в иранской политике показало, что будучи разными по своей природе, они гармонично переплетаются и составляют единую систему, в которой сочетаются приверженность Ирана исламской политической доктрине имама Хомейни, его способность учитывать современные геополитические реалии и адекватно на них реагировать, и, в тоже время, политический прагматизм, позволяющий ИРИ «примирять» национальные интересы с общеисламскими.

Таким образом, можно утверждать, что феномен внешней политики Ирана заключается в том, что ее основы исходят из норм Конституции. При этом они имеют религиозный, обоснованный Кораном характер. На их основе была выдвинута идея «третьего пути», которая составила альтернативу действующим в мире моделям развития. Характеризуя внешнеполитический курс Ирана, следует подчеркнуть, что, находясь длительное время под жесткими санкциями США, страна во внешней политике ведет курс на поддержку многополярного мира.

2. На фоне процессов глобальной трансформации, прежде всего, усиления конфронтации между основными центрами силы, обеспечение стабильного развития Центральной Азии, предотвращения внутренних конфликтов рассматривается в качестве ключевой задачи политики Ирана. Развитие ситуации по данному сценарию является гарантией создания лучших условий для экономического развития Ирана. Этот фактор особенно важен в условиях санкционного давления со стороны западных государств.

В условиях санкционного давления, инициируемого США с целью нанесения ущерба экономике Ирана, все более активно проявляется его стремление к усилению экономического и культурно-гуманитарного присутствия в Центральной Азии, в том числе, в Киргизии. Именно в этом ключе проводится политика Ирана, который учитывает текущую ситуацию в мире и характер новых вызовов. Однако в целом, характер внешнеполитического курса Ирана не изменился. Он реализуется на основе приверженности исламской идеологии. Исходя из новой геополитической ситуации в международных отношениях, идея «экспорта исламской революции» становится неактуальным и на современном этапе не имеет приоритетного значения. Политические усилия страны устремлены на тесную кооперацию со странами Центральной Азии, а также на сохранение стабильности в регионе.

3. Изучение политики Ирана в отношении Киргизии показало, что с установления дипломатических отношений между странами наблюдается курс Тегерана на расширение своего присутствия в центральноазиатском государстве. Усилия Ирана направлены на расширение политических контактов, развития торговли и культуры. Иран стремится использовать свои возможности для установления многовекторных контактов с Киргизией. Тем более, что выявлено совпадение позиций по вопросам международной политики, в отношении мировых проблем, например, связанных с водными ресурсами. В целом, культурно-исторические связи создали устойчивые

предпосылки для расширения политических, экономических, культурно-гуманитарных отношений между двумя странами.

Торгово-экономические отношения Ирана с Киргизией по масштабу значительно уступают взаимоотношениям киргизской стороны с другими странами, такими как Турция или КНР. Тем не менее, Иран располагает экономическими ресурсами, которые могут расширить его влияние на Бишкек. В частности, запасы углеводородных ресурсов, наличие промышленной базы выступают в качестве мощного инструмента для продвижения интересов в Киргизии. Иран имеет огромные возможности для транзита и транспортировки грузов в регионе. Для этого иранская сторона может использовать механизмы двустороннего взаимодействия, который получил развитие. Соответственно, развитие экономического сотрудничества является одним из главных направлений в ирано-киргизских отношениях.

4. Для продвижения своих интересов в Киргизии Иран задействует многосторонние форматы, которые получили развитие на евразийском пространстве. Данная политика Ирана осуществляется в рамках ШОС, что создает благоприятные условия и открывает хорошие перспективы для дальнейшего развития двухсторонних киргизско-иранских отношений.

Последние события в Афганистане, на Украине и вынужденный разворот РФ на Восток подталкивают Иран к активизации и укреплению политико-экономического сотрудничества с Киргизией и странами Центральной Азии как в двустороннем, так многостороннем форматах, в том числе и в вопросах безопасности и борьбы с терроризмом, обеспечиваемой через региональные структуры ОДКБ, ШОС.

4. Следует подчеркнуть значение и роль культурно-гуманитарного фактора, определяющего политику Ирана, а также значимость иранской идентичности. Сконструированная после исламской революции 1979 г. имамом Хомейни модель иранского общества изначально была предназначена не только для реализации в Иране, но и для достижения общеисламских целей – построения единого для всех мусульман мира государства. С этих позиций

следует рассматривать Иран, в качестве большого «демонстрационного проекта» для мусульманских стран региона Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Иран в отношении светских стран Центральной Азии делает акцент на стратегию «умму аль кура» (мать городов), выступая образцом, показывая успехи и достижения в экономике, науке и безопасности.

С конца 1990-х гг. во внутренней и во внешней политике Ирана стали отчетливо проступать элементы модернизации и изменения некоторых подходов, обусловленные необходимостью политико-экономического, социально-культурного развития страны. Несмотря на то, что поиск нового курса осуществлялся достаточно осторожно и сдержанно и проводился с учетом сохранения основ исламского строя, Иран именно в период президентства М. Хатами (1997–2005 гг.) стал определять новую тактику, направленную на «диалог цивилизаций», в последующем именно она стала одним из ключевых элементов иранской «новой» дипломатии.

При этом Иран, так же, как и раньше, использовал имеющиеся в ее распоряжении культурные и гуманитарные инструменты, чтобы таким образом расширять свое влияние через «мягкую силу», прежде всего через культуру. Соответственно развитие культурного и гуманитарного сотрудничества с Киргизией подтверждает конструктивность и гибкость иранской дипломатии. В настоящее время в Киргизии при поддержке Ирана открыты факультеты востоковедения и восточных языков, которые являются площадкой для распространения персидского языка.

5. Исследовав роль религиозного фактора в политике Ирана в отношении Киргизии, сделан вывод, что его внешняя составляющая в отношении киргизской сторона остается весьма осторожной, особенно в конфессиональных вопросах. Иран через свое культурное представительство выступает сторонником поддержки традиционных для Киргизии форм ислама (акида матуридия, ханафитский мазхаб, суфийское направление) в противовес, прежде всего, салафитским течениям, использующимся как инструмент мягкой силы со стороны Королевства Саудовской Аравии.

Внешняя политика Ирана в отношении Киргизии с самого начала строилась исходя из учета того фактора, что ее население в подавляющем большинстве – это последователи суннизма. Такой подход сразу же исключал развертывание широкой миссионерской деятельности по распространению шиизма, ибо в сугубо суннитской среде она привела бы к формированию общественного недоверия и даже недовольства, что, безусловно, осознавалось Ираном и требовало от него адекватного, выверенного, грамотного политического поведения.

Двум странам удавалось достаточно успешно решать вопросы, связанные с распространением среди молодежи шиитской идеологии, тревожная тенденция популяризации которой, в настоящее время имеет место в Киргизии. Кроме того, гибкость внешнеполитического курса Ирана проявлялась в том, что Тегеран отказался от экспорта революционных идей в пользу экспорта иранской культуры. То есть идея замены светского строя на теократический с самого начала установления отношений с Киргизией не была для Ирана основной. Такая позиция стала залогом доверия и выстраивания прочного фундамента для будущего сотрудничества между Ираном и Киргизией.

Исходя из конфигурации политического будущего Ирана можно ожидать, что во внешней политике со странами Центральной Азии и Киргизией в частности, иранская сторона будет исходить из сбалансированного подхода, избегая острые конфессиональные вопросы и проблему миссионерской деятельности. Внимание будет сосредоточено на сотрудничестве в гуманитарных сферах, на единстве исламских ценностей, на поддержке традиционной для Центральной Азии ханафитской школы суннитского ислама.

6. Активизация США в Киргизии и в других странах Центральной Азии, возросшая активность, ЕС, Китая, Турции рассматривается Тегераном как угроза иранской политики в отношении Бишкека. В этой связи, в условиях складывающейся ситуации, роста рисков и угроз, внешняя политика Ирана в

Киргизии будет направлена на решение стратегических задач – поддержку антизападных позиций РФ, КНР, Индии на полях ШОС, ООН; укрепления сотрудничества с Киргизией в разных сферах в противовес США, Королевства Саудовской Аравии и Турции; поддержку российского влияния в Киргизии.

Официальная позиция РФ в отношении стран Центральной Азии, ее видение региона как важного поля для экономической интеграции и, главное, заинтересованность российской стороны в поддержании мира и стабильности у своих границ – всё это создает благоприятную среду и для региональных «дружественных» стран, куда входит КНР и Иран в рамках ШОС.

Турция является самым серьезным конкурентом Ирану, поскольку имеет с Киргизией лингвистические, культурные и исторические общности, исповедуя ту же ветвь ислама – суннитскую. Кроме того, эти страны объединяет схожая модель политического устройства – светская, демократическая, вестернизированная, хотя и с исламской спецификой. Данный фактор, является одним из ключевых в понимании того, почему элиты стран Центральной Азии в поиске модели государственного развития зачастую ориентируются на Турцию, которая старается поддерживать имидж современной европеизированной мусульманской страны, поддерживающей прогресс, страны высокой культуры и развитой цивилизации. Так, в настоящее время Турция, после России, занимает ведущее место в системе образования и подготовки кадров в Киргизии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы органов государственной власти

1. Iranian Government Constitution. // <http://www.iranonline.com/iran/iran-info/Government/constitution>
2. Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны - подписано 17 мая 2018 года в городе Астана // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910280037?ysclid=mh9hghpl7g338228838>
3. Договор между Кыргызской Республикой и Исламской Республикой Иран о правовой помощи по гражданским и уголовным делам - подписан 21 декабря 2003 года в городе Тегеран // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1550?cl=ru-ru>
4. Меморандум между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Исламской Республики Иран о взаимопонимании о Грантовой помощи развития Исламской Республики Иран Кыргызской Республике - подписан 10 июля 2012 года в городе Тегеран // http://www.president.kg/ru/sobytiya/zakony/489_ratificirovan_memorandum_meghdu_pravitelstvami_kirgizstana_i_irana_o_vzaimoponimanii_o_gran_tovoy_pomoshi_razvitiya_islamskoy_respubliki_iran_kirgizskoy_respublike
5. Меморандум между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Исламской Республики Иран о взаимном предоставлении в аренду зданий и земельных участков в городе Бишкек и городе Тегеран для нужд Посольства Кыргызской Республики в Исламской Республике Иран и Посольства Исламской Республики Иран в Кыргызской Республике – подписан 9 июня 2000 года в городе Тегеран // http://continent-online.com/Document/?doc_id=30252855#pos=0;200
6. Меморандум межпарламентской связи между Республикой Кыргызстан и Исламской Республикой Иран от 18 декабря 1992 года // http://continent-online.com/Document/?doc_id=30221216

7. Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в создании Торгового центра и постоянной выставки-ярмарки между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Исламской Республики Иран - подписан 21 декабря 2003 года в городе Тегеран // http://continent-online.com/Document/?doc_id=30296595)
8. Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в создании Торгового Центра и Постоянной выставки-ярмарки между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Исламской Республики Иран - подписан 21 декабря 2003 года в городе Тегеран // <http://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/8cf58d51e4a74008ea3fca0685a17f82501b08dc.pdf>)
9. Меморандум о взаимопонимании между Правительством КР и Правительством ИРИ о сотрудничестве в сфере предупреждения борьбы с незаконным производством, оборотом и употреблением наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров – подписан 23 декабря 2016 года в городе Бишкек // http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/4523_v_ramkah_oficialnogo_vizita_prezidenta_irana_hasana_rouhani_v_kirgizstan_sostoyalas_ceremoniya_podpisaniya_dvustoronnih_dokumentov
10. Меморандум о взаимопонимании между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Исламской Республики Иран по взаимным торговым преференциям – подписан 3 ноября 2008 года в городе Бишкек // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/70079>
11. Меморандум о взаимопонимании между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Исламской Республики Иран о введении безвизового режима для владельцев служебных паспортов - подписан 21 декабря 2003 года в городе Тегеран // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30301610&pos=0;0#pos=0;0
12. Меморандум о взаимопонимании, сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах между Государственной таможенной инспекцией

- при Министерстве финансов Кыргызской Республики и Таможенной администрацией Исламской Республики Иран - подписан 9 июня 2000 года в городе Тегеран // http://continent-online.com/Document/?doc_id=30262152
13. Меморандум о намерениях сотрудничества в сферах здравоохранения, медицины, фармацевтики и медицинского оборудования между Министерством здравоохранения КР и Министерством здравоохранения ИРИ - подписан 23 декабря 2016 года в городе Бишкек // http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/4523_v_ramkah_oficialnogo_vizita_prezidenta_irana_hasana_rouhani_v_kirgizstan_sostoyalas_ceremoniya_podpisaniya_dvustoronnih_dokumentov
14. Меморандум о намерениях сотрудничества между Министерством информационных и телекоммуникационных технологий ИРИ и Государственным комитетом информационных технологий и связи КР – подписан 23 декабря 2016 года в городе Бишкек // http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/4523_v_ramkah_oficialnogo_vizita_prezidenta_irana_hasana_rouhani_v_kirgizstan_sostoyalas_ceremoniya_podpisaniya_dvustoronnih_dokumentov
15. Меморандум о намерениях сотрудничества между Министерством труда и социального развития КР и Министерством кооперации, труда и социального благосостояния ИРИ – подписан 23 декабря 2016 года в городе Бишкек // http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/4523_v_ramkah_oficialnogo_vizita_prezidenta_irana_hasana_rouhani_v_kirgizstan_sostoyalas_ceremoniya_podpisaniya_dvustoronnih_dokumentov
16. Официальный сайт Министерства иностранных дел КР. [Электронный ресурс] // URL: <https://mfa.gov.kg/uploads/content/9346/2f46ae07-383e-3baf-959a-7627d149e58a.pdf>

- 17.Официальный сайт Министерства образования и науки КР.
[Электронный ресурс] // URL: <https://edu.gov.kg/ru/news/pervuyu-shkolu-v-kyrgyzstane-tureckij-fond-maarif-otkroet-v-bishkeke/>
- 18.Официальный сайт Президента КР. [Электронный ресурс] // URL:
http://president.kg/ru/sobytiya/19433_prezident_sadir_ghaparov_prinyal_prezidenta_soyuza_palat_itovarnih_birgh_turcii_mustafu_rifata_hisardghiklio_glu__
- 19.Официальный сайт Фонда «Маариф». [Электронный ресурс] // URL:
<https://turkiyemaarif.org/page/524-Turkish-Maarif-Foundation-12>
- 20.Программа долгосрочного сотрудничества между КР и ИРИ на 2016-2026 годы. <https://cbd.minjust.gov.kg/57-15483/edition/768701/ru?ysclid=mhx9igdjsy72943425>
- 21.Соглашение между Кыргызской Республикой и Исламской Республикой Иран о передаче осужденных лиц - подписано 5 сентября 2015 года в городе Тегеран // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/99175>
- 22.Соглашение между Кыргызской Республикой и Исламской Республикой Иран о выдаче преступников – подписано 21 декабря 2003 года // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17429>
- 23.Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Исламской Республики Иран о предоставлении взаимной административной помощи в целях правильного применения таможенного законодательства, а также предотвращения, расследования и борьбы с таможенными правонарушениями - подписано 29 апреля 2002 года в городе Бишкек // <https://online.toktom.kg/LogOn?ReturnUrl=%2fToktom%2f63184-1%3fdocumentFtsExpr%3d%25D0%25B8%25D1%2580%25D0%25B0%25D0%25BD&documentFtsExpr=%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD>
- 24.Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Исламской Республики Иран об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в

- отношении налогов на доход и капитал – подписано 29 апреля 2002 года в городе Бишкек // <https://www.sti.gov.kg>
- 25.Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Исламской Республики Иран - подписано 31 июля 1996 года в городе Бишкек // <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5169/download>)
- 26.Соглашение об установлении дипломатических отношений между Кыргызской Республикой и Исламской Республикой Иран - подписано 10 мая 1992 г. в городе Ашхабад // <https://mfa.gov.kg/kg/dm/kyrgyz-respublikasynyn-iran-islam-respublikasyndagy-elchiligi/news/1032>
- 27.Торговое Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Исламской Республики Иран - подписано 21 декабря 2003 года в городе Тегеран // http://continent-online.com/Document/?doc_id=30296595
- 28.Трехлетняя программа культурного обмена между Министерством культуры и исламской ориентации ИРИ и Министерством культуры, информации и туризма КР – подписана 23 декабря 2016 года в городе Бишкек // http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/4523_v_ramkah_oficialnogo_vizita_prezidenta_irana_hasana_rouhani_v_kirgizstan_sostoyalas_ceremoniya_podpisaniya_dvustoronnih_dokumentov

Монографии и статьи на русском языке

1. Абеди́ни М.Х. Информация о культурной дипломатии Ирана в Кыргызстане // Адеп. Художественно-культурное издание ИРИ в КР. 2011. №6. С. 2.
2. Агаев С.Л. Иран в прошлом и настоящем. Пути и формы революционного процесса. Москва, 1981. С. 271.

3. Агаев С.Л. Иран между прошлым и будущим. События. Люди. Идеи. Москва, 1987. С. 319.
4. Агаев С.Л. Иран: рождение республики. Москва, 1984. С. 336.
5. Агаев С.Л. Иранская революция, США и международная безопасность. 44 дня в заложниках. Москва, 1984. С. 276.
6. Алибейли Г.Д. Иран и сопредельные страны Востока. 1946–1978. – М., 1989.
7. Алиев Г. Азия и Восток. II том. Исламская Республика Иран. Авторы составители: Галай Аллахвердиев, советник МИД, д.ф.н. Вахдат Султанзаде, советник МИД. Баку: Озан, 2002. С. 38-40 450 с.
8. Алиев С.М. История Ирана, XX век. Москва, 2004. С. 648.
9. Арабаджян А. О государственной политике ИРИ // Иранское общество 80-х годов. Институт Востоковедения АН СССР. Специальный бюллетень №5 (256). Москва, 1988.
10. Атаханов А. Развитие культурных связей государств Центральной Азии с ИРИ в постсоветский период // Исламская революция: прошлое, настоящее и будущее. Тезисы докладов. М., 1997. С.7.
11. Афганистан и безопасность Центральной Азии/ Под редакцией А.А. Князева. Бишкек, 2005. 249 с.
12. Аятолла Хаменеи. Вожди народов XX в. М., 2000. 305 с.
13. Аятолла Хаменеи. Свет Исламской Революции. Речи и выступления Руководителя Исламской Республики Иран. Москва, 2000. 370 с.
14. Бади Ш.М. Городские средние слои Ирана. Москва, 1977. 231 с.
15. Бартольд В.В. Ислам. Сочинения в 9 томах. Том VI. М., 1966. 77 с.
16. Бегиджонович Б. Идеология государственного национализма в Иране в период правления Пехлеви. Н. Новгород, 2017. С. 90-91.
17. Белов, В.И. Цивилизационные основания государства в Иране // Контурь глобальных трансформация: политика, экономика, право. 2024. Т.17. №4. С. 6-19.

- 18.Белов, В.И., Пичугин, С.В., Ранджбар, Д.М. Энергетическая дипломатия и формирование «экономики сопротивления» в Иране // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. №3. С. 522-537.
- 19.Берт Г. Фрагнер. «Персофония» рациональность, идентичность языковые контакты в истории Азии. М., 2018. 87 с.
- 20.Богуславский А. Внешняя политика Исламской Республики Иран на современном этапе // Аналитические записки: Иран. Институт Изучения Израиля и Ближнего Востока. Москва, 2004.
- 21.Богуславский А.Б. Внешняя политика Ирана на современном этапе [Электронный ресурс] // URL: <http://www.iimes.ru/?p=383> (дата обращения 14.01.2022).
- 22.Большая стратегия Ирана. Политическая история /Вали реза Наср; перевод с английского Ксении Орловской. Ереван. Fortis Press. 2025. – 428 с.
- 23.Вартанян А.М. Новые аспекты региональной стратегии в регионе Центральной Азии и Закавказья. Институт Ближнего Востока. [Электронный ресурс] // URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 06.03.2022).
- 24.Вартанян А.М. Трансформация внешнеполитической доктрины ИРИ в 1979-2005 гг. // Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен/ отв. ред. М.Р. Арунова-М., ИВ РАН, 2006. 94 с.
- 25.Владимир Мичурин. Возрождение Ирана в свете теории этногенеза // Наш Современник, № 8, 1992, С.124-128.
- 26.Воронов С. Некоторые аспекты ирано-киргизских отношений на современном этапе. [Электронный ресурс] // URL: https://www.iran.ru/news/analytics/44731/Nekotorye_aspekty_irano_kirgizskih_otnosheniy_na_sovremennom_etape (дата обращения 16.03.2022)
- 27.Врадий А. «Третий путь» Ирана. М., 2012. 12 с.

- 28.Выступление министра иностранных дел ИРИ доктора Харрази на семинаре «Роль региональных сил в решении конфликтов и экономического развития» // Аму-Дарья. Тегеран, 1999, №1. 11 с.
- 29.Галищева Н.В. Внешнеэкономические связи азиатских государств (на примере Индии, Ирана и Турции): учебное пособие. Москва, 2019. 168 с.
- 30.Ганиев Т., Задонский С., Карякин В. Военная мощь Исламской Республики Иран. Москва, 2019. Том I. 536 с.
- 31.Ганиев Т., Задонский С., Карякин В. Военная мощь Исламской Республики Иран. Том II. Москва, 2019. 498 с.
- 32.Даизадехджелодар А. Формирование иранской национальной идентичности. АН РТ. Душанбе, 2011. 158 с.
- 33.Делегация ученых из Кыргызстана встретила с президентом Ирана [Электронный ресурс] // URL: <https://24.kg/archive/ru/community/27049-2007/11/09/67743.html/> (дата обращения 03.03. 2022).
- 34.Доктрина Исламской Революции. Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни / Организация по составлению и изданию произведений Имама Хомейни. 137 с.
- 35.Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905-1911 и 1978-1979 гг. Москва, 1998. 240 с.
- 36.Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. Москва, 1985. 228 с.
- 37.Дунаева Е. Иран и страны ОЭС // ИРИ в 90-е годы. Москва, 1998. 89 с.
- 38.Евсеев В.В. Сажин В.И., Иран, уран и ракеты. Москва, 2009. 272 с.
- 39.Ежова А. Доктрина Али Шариати и кризис концепции «велаят-э факих» в современном Иране [Электронный ресурс] // URL: <http://www.islamcom.ru/material/phd?id=332> (дата обращения: 27.09.2021).
- 40.Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. Москва, 1996. 264 с.

41. Жильцов С. Китай на пути к лидерству: роль инициативы «Один пояс - Один путь» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 4(30). Москва, С. 207-215.
42. Жуков Д. Небо над Ираном ясное. Очерк политической биографии имама Хомейни. 156 с.
43. За 30 лет Иран и Кыргызстан заключили более 100 соглашений [Электронный ресурс] // URL: https://www.vb.kg/doc/413706_za_30 лет_iran_i_kyrgyzstan_zakluchili_bol_ee_100_soglasheniy.html (дата обращения 12.03.22).
44. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран/ Научное редактирование Ахани А.И. Санкт-Петербург, 2008. 343 с.
45. Збигнев Б. Великая шахматная доска / пер. с англ. О.Ю. Уральской. Москва, 2018. 256 с.
46. Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе / пер. с англ., предисл. и коммент. М.Т. Степанянц. Москва, 2002. 200 с.
47. Имаков Т.З., Семедов С.А. Хомейнизм-идеология политического ислама // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. №4. 170 с.
48. Имам Хомейни. Путь к свободе. Речи и завещание, Второе издание. Москва, 1999. 419 с.
49. Иманалиев М.С. Очерки о внешней политике Кыргызстана. Бишкек, 2002. 160 с.
50. Институт востоковедения Академии Наук СССР, Иран: Проблемы экономического и социального развития в 60-70-е годы / Под редакцией А.З. Арабаджяна. Москва, 1980. 303 с.
51. Институт востоковедения РАН. Иран при М. Ахмадинежаде. Москва, 2013. 220 с.
52. Институт востоковедения РАН. Иран, ислам и власть / Под редакцией Н.М. Мамедовой, М. Санай. Москва, 2001. 280 с.

53. Институт востоковедения РАН. Иран, очерки новой истории / Под редакцией А.З. Арабаджяна. Москва, 1976. 467 с.
54. Институт востоковедения РАН. Исламская революция в Иране: Прошлое, настоящее, будущее (сборник статей). Москва, 1999. 214 с.
55. Институт востоковедения РАН. Исламская Республика Иран в 90-е годы / Под редакцией Н.М. Мамедовой. Москва, 1998. 164 с.
56. Институт востоковедения РАН. Роль и место Ирана в регионе (коллективная монография). Москва, 2007. 207 с.
57. Институт востоковедения РАН. Санкции и их влияние на Иран / Под редакцией Н.М. Мамедовой. Москва, 2012. 138 с.
58. Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской Революции): Сборник статей. Институт Востоковедения Российской Академии / Наук под редакцией Е.В. Дунаева. Москва, 2019.
59. Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / Под редакцией Н.М. Мамедовой, М.С. Каменевой, И.Е. Федоровой, Москва, 2016. 364 с.
60. Иран: ислам и власть / Под редакцией Н.М. Мамедова и Мехди Санаи, Москва, 2002. 280 с.
61. Иран: история и современность / Под редакцией Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамадовой. Москва, 2014. 316 с.
62. Исмаил Р., Ахундова Н., Багирова А. Современная стран Азии и Африки (период после 1945 года). Книга II (Страны Юго-Западной Азии и Северной Африки). Баку: издательство Адылоглу, 2004. 656 с.
63. История Кыргызстана XX век. / Под ред. У. Чотонова. Бишкек. 1998. 276 с.
64. Калинин Е.Л. Исламская революция 1979 года в Иране. Записки очевидца. Москва, 2010. 236 с.
65. Карпович О.Г. Тенденции развития современного мира // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 1. С. 9-12.

- 66.Кляшторина Б.В. Культурно-политическая доктрина Ирана в регионе (90 -х). / Институт Востоковедения РАН. Москва, 1998. 121 с.
- 67.Кляшторина В.Б. Иран 60-80-х годов: от культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей. Москва, 1990. 207 с.
- 68.Князев А. Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии - эволюция и приоритеты [Электронный ресурс] // URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/a-knyazev-regionalnaya-strategiya-irana-v-tsentralnoy-azii-evolyutsiya-i-prioritety/> (дата обращения:01.03.22).
- 69.Кожанов Н. А. Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия. Институт Ближнего Востока. Москва, 2011. 186 с.
- 70.Кожанов Н.А. Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения. Москва, 2011. 268 с.
- 71.Краснов К.Г., Юртаев В.И. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «Системного сдерживания». / РУДН. Москва, 2016. 623 с.
- 72.Кременюк В.А. Борьба Вашингтона против революции в Иране. Москва, 1984. 176 с.
- 73.Кулагина Л.М. Внешняя политика ИРИ // Иранская революция 1978-1979 гг. Причины и уроки. Москва, 1989. С. 384-385.
- 74.Кулагина Л.М., Ахмедов В. М. Иран выходит из изоляции // Иран: ислам и власть. Москва, 2002. 161 с.
- 75.Кулагина М.Л. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX - начале XX в. Москва, 1980. 188 с.
- 76.Кыргызстан не позволит США использовать авиабазу в «Манасе» против Ирана, уверен иранский посол [Электронный ресурс] // URL: <https://diesel.elcat.kg/index.php?showtopic=11958434> (дата обращения 03.03.22).

77. Лавров С.В. Россия – Центральная Азия: 30 лет на пути дружбы и сотрудничества [Электронный ресурс] // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1811764/
78. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. Москва, 2006. 221 с.
79. Маликов К. Дилемма обеспечения безопасности: какие еще страны ЦА может ждать нестабильность в ближайшее время? [Электронный ресурс] // URL: http://mnenie.akipress.org/unews/un_post:23843/?from=mnenie&place=authors (дата обращения: 27.02.2022).
80. Маликов К. Страны ЦА региона в новых геополитических условиях на фоне угроз Афганистана. 13 августа 2021. [Электронный ресурс] // URL: http://mnenie.akipress.org/unews/un_post:22786 (дата обращения: 06.12.2021).
81. Мамедова Н.М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. Москва, 1997. 144 с.
82. Маначинский А.Я. Военный потенциал Ирана. Москва, 2015. 368 с.
83. Манучихри А. Политическая система Ирана. Санкт-Петербург, 2007. 240 с.
84. Марков К.В. Сущность «Исламского Возрождения» в современном мире и процессы эволюции общественно-политической системы Исламской Республики Иран. // Иран: ислам и власть / Российская Академия Наук. Институт Востоковедения. Культурное представительство при посольстве ИРИ в Москве. Москва, 2002. 121 с.
85. Махмуд Ахмадинежад: Избранное / Под редакцией Б.М. Ягудина. Казань, 2010. 147 с.
86. Международные отношения на Ближнем Востоке: история и современность: сборник научных трудов памяти проф. Кисилева В.И. Н. Новгород, 2010. 184 с.

87. Месамед В.И. Иран – Кыргызстан: как развивается диалог [Электронный ресурс] // URL: <http://www.iimes.ru/?p=41366> (дата обращения: 02.02.2022).
88. Месамед В.И. Иран-Израиль: от партнерства к конфликту. Москва, 2009. 376 с.
89. Мехдиев Э.Т. Состояние и перспективы отношений Ирана со странами Центральной Азии и Закавказья // Международные отношения. 2017. № 4. С. 1–15. [Электронный ресурс] // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23235 (дата обращения 12.03.22).
90. Мешкени Г. Н. Проблемы и упущенные моменты активности ИРИ в ЦА и на Кавказе // Аму-Дарья. Москва, 2000. №5. 78 с.
91. Министр Р. Казакбаев обсудил с послом Ирана С. Харрази использование ж/д коридора Иран-Туркменистан-Узбекистан-Кыргызстан [Электронный ресурс] // URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/261197398> (дата обращения 15.03.22).
92. Мухаметов А. Не ошибается только тот, кто ничего не делает... Современные версии политической доктрины [Электронный ресурс] // URL: <http://www.islam.ru/pressclub/analitica/neowdenic/> (дата обращения 14.10.2021).
93. Насери С., Шейхсараи. Н. Исламская революция в предвидении будущего. Иран в условиях новых геополитических реалий. Москва, 2019. С.230-231.
94. Никонов В.А. Афера «Иран-Контрас». Москва, 1987. 64 с.
95. Новая большая игра в большой Центральной Азии. Мифы и реальность / Под редакцией М.Н. Омарова Бишкек, 2005. 192 с.
96. Новый посол Ирана в Кыргызстане: «Торгово-экономические отношения между нашими странами имеют огромный потенциал»

- [Электронный ресурс] // URL: <https://for.kg/news-381676-ru.html> (дата обращения 15.03.22).
97. Основные этапы киргизо-иранских отношений [Электронный ресурс] // URL: <https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/osnovnyie-etapyi-kyirgyizsko-iranskih.html> (дата обращения: 02.03.2022).
98. Раванди-Фадаи Л.М. Политические партии и группировки Ирана. Москва, 2010. 216 с.
99. Размышления на тему политической мысли Имама Хумейни (сборник статей российских и иранских ученых). Москва, 2009. 100 с.
100. Резников А.Б., Иран: падение шахского режима, Москва, 1983, 160 с.
101. Рокнифард Ю.В. Внешнеполитический курс Исламской Республики Иран в контексте развития национальной ядерной программы (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук), Н. Новгород-2016. 309 с.
102. Садеги Н.А. Конституционный строй Исламской Республики Иран / пер. с перс. И.Р. Гибадуллина. Москва, 2019. 192 с.
103. Сажин В. И. Вероятность и перспективы реализации Совместного Всеобъемлющего плана действий по решению иранской ядерной проблемы // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / под ред. Н.М. Мамедовой, М.С. Каменевой, И.Е. Федоровой. Москва: ИВ РАН, 2016. С. 250-251.
104. Сажин В. Региональная политика Ирана: «шиитские» рычаги для соседей [Электронный ресурс] // URL: // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1093845240> (дата обращения: 12.02.2020).
105. Сажин В.И., Бондарь Ю.М. Военная мощь Исламской Республики Иран. Москва, 2014. 512 с.

106. Салиев А.Л. Восточный вектор внешней политики Кыргызстана. Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток. Бишкек: КРСУ, 2011. 412 с.
107. Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. (социально-политические и экономические аспекты). Москва, 2002. 136 с.
108. Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. Москва, 2020. 320 с.
109. Санаи М. Внешняя политика Ирана: между историей и религией // Россия в глобальной политике. 2006. №1. [Электронный ресурс] // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnyaya-politica-irana-mezhdu-istoriei-i-religiej/> (дата обращения: 04.03.2021).
110. Санаи М. Иран и иранцы. Алматы, 1998. 37 с.
111. Санаи М. О стратегии и тактике внешней политике ИРИ (в региональном контексте) // Иран в условиях новых геополитических реалий. / под. ред. Е. В. Дунаева. Москва, 2019. 142 с.
112. Санаи М. О стратегии и тактике внешней политике ИРИ в региональном контексте. Иран в условиях новых геополитических реалиях / Сб. статей. Институт Востоковедения РАН. Москва, 2019. 136 с.
113. Санаи М. О стратегии и тактике внешней политике ИРИ в региональном контексте. Иран в условиях новых геополитических реалиях / Сб. Статей. Институт Востоковедения РАН. Москва, 2019. 142 с.
114. Сикоев Р.Р. Панисламизм. Истоки и современность. Москва, 2010. 154 с.
115. Системная история международных отношений в двух томах / Под редакцией А.Д. Богатурова. Том второй. События 1945-2003 годов. Москва, 2007. 720 с.

116. Складов Л.Е. Иран 60-80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция. Москва, 1993. 255 с.
117. Субхан Талыблы. Внешняя политика Исламской Республики Иран в 1979-2005 годах) (часть 1). [Электронный ресурс] // URL: <https://www.turkishnews.com/ru/content/2012/05/25/Внешняя-политика-Исламской-Республики> (дата обращения: 03.03.2022).
118. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. Москва, 1986. 102 с.
119. Улан Алымкул уулу Эшматов. Что из себя представляет и какие цели преследует фонд «Маариф». Азаттык. 2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-maarif-turkey/29476939.html>
120. Уостнидж Эдвард. Внешняя культурная политика ИРИ в ЦА. // https://ca-c.org.ru/journal/2014/journal_rus/cac-04/11.shtml (дата обращения 05.02.2020).
121. Ушаков В. А. Иранская внешняя политика накануне XXI-го века. Ближний Восток и Современность: Сборник статей. Выпуск шестой. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. Москва, 1999. 231 с.
122. Ушаков В.А. Иран и мусульманский мир (1979-1998 гг.). Москва, 1999. 214 с.
123. Федорова Е. И. Ирано-американские отношения после принятия Совместного всеобъемлющего плана действий по решению иранской ядерной проблемы // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. Москва: ИВ РАН. 261 с.
124. Федорова И.Е. Иран-США: Диалог и противостояние. Москва, 2004. 141 с.
125. Филин Н.А., Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран (1979-2008 гг.): Факторы устойчивости государственной власти: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва, 2012. 284 с.

126. Фрагнер Б.Г. «Персофония». Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии. Москва, 2018. 136 с.
127. Хандогин К. Идеология хомейнизма и ее влияние на формирование концептуальных основ внешней политики Ирана // Власть, 2011. № 10. 113 с.
128. Харрази С.С Диалог цивилизаций на Великом Шелковом Пути / Сборник статей по итогам научной конференции. Бишкек, 2002. 33 с.
129. Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. Москва, 2001. 240 с.
130. Хомейни Р. Путь к свободе: Речи и завещание. М., 1999: Палея 346 с.
131. Хомейни Р.М. Религиозное и политическое завещание. Москва, 1999. 83 с.
132. Царегородцева И. Иран подал официальную заявку о вступлении в ШОС. [Электронный ресурс] // URL: <https://rodon.org/polit-080325122835> (дата обращения: 04.07.2021).
133. Центральная Азия: вчера, сегодня, завтра: Материалы Международной научной конференции. Бишкек, 2002. 464 с.
134. Цуканов В.П. Неравномерность регионального развития Ирана (экономика и политика 60-70-е годы). Москва, 1983. 126 с.
135. Шамин И.В. Современная геополитика: некоторые вопросы теории и практики: Монография. Н. Новгород, 2009. 231 с.
136. Шарипов У.З. Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии. Москва, 2013. 376 с.
137. Шарипов У.З. Тегеран - жизнь накануне, середина 70-х гг. XX-го века (очерково-аналитические зарисовки). Москва, 2015. 264 с.
138. Юртаев В. И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима // Outlines of global Transformations, volume 10, number 2, 2017. 75с.

139. Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. Москва, 2008. 48 с.
140. Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. Москва: Аспект Пресс, 2018. 157 с.
141. Юртаев, В.И. Особенности современной внешней политики Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. №2. С. 13-20.
142. Юртаев, В.И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. №2. С. 66-80.

Монографии, статьи и доклады на английском языке

143. Abrahamian, E. Iran Between Two Revolutions. – Princeton: Princeton University Press, 1982. 561 p.
144. Afkhami, Gh.R. The Iranian Revolution: Thanatos on a National Scale. – Washington: Middle East Institute, 1985. 276 p.
145. Akbarzadeh, Sh., Barry, J. 2016. State Identity in Iranian Foreign Policy. British Journal of Middle Eastern Studies. 43(4). P. 613-614.
146. Akbarzadeh, Sh. William, G., Anoushiravan, E. Iranian Proxies in the Syrian Conflict: Tehran's "Forward Defense" in Action // Journal of Strategic Studies. 2022. P. 1-24.
147. Akhavi, Sh. Religion and Politics in Contemporary Iran: Clergy- State Relations in the Pahlavi Period. – Albany: State University of New York Press, 1980. 255 p.
148. Alemzadeh, M. The Attraction of Direct Action: The Making of the Islamic Revolutionary Guards Corps in the Iranian Kurdish Conflict. // British Journal of Middle East Studies. 2021. P.1-20.
149. Authoritarian Alliance: The Systemic Factors That Bring Russia and Iran Together. In Struggle for Alliance: Russia and Iran in the Era of the War

- in Ukraine, edited by Abdolrasool Divsallar. New York: I.B. Tauris. 2024. P. 175-202.
150. Bashiriyeh, H. The State and Revolution in Iran, 1962-1982. – New York: St. Martin's Press, 1984. 203 p.
 151. Bajoghli, N., Vali, N., Djavad, S.-I., Ali, V. How Sanctions Work: Iran and the Impact of Economic Warfare. Stanford, CA: Stanford University Press. 2024.
 152. Blattman, Ch. Why We Fight: the Roots of War and the Paths to Peace. New York. Viking. 2022.
 153. Brothers, Comrades and the Quest for the Islamist International: The First Generation of Liberation Movements in Revolutionary Iran. In the Fate of Third Worldism in the Middle East, edited by Rasmus Elling and Sune Haugbrolle. London. Oneworld. 2024. P. 121-144.
 154. Brown, C. Religion and State. The Muslim Approach to Politic- N.Y.: Columbia University Press, 2001. 170 p.
 155. Central Asia and The Caucasus Review, The 11'th International Conference in Central Asia and The Caucasus, № 43, Fall 2003
 156. Chubin, Sh., Sepehr Z. The Foreign Relations of Iran: A Developing State in a Zone of Great-Power Conflict. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1974. 362 p.
 157. Cole, J.R.I., Nikki, R. K. (eds.). Shi'ism and Social Protest. – New Haven: Yale University Press, 1986. 325 p.
 158. Coll, S. The Achilles trap: Saddam Hussein, the C.I.A., and the Origins of America's Invasion of Iraq. New York: Penguin Press. 2024.
 159. Cordesman, A. Weapons of Mass Destruction in Iran / Center for Strategic and International Studies. – 1998.
 160. Cottam, R.W. Nationalism in Iran. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1964. 332 p.

161. Eshraghi, A.R., Amir, H.M. The Evolution of the Revolutionary Guards. In the Sacred Republic: Power and Institutions in Iran, edited by Mehran Kamrava. New York: Oxford University Press. 2023. P. 187-220.
162. Firoozeh, K.-S., Fragile Frontiers: the Diminishing Domains of Qajar Iran. Int'l. Journal of Middle Eastern Studies, Vol. 29, 1997. P. 205-234.
163. Gheissari, A. Unequal Treaties and the Question of Sovereignty in Qajar and Early Pahlavi Iran. Ann Lambton Memorial Lecture, Durham Middle East Papers 106, Institute for Middle Eastern and Islamic Studies, Durham University. 2023. P. 8-41.
164. Grace, E. Goodell. The Elementary Structures of Political Life: Rural Development in Pahlavi Iran. Oxford: Oxford University Press, 1986. 362 p.
165. Hamid, A. Roots of the Islamic Revolution. London: The Open Press. 1983. 136 p.
166. Heikal, M. The Return of the Ayatollah. London, 1981. 217 p.
167. Hujjat al-Islam Muhammad Javad Noruzi . Role of Islam in the Occurrence and Victory of the Iranian Revolution. Imam Khomeini and the Islamic Revolution. A collection of Articles. 2008. The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works / International Affairs Department. 211 p.
168. Imam Khomeini and the International System: A Collection of Articles. Mohammad Hossein Hafezian (ed.), Tehran, Islamic Republic of Iran, The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works International Affairs Department. 2006. 614 p.
169. Iran and Russia in Syria: A Changing Alliance amid the War in Ukraine. In Struggle for Alliance: Russia and Iran in the Era of the War in Ukraine, edited by Abdolrasool Divsallar. 2024. New York: I.B. Tauris. P. 313-342.
170. Iran at War: Interactions with the Modern World and the Struggle with Imperial Russia. London: I.B. Tauris. 2023.
171. Iran in Iraq: How Much Influence? / International Crisis Group, Brussels. – Middle East Report № 38 – 21 March 2005.

172. Iran: Is There a Way Out of the Nuclear Impasse? / International Crisis Group, Brussels. – Middle East Report № 51 – 23 February 2006.
173. Iran: The Struggle for the Revolution's Soul / International Crisis Group, Amman/Brussels. – Middle East Report № 5 – 5 August 2002.
174. Iran: Where Next on the Nuclear Standoff? / International Crisis Group, Amman / Brussels. – Briefing, 24 November 2004.
175. Kalim, S. Stages of Islamic Revolution. Lahore, 1996. 138 p.
176. Katouzian, H. State and Society in Iran: The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis. – I.B.: Taurus, 2000. 256 p.
177. Katouzian, H. State and Society in Iran: The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis, I.B. Taurus, 2000. – P. 77, 327–328.
178. Kazemi, F., Ajdari, Z. Ethnicity, identity and politics // Central Asia meets the Middle East. London, 1998. 85 p.
179. Keyhan B. Middle East and International Security. Foreign Policy. Vol.22, autumn 2008. 460 p.
180. Koch, A., Wolf, J. Iran's Nuclear Facilities: a Profile. 1998. // <http://www.cns.miis.edu/pubs/reports/pdfs/iranpt.pdf>
181. Lenczowsk, G. The Middle East in World Affairs. N. Y., 1962. 723 p.
182. Lenczowski, G. Iran under the Pahlavis. Stanford University. 1978. 550 p.
183. Lewis, B. Faith and Power: Religion and Politics in the Middle East- N.Y.: Oxford University Press, 2010. 13 p.
184. Maltzahn, N. The Syria-Iran Axis: Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East. London, New York: I.B. Tauris, 2013. 288 p.
185. Menashri, D. Iran and Central Asia// Central Asia meets The Middle East. London, 1998. 85 p.
186. McChesney, R.D. Central Asia's place in the Middle East // Central Asia meets the Middle East. London, 1998. P. 25-51.

187. McChesney, R.D. Central Asia's place in the Middle East // Central Asia meets the Middle East. London, 1998. 31 p.
188. Menashri, D. Iran and Central Asia// Central Asia meets the Middle East. London, 1998. 89 p.
189. Menashri, D. Iran and Central Asia // Central Asia meets the Middle East. London. 1998. 89 p.
190. Mohamad, T.-T. Refashioning Iran: Language and Culture During the Constitutional Revolution. Iranian Studies, vol. 23, numbers 4, 1990. P. 77 – 101.
191. Morgentau, H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1961.
192. PA officials say Hezbollah is trying to disrupt cease-fire // Reuters and Haaretz Service, February 9, 2005.
193. Painter, D., Gregory B. The Struggle for Iran: Oil, Autocracy and the Cold War, 1951-1954. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 2023.
194. Perletta, G. Political Radicalism and Ahmadinejad's Presidencies. New York: Palgrave Macmillan. 2022.
195. Quarterly Culture and Diplomacy by Directorate-General Department of Cultural Coordinations, Vol. 1, Fall 2001
196. Qutb, S. Jihad in the Couse of Allah. Karachi, 1988. P. 107-142.
197. Rad, A. The State of Resistance: Politics, Culture and Identity in Modern Iran. New York: Cambridge University Press. 2022.
198. Ramazani, R.K. Reflections on Iran's foreign policy: Defining the national interests //John E., Ramazani R.K. Iran at the crossroads. N.-Y.:Pal grave, 2001. 227 p.
199. Ramazani, R.K. Reflections on Iran's foreign policy: Defining the national interests // John E., Ramazani R.K. Iran at the crossroads. N.-Y.:Pal grave, 2001. 227 p.
200. Report of the Secretary-General on the implementation of resolution 1701 (2006) – Lebanon. – 18 August 2006. S/2006/670.

201. Revolutionary Iran: Challenge and Response in the Middle East. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. 311 p.
202. Revolutionary Iran's 1979 Endeavor in Lebanon. Middle East Police 20. 2023. №2 (June). P. 137-152.
203. Roots of Revolution: An Interpretive History of Modern Iran. New Haven: Yale University Press, 1981. 321 p.
204. Roy, O. Iran's foreign policy towards Central Asia. N.Y., 1999. 16 p.
205. Sachednia, A.A. The Idea of the Mahdi in Twelver Shi'ism. Albany: State University of New York Press, 1981. 240 p.
206. Savory, R. Iran under the Safavids. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 132 p.
207. Shafic, M. Basic Principles of the Islamic Government // Islamic Studies. Vol. XX11, № 1. 1983.
208. Shuster, W. M. The Strangling of Persia. New York: Century Company, 1912, Reprint Greenwood Press, 1968.
209. Sick, G. All Fall Down: America's Tragic Encounter with Iran. New York: Random House, 1985. 366 p.
210. Sokolsky, Ri., Johnson S., Larrabee F.St. Persian Gulf Security: Improving Allied Military Contributions. NY: RAND Inst., 2001.
211. Stempel, J.D. Inside the Iranian Revolution. Bloomington: Indiana University Press, 1981. 336 p.
212. Tajbakhsh, K. Creating Local Democracy in Iran: State Building and the Politics of Decentralization. New York: Cambridge University Press. 2022.
213. The Constitution of the Islamic Republic of Iran. Articles 1-14 (General principles); 62-70 (Legislative Power); 113-117 (The Executive Power); 152-155 (Foreign Policy) // <http://www.iranonline.com/iran/iran-info/Government/constitution.html>
214. The text or the agreement between Iran and the International Atomic Energy Agency for the application of safeguards in connection with the treaty

on the non-proliferation of nuclear weapons // Information Circular IAEA. 13 December 1974.

215. The text or the agreement between Iran and the International Atomic Energy Agency for the application of safeguards in connection with the treaty on the non-proliferation of nuclear weapons // Information Circular IAEA. 13 December 1974.

Монографии, статьи и доклады на персидском языке

216. Moulana, Kh., Mohammadi M. 1387 // Сийасате хареджийе джомхурийе эсламийе Иран дар доулате ахмадинежад. Техран. Нашре додгостар. 250 с.
217. Moulana, Kh., Mohammadi M. 1387// Сийасате хареджийе джомхурийе эсламийе Иран дар доулате ахмадинежад. Техран. Нашре додгостар. 250 с.
218. Дехгани-Фурузабади Д.С. Сийасате хареджийе джомхурийе эсламийе Иран-Техран, сазманоне моталее ва тадвине кетабе алуме энсанийе данэшгахха (самт) 1388. 142 с.
219. Зоуки, И. Авамэле моасэр бар сийасате хараджийе Иран / Тарихе равабэте хареджи. Фаслнамэ. Сале авввал. 1378, зэмэстан. №1 (Зоуки И. Факторы, воздействующие на внешнюю политику Ирана // История внешней политики. Ежеквартальный журнал. Тегеран: Центр документации и истории дипломатии МИД ИРИ, 2000.-№1. С. 100-108.
220. Конституция Исламской Республики Иран (кануне асасийе джомхурийе эсламийе иран аз базарган та роухани) // Гасэми Ф., Раззагипур С. Исламская Республика от Базаргана до Роухани (джомхурийе эсламийе Иран аз базарган то роухани). Лондон: H & S Media, 2016. С.623. قانون اساسی جمهوری اسلامی ایران از بازرگان تا روحانی، قاسمی ف.، 623. رزاقی پور س. لندن. H & S Media, 2016. 623 с.
221. احمدی امیر، سیاست خارجی منطقه‌ای ایران، بخش 2 // اطلاعات سیاسی-اقتصادی، 1993/1372. شماره‌های 73 و 74، ص 7

222. ازگندی علی‌رضا، سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران. تهران: قمس، سال 1382، ص 18.
223. [http://Hill/Iranian Diplomacy Editorial/11](http://Hill/Iranian_Diplomacy_Editorial/11) // URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/news/2001933/> (дата обращения: 03.03.2021).
224. پراحمدی حسین. اقتصاد سیاسی و تعامل دولت و نظام جهانی: ضرورت پژوهش‌های نوین. در تدوین سیاست خارجی، سیاست خارجی، سال 1381، شماره 4.
225. پرویز ذوالعین. حقوق دیپلماتیک. تهران، 2001. ص. 107.
226. پرویز ذوالعین. حقوق دیپلماتیک. تهران، 2001. ص. 107.
227. تهماسب. ایران، روسیه و جمهوری‌های جنوب اتحاد شوروی سابق // گفتگو. 1993/1372، شماره‌های 73 و 74، ص 6.
228. // چرا تعامل با کشورهای آسیای مرکزی در اولویت سیاست خارجی ایران قرار ندارد؟ <https://www.isna.ir/news/1400011707497/>
229. چرا تعامل با کشورهای آسیای مرکزی در اولویت سیاست خارجی ایران قرار ندارد؟
230. حمید احمدی، «ترکیه، پان ترکسیم و آسیای مرکزی»، مطالعات اورآسیای مرکزی، مرکزی مطالعات عالی بین‌المللی، شماره 5، تهران، سال 1388، ص 12.
231. خبر و نظر – تهران، سال 1359، شماره 118، 128.
232. خمینی روح‌الله. حکومت جمهوری اسلامی، ص 3.
233. ده سال روابط بین ایران جمهوری قرقیزستان. بیشکک، ۲۰۰۲.
234. ده سال روابط بین ایران و جمهوری قرقیزستان. بیشکک، 2002. ص. 41.
235. دهقانی فیروزآبادی د.س. سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران – تهران، سازمان مطالعه و تدوین کتاب علوم انسانی دانشگاه‌ها (سمت)، 1388، ص 142.
236. راهنمای تجارت کشور قرقیزستان. تهران، 2008. ص ۹۲.
237. راهنمای تجارت کشور قرقیزستان. تهران، ۲۰۰۸.
238. رایزن فرهنگی ایران در بیشکک: اتفاقات خوبی در روابط فرهنگی ایران و قرقیزستان در
239. زوکی ا. عوامل مؤثر بر سیاست خارجی ایران // تاریخ روابط خارجی. فصلنامه، سال اول، 1378 زمستان، شماره اول، تهران، مرکز اسناد و تاریخ دیپلماسی وزارت امور خارجه جمهوری اسلامی ایران.
240. سجادی‌پور سید محمد کاظم، رفتار سیاسی آمریکا نسبت به روابط ایران با کشورهای حوزه خزر، فصلنامه مطالعات آسیای مرکزی و قفقاز، شماره 21، ص. 79.

241. طرح سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران در آسیای مرکزی
242. // طرح سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران در آسیای مرکزی
URL:<http://ensani.ir/file/download/article/20161213114240-10070-45.pdf>
243. گام اول توسعه همکاری تجاری ایران و قرقیزستان
244. گام اول توسعه همکاری تجاری ایران و قرقیزستان
245. گام اول توسعه همکاری تجاری ایران و قرقیزستان
246. گام اول توسعه همکاری تجاری ایران و قرقیزستان
247. گام اول توسعه همکاری تجاری ایران و قرقیزستان
248. گام اول توسعه همکاری تجاری ایران و قرقیزستان //URL:<https://ecoiran.com/>
(дата обращения 12.03.22)
249. مجله مؤسسه مطالعات استراتژیک: مطالعات متون سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران
- تهران، سال 11، شماره 40، سال 1388، ص 323
250. محمدرضا حافظ نیا، محمود شمس دولت‌آبادی، محمد حسین افشردی - علایق ژئوپلیتیکی
ایران در آسیای مرکزی و فرصتهای پیش رو - فصلنامه ژئوپلیتیک - سال سوم، شماره سوم، پاییز
۱۳۸۶، ۷۸ - ۱۱۹ صص
251. محمدرضا حافظ نیا، محمود شمس دولت‌آبادی، محمد حسین افشردی - علایق ژئوپلیتیکی
ایران در آسیای مرکزی و فرصتهای پیش رو - فصلنامه ژئوپلیتیک - سال سوم، شماره سوم، پاییز
۱۳۸۶، ص 79
252. مولانا حجت‌الله محمدی م. 1387/ سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران در دولت
احمدی‌نژاد. تهران، نشر دادگستر، 250، ص 116
253. نظام‌علی صالحی، تعاملات ژئوپلیتیکی ایران با آسیای مرکزی و تأثیر آن بر امنیت ملی
ایران. فصلنامه «علوم و فنون نظامی»، زمستان 1385
254. هرزیک. ایران و منطقه جنوبی اتحاد شوروی سابق/ ترجمه کاملیا احتشامی اکبری. تهران:
دفتر مطالعات سیاسی و بین‌المللی، سال 1375، ص 13-14
255. [http://Hill/Iranian Diplomacy Editorial/11](http://Hill/Iranian%20Diplomacy%20Editorial/11) // <http://www.irdiplomacy.ir/fa/news/2001933/> (дата
обращения: 03.03.2021).

Монографии, статьи и доклады на кыргызском языке

256. Адеп. Ирна ислам республикасынын Кыргызстандыгы маданий корком басылышы. 2009. №2. 16 б.
257. Имам Хомейнинин кыска жана даанышман сөздөрү / Которгон Мирзохалим Каримов. Бишкек, 2012. 75 б.
258. Маданият-достуктун копуросу // Кыргыз Туусу, № 91. 2001.С. 5.
259. Ормушев А. Кыргызстан-Иран мамилелерине 20 жыл. Бишкек, 2012. 206 б.
260. Ормушев А.С. Имам Хомейни жана Иран Ислам Революциясынын жетишкендиктери. Бишкек, 2015. 188 б.
261. Ормушев. А.С. Эл аралык университеттерлеги таалим-тарбия багыттындагы таджрибалар (Туркия, Кувейт, Иран). Коомдук илимдер. 1 (2011). 117 б. // Ислам тануу архиви. Д.324.л.1, 12. 01.2011.
262. Орузбаева Б.О. Илимдерге саякат. Бишкек, 2010. 222 б.

Монографии, статьи и документы на арабском языке

263. Абдулла Ибрахим Зайдул Килани. Усулул аъля султатуль дауля фил ислам (Основы государственной власти в Исламе). – Амман, 1997.
264. Абдуль Хамид Мутавали. Шариатуль исламия ка-масдар асас лиль канун филь дуваль хадиса (Исламский Шариат как основа для закона в современных странах). Амман, 1999.
265. Аль-Багдади. Аль-Фарк (Различие) Том 2. – Амман, 1950.
266. Аль-Маварди. Ал-ахкам ас-султанийя (Принципы управления). Дамаск, 1974.
267. Ахмад Риза Мустафа. Тахкик фи далаилал-Имамат (Доказательство Имамата). Бейрут, 1975.
268. Аш-Шахрастани. Китабуль адьян ва фирак (Книга религии и сект). Каир, 1988.
269. Вахбату Зухайли. Аль-фикхуль ислами ва адиллатуху (Исламская юриспруденция и её доказательства, раздел: алакатуль давлия (международные отношения). Дамаск, 1991.

270. Ибн Касир. Ас-сиратуль набавия (Жизнь Пророка). Том. 2. Амман, 1996.
271. Камиль Салама Ад-Дукси. Давлятуль Расул мин таквин иля тамкин (Государство Пророка от создания до укрепления). Амман, 1997.
272. Мусса Мавсави. Ас-сираъа байна Шиъа ва Ташъи (Борьба между шиитами и теми, кто принял политические идеи раннего шиизма). Амман, 1987.
273. Ражих Курди. Шарху маъани мусталахат ас-сиясия филь Куран (Объяснение смысла политических терминов в Коране). Дамаск, 1978.
274. Субхи Ас-Салих. Нузум аль-исламия ва ихтилафу филь хилафа (Исламские системы и разногласия в выборе Халифы). Амман, 1985.
275. Хасан Ибрахим. Тарихуль Ислам ва Хилафа (История Ислама и Халифата). Том 1. Бейрут, 1982.
276. Яхья Жамал. Анзима сиясия филь дувалу аль-муслима (Политические системы в мусульманских странах). Амман, 1990.